

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

СИБИРЬ

370/3 3.2018

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал писателей Восточной Сибири

Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»

Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры и архивов Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Святому святое

К столетию канонизации святителя Софрония, епископа Иркутского и
всех Сибири чудотворца

Избранник Божий 3

Поэзия

Анатолий Александров. Неверный блик дуэльной стали 17

Юрий Баранов. Засыплет снег знакомую тетрадь... 38

Сергей Чепров. И только Русь одна — Святая! 48

Анатолий Лисица. Шли военные годы мои... 64

Владимир Андреев. Соловьи над колыбелью 69

Час поэзии. «Идёт молодой и неопытный век» (М. Рябиков, Д. Полеонный, В. Поливцев,
А. Фадеев, Н. Якимова, Э. Панасенко, В. Губин, К. Иванова) 82

Проза

Владимир Крупин. Три пирамиды. Рассказы 25

Дмитрий Воронин. Контрабанда. Рассказ 44

Василий Забелло. Бурундук. Рассказы 54

Владимир Максимов. Экзамен по научному коммунизму. Рассказ 93

Сквозь века и истории

Юрий Похабов. Хула и слава Ивана Похабова, или Штрихи к портрету одного
из отцов-основателей Иркутска 105

Анатолий Байбородин. Иерусалимский погост. Очерк 114

Публицистика

Борис Башилов. Сперанский и результаты произведенных им реформ 143

Критика

Анатолий Заболоцкий. Кому в угоду перелопачивают Шукшина?

О книге А. Варламова «Шукин» 150

Вера Харченко. Идеал семейного уклада.

О рассказе В. Распутина «Женский разговор» 160

Василий Козлов. «Цыганочка» с выходом. <i>Не совсем иркутская история</i>	165
<i>К 70-летию писателя Владимира Максимова</i>	
Ирина Прищепова. Счастье быть писателем	173

Радоница

К 80-летию со дня рождения писателя Леонида Бородин

Леонид Бородин. «Считаю себя русистом». <i>Беседа с критиком Владимиром Бондаренко</i>	182
--	-----

Вернисаж

Татьяна Соловьёва. Вселенная художника Александра Москвитина	194
---	-----

Книжная лавка

Оксана Запольская. «Добрый всходам начинать сначала...» <i>О библиотеке Валентина Распутина</i>	202
Эдуард Анашкин. Живая глубь времён... <i>О двухтомнике В. Скифа «Древо с листьями имён»</i>	206
Григорий Лазарев. Ода русской народности. <i>Александр Никифоров. «Путевой лист».</i> <i>Стихи разных лет (Иркутск, 2017)</i>	209
Книжная полка	212

Сулочка к ребру

«Я парень с вертолетом в голове...» Литературные пародии	215
---	-----

События

Валерий Скрипко. В поисках сибирского характера. <i>Обзор журнала «Сибирь» № 2. 2018</i>	220
Андрей Сальников. Послушайте Белова... <i>Всероссийские Беловские чтения в Вологде</i>	228
Сибирь литературная. <i>Обзор журнала «Сибирские огни» за первое полугодие 2018 года</i>	233
Владимир Скиф избран Академиком Академии поэзии	235
Победа тулунского писателя Николая Зарубина	236

Главный редактор А.Г. БАЙБОРОДИН

Директор редакции Ю.И. БАРАНОВ

Заведующий отделом поэзии В.П. СКИФ

Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь С.В. ЗУБАКОВА

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, А.С. Гурулёв, В.К. Забелло, В.В. Козлов, И.И. Козлов,
А.К. Лаптев, М.П. Попова, О.К. Стасюлевич, Л.А. Сулейманова, В.Н. Хайрюзов.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции. Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Л.Н. Заступова.

**Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.
Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600**

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Адрес учредителя: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.
Телефон редакции: 8-914-92-75-720. Электронный адрес редакции: sve-t-lana@mail.ru
Подписано в печать 29.06.2018 г. Выход в свет: 09.07.2018 г. Формат 70х108/16.
Усл-печ. л. 21. Тираж 1300. Цена свободная.
Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел. (3952) - 23-38-45.
Отпечатано в типографии: «Репроцентр А1», 664023, г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2.
Тел. 8 (3952) 540-940. E-mail: info@printrepro.ru

Святому святое

К столетию канонизации святителя Софрония, епископа Иркутского и всех Сибирей чудотворца

Избранник Божий

В начале XVIII века на Украине родился мальчик, наречённый Стефаном. Что запало в детстве в душу мальчика? Благочестивые родители, нега родной природы? Что позвало его к Богу, привело в монашество? Весь строй тогдашней жизни? Но и в то время был грех, и не все люди XVIII века стали святыми. Так кто же зажёл в душе отрока любовь к Церкви и Богослужению? Ответ может быть один — сам Господь, который сказал: «...много званых, но мало избранных».

Отец Стефана — Назарий Федоров, «посполитый человек», то есть простолюдин. У Стефана было два брата (один из них стал наместником Красногорского Золотоношского монастыря) и сестра

Пелагея, которая, овдовев, тоже приняла монашество. Детские годы Стефана прошли в местечке Березань Переяславского полка. Киевская духовная академия, куда поступил отрок, славилась своей учёностью. Получив образование, Стефан стал послушником в Красногорском Преображенском монастыре, где после трёхлетнего пребывания в разных монастырских трудах был пострижен в монашество с именем Софроний. Неотходно после пострижения находясь по иноческому уставу несколько дней в храме Божиим, монах Софроний услышал ночью в Покровской церкви обращённый к нему глас: «Когда будешь епископом, построй храм во имя Всех Святых...»

Спустя два года Софрония вызвали в Киев, где в Софийском соборе инок был пострижен в сан иеродиакона, а затем иеромонаха. Просвещённая, разумная и деятельная жизнь Софрония в мирной тиши провинциальной обители стала известной в столице. Дочь Петра Великого — императрица Елизавета Петровна — по вступлении в 1741 году на престол, будучи русской по душе

и плоти, стала отыскивать и выбирать для служения на все главные государственные и правительственные должности русских людей. Православная по духу, она вызывала в столицу на церковное служение и проповедование Слова Божия духовенство, могущее и словом и делом укрепить Православие в онемеченной столице. Внимание императрицы было обращено на Малороссию, где воспитание и жизнь создали личностей, закалённых в борьбе за русскую народность и православную веру, которые могли бы сей русский дух утвердить и в столице.

Её милостивым повелением в 1742 году из скромной Красногорской обители в Александро-Невский монастырь призывается и иеромонах Софроний. Сначала инок был назначен казначеем монастыря, что успешно исполнял и в Красногорске, а в 1746 году был утверждён в должности наместника, в которой пребывал семь лет.

С привычным трудолюбием Софроний принялся за устройство обители. В помощники себе вызвал своего земляка, уроженца города Прилуки Полтавской губернии иеромонаха Синесия. Много Софронием было сделано для повышения уровня преподавания в семинарии, находящейся при Лавре, для пополнения книжного фонда монастырской библиотеки. При нём была построена двухэтажная церковь с верхним престолом во имя Святого Феодора Ярославовича, старшего брата Александра Невского, и нижним — во имя Святого Иоанна Златоуста.

Величественная внешность, светлый ум, строгая жизнь обратили внимание императрицы, которая отличила Софрония своей милостью, жертвами и подарками. Таким же уважением и любовью пользовался Софроний и от других вельмож, богатых жителей Петербурга, что помогало ему располагать большими средствами и влиянием для богоугодных дел. Императрица, великая мастерица в шитье, в знак монаршей любви и почтения к наместнику лавры, собственноручно вышила и подарила епитрахиль, пояс и поручи, шитые по серебряной парче и красному бархату цветными шелками, серебром и золотом.

Именным указом от 23 февраля 1753 года она указала Святейшему Синоду на благочестивого наместника как на лицо, не только достойное епископского сана, но вполне могущего оправдать желания и надежды государыни и Синода — подъять бремя епископского служения на далёкой окраине империи среди дикой природы и произвола людского. 18 апреля иеромонах Софроний был посвящён в епископа Иркутского и Нерчинского, при этом на него был возложен между другими архиерейскими одеждами и саккос белый, серебряный, шитый золотом, серебром и шёлком, весь украшенный серафимами, — работа и подарок самой императрицы! Белый цвет — взгляд Елизаветы Петровны на Софрония как на монаха благочестивого, чистого и пылавшего серафимской любовью к Богу!

* * *

Паства иркутская и вся Восточно-Сибирская страна скорбела шесть лет без архипастыря: умер по дороге в Братский острог епископ Иннокентий II. Некому было без епископа рукополагать в священники. Софроний сознавал

трудность предстоящего ему служения. Собираясь с духом, он звал с собой в Сибирь и других достойных служителей церкви. Тогдашняя Иркутская епархия обнимала собой Енисейскую, Якутскую, Забайкальскую и Камчатскую земли, что составляло десятки тысяч квадратных вёрст.

Простившись с Петербургом и Москвою, святитель посетил родные места, свою первую Красногорскую обитель, поклонился преподобным Киево-Печерским святым и через Тобольск последовал обычным путём в Иркутск. 20 марта 1754 года, приблизившись к городу, Преосвященный заехал в Вознесенский монастырь, место жительства первого епископа Иннокентия Иркутского и Нерчинского. Из монастыря, помолившись над гробом святителя, Преосвященный в архиерейском облачении отправился в город. Для встречи прибывшего Владыки из Богоявленского кафедрального собора вышло крестным ходом со святыми образами соборное иркутское духовенство в сопровождении вице-губернатора и всех чиновников с множеством народа! В это время над всем городом с церковных колоколен звучал торжественный звон...

Произвол и притеснение всех и всюду власть имущими, сутяжничество людей торговых и коренных жителей, ссыльные люди — всё это со всеми пороками встало перед взором прибывшего архипастыря. Недостаток служащих в епархиальном управлении, крайняя нужда в священниках, диаконах и дьячках были вопиющими. Наместником Вознесенского монастыря Софроний поставил иеромонаха Синесия, которого взял с собою в Сибирь. В Киренский монастырь вместо неграмотного настоятеля-монаха отправил тоже прибывшего с ним иеромонаха Вениамина Юзефовича. В Посольский монастырь направлен приехавший с ним иеромонах Гervasий Леонтович. Забота о настоятелях была первою, потому что они составляли административную силу, были членами епархиального управления, монастыри служили главным источником содержания епархии.

Штат священнослужителей был вполтину меньше, чем требовалось, многие из имеющихся священников были неграмотны или дряхлы, а то и преданы винопитию. Епископ Софроний разослал по всей епархии послание, чтобы в Иркутск присылали из причетчиков (дьячков и пономарей) достойных священства, а именно, «человека доброго, не любодейцу, не убийцу, в воровстве и обмане не обличенного, не клеветника, в домостроительстве своем не ленивого...». И таких епископ тоже не сразу рукополагал в духовенство, а подвергал испытанию; и тех, кто за скудостью разума были неспособным обрести грамоту, отвергал.

Особо пёкся епископ о благочестии духовенства, и наказывал нерадивых, подверженных винопитию. Так, однажды новопроизведённый священник Иосиф Громов замечен был пьяным. В приказе благочинному святитель писал: *«...Усмотрен мною... зело отягчен пьянством, при восприятии такого священнического характера не надлежало было пьянствовать, но оную Божественную благодать должно было содержать свято, чисто, совестно, чего он соблюдать пренебрег: за что — при собрании новопроизведенных, для исправления жизни и на страх другим, жестокое учинить плетью наказание, с подпискою, что он, Громов, пьянствовать никогда не будет».*

На призыв епископа Софрония приходы вяло отзывались, и многие храмы

так и оставались без священников. Епископ вторично рассылает свой указ с угрозой: поповских детей, кои не пожелают чина духовного, отдавать в солдаты. В 1754 году, объезжая епархию, епископ понял, что местными силами ему не удовлетворить все потребности в пастырях. Софроний шлёт в Священный Синод просьбу, дабы прислали из внутренних епархий *излишних людей*, в особенности семинаристов и духовного чина. Но мало кто пожелал ехать в далёкую, суровую, холодную, полудикуую Сибирь.

Святитель вызнал степень грамотности детей в самой епархии, после чего издал указы, чтобы крестьянских детей — от каждого монастыря по одному — присылали в консисторию учиться письму, а также повелел собрать детей духовенства для обучения славянской грамоте, писанию и пению. Для сего имелась принятая Софронием от предыдущих святителей школа-семинария при архиерейском доме. Дом для школы Софроний значительно расширил, обустроил, и сам преподавал некоторые дисциплины. Духовенство обязывал обучать своих детей даже под угрозой штрафа.

Указы о необходимости образования духовенства повторялись, ибо в их среде бытовала неприязнь к письменной грамотности. Это можно было объяснить тяжёлыми условиями быта тогдашнего духовенства, кое жило крестьянским трудом, да на редкие пожертвования и скудные подаяния за церковное служение и исполнение треб.

Одною из мер к нравственному и религиозному подъёму духовенства были частые поездки святителя по епархии. Первая поездка — летом 1754 года, сразу по прибытии на место. Зимой 1756 года владыка уже за Байкалом, летом в Киренске и Якутске, в 1758-м — в Нерчинском округе, Чите и опять в Якутской области.

Владыка сурово и справедливо наказывал иереев, дьяконов, что предавались порокам, после чего те жили благочестиво, служили усердно. Проезжая по Лене через Киренск, владыка узнал о греховодном житье Исакова, священника Киренского острога, и прочих; и повелел игумену здешнего монастыря: *«духовенство, если пребудет в пьянственном и невоздержном житии, смирать саждением в цепи в монастыре, и на братские труды, в мукосейку и хлебопекарню»*.

Результатом тяжких и напряжённых поездок владыки по епархии стали семьдесят два указа, вот некоторые из них...

«Усмотрено, что во всех церквах во время богослужения народ, вместо слушания пения и молитвы с крестным знаменем и поклонами, производит разговор во время пения, отчего в священнослужении чинится немалое помешательство. Во время службы разговоры запретить, а довольствоваться церковным пением. Ежели же кто будет разговаривать, то — в силу указа Императора Петра Великого — не выпуская из церкви — брать штраф с каждого человека по 1 рублю на строение церкви...»

«Учинилось известно, что вдовы и девки многие проживают блудодейством. Мало того, они прижитых от блудодейания детей отменяют в пустые и скаредные места и тем погубляют жизнь рожденных. За такие богомерзские дела отсылать блудно живущих в светскую команду для наказания... Если замечено будет вами (священниками. — В.Ш.), что в приходе вдовы и

девки являются чреваты, тем внушайте и приказывайте, чтобы они принесли рожденных ими детей в женские богадельни, и клали бы для прикрытия стыда тайно. Живущие же в богадельни не должны выпрашивать персоны у принесшей младенца... Образы стаду своему бывайте (священники. — В.Ш.) своею христианскою жизнью... внушайте зазорно живущим, чтобы они боялись блудодетей, убегали от греха, а не стыдились бы рождения детей, кое Бог устрояет, да грех омыется: ово — слезами стыда и покаяния, ово — трудами пропитания и возвращения дитяти своего; и яко из смерти жизнь явися; поне и Господь Иисус Христос о законном рождении глаголет: жена егда рождает — скажу законне — скорбь, — болезней и срамление обнажения телесного, — имать; егда же родит, к тому не помнит скорби, радости ради — зане родися человек в мир. А вы, блудные, рожденное вами дитя погубляете ложного ради стыда; мнози и мужатые жены слезно желают иметь чада, и не имут, аще и праведни суть перед Богом. Анна оная, мати Самуила пророка, и другие праведные жены; а ты рожденный тобою плод убиваешь...»

* * *

8 июля 1758 года в Иркутск приехал следователь винокуренных дел, коллежский асессор Пётр Никифорович Крылов, принесший иркутянам изрядно бед. Узнав, кто богат, кто беден, Крылов, из добряка поначалу, вдруг резко переменялся: с жестокостью напал на богатых, особенно из купечества. Купцы, в большинстве виноторговцы, поплатились не только торговлею, но и разорением семейным и своею жизнью. Под пытками его скончался купец Иван Бичевин. Многие купцы от страха и пыток скрылись из Иркутска. Тогда Крылов глумился над их семьями, жёнами и дочерьми. Квартину себе избрал в доме купца Мясникова и обратился снаружи в крепость, охраняемую солдатами, вытребованными из Селенгинска, преданными ему за щедрые подачки.

Этот чудовищный временщик навёл страх на иркутян; люди боялись показываться на улицах, плач детей унимали его именем, женщины и девицы разбегались по соседям, когда он заходил в дом. За обиженных вступились сами оскорблённые: полицмейстер градский и директор Иван Щукин, а потом и начальник губернии вице-губернатор Вульф. На требования губернатора Крылов обвинял его в слабом управлении губернией, утайкою казённых денег, других противозаконных поступках. Силою же своих солдат отстранил Вульфа от должности и себя объявил вице-губернатором. Во всём этом он опирался на огромные полномочия, которые в те времена даваемы были подобным лицам. Не мешкая, Крылов составил на Вульфа донос в Санкт-Петербург, заставил опальных пытками его подписать. Принудил иркутян подписать им же составленную челобитную от имени граждан, чтобы Вульф был удалён от должности за обиды и преступления, а вместо него поставили бы Крылова. И всё это с курьером отправил в столицу.

Тут-то и высказал свою пастырскую самоотверженность святитель Софроний, коему стали известны беззакония Крылова. Служилые и граждане обратились к владыке, как единственному защитнику, прося помощи. Пока были законные гражданские власти, Преосвященный не принимал видимого уча-

ствия, хотя неоднократно лично говорил Крылову о его несправедливых судах, но Крылов не слушал. После захвата власти Крыловым Софроний написал самой императрице донесение, где описал все злодеяния самозванца. Пакет с лихим курьером сержантом Конюховым владыка отправил в августе 1760 года в Петербург. Хоть курьер Крылова выехал на несколько дней раньше, Конюхов в Тобольске обогнал его. На жалобы иркутян и донесение Преосвященного из столицы последовало приказание Вульффу арестовать Крылова и скованного отослать в Москву. Только тогда Иркутск вздохнул свободно и возблагодарил Бога и владыку Софрония.

* * *

Заботой архипастыря было укрепление семейной жизни прихожан, коя бы опиралась на русский Домострой с его строгими нравственными основами, с христианским таинством брака. И сие было в запущении из-за великих сибирских пространств и малого числа храмов, недостатка священников. Браки часто совершались не в церкви, а в часовнях или домах. Население вследствие лёгкого взгляда на жизнь начинало брачное сожитие до совершения таинства, некоторые жили вовсе невенчанными. Отсюда частый разлад и раздор в семье, разводы, оставление на произвол судьбы незаконнорожденных детей.

Святитель взял с церковного причта подписки, чтобы те строго исполняли предбрачные условия: *«отца и мать брачующихся — приводить к присяге в верности их показаний о брачных; о приших писать какого города и чина, давно ли и откуда, и по паспорту ли прибыл; был ли женат и которым браком теперь женится; давно ли его жена померла и имеет ли на то удостоверение и достоверных свидетелей»*. От жениха и невесты требовалась исповедь и принятие Святых Таинств. Духовенство обязывалось никого не венчать в часовнях под опасением извержения из сана, запрещалось венчать после обеда, а только с утра, после литургии, согласно правилам Кормчей книги. Как писал святитель, *«чтобы все видели обеты жениха и невесты, но и да помолятся о женихе и невесте, и да дарует им Господь Благодать Свою... Кая же твоя молитва будет, аще ты отягчен обилием принятых тобою яств и испитого вина? Како Господь внемлет молитве от скверных уст и от сердца отягчена и от ума помрачена питием? Отягченный сими и мысли свои не собирает воедино и како может молитву вознести к небу и представи сию к Богу? Да и в храм входящие, отягченные яствами и пьянством, сквернят храм, прогневляют Бога своим презорством Его величия и славы, но и прогоняют милость Божию не только от себя, но и от брачующихся, удаляют Благодать Божию, а то и гнев Божий призывают на себя и на всех. Того ради и святая Церковь повелевает в свое время совершати таинства, а не в то, когда ядшим и пьющим оное пожелается»*.

* * *

Иное служение владыки Софрония заключалось в строительстве и обустройстве церквей. Через полтора года по прибытии в Иркутск недалеко от

кафедрального Богоявленского собора по приказу владыки был возведен деревянный архиерейский дом с крестовой церковью при нём, а через двенадцать лет дом переделали в каменный. В 1758 году, объезжая нерчинские заводы, Софроний скупает медь для литья колоколов кафедрального собора. Во время поездки в Якутск распоряжается, чтобы Киренский монастырь отпустил 1000 пудов хлеба для прокормления рабочих, строящих собор в Иркутске, оплатив всю сумму за хлеб из собственных средств. Делает распоряжения настоятелям монастырей и благочинным, чтобы разыскивали и присылали людей по найму — мастеров, плотников, каменщиков, кузнецов, слесарей, ювелиров, иконописцев — для постройки и украшения собора, начатого его предшественниками, но так и незаконченного: холодный и главный придел Богоявленского собора всё ещё требовал средств на постройку и отделку...

Голос свыше, голос Божий о постройке храма в честь Всех Святых, слышанный Софронием при пострижении, и голос иркутской паствы, желающей иметь храм или придел во имя чтимой Чудотворной иконы Казанской Божьей Матери, владыка исполнил, и к собору были пристроены Казанский придел и придел в честь Всех Святых. Радением епископа Софрония Богоявленский собор божественно благоукрашался.

В семнадцатилетнее правление владыки Софрония все деревянные церкви в Иркутске и во многих других селениях были переделаны в каменные.

Для торжественности и величия богослужений Преосвященный создал прекрасный архиерейский хор, который состоял из учеников архиерейской школы, а также из отроков, вызываемых из епархии для научения церковному чтению и пению с целью приготовления в дьячки. В этот же хор владыка призывал и градских дьячков, и диаконов — постепенно и по очереди от каждого прихода и церкви, — чтобы научить правильному и благолепному совершению богослужений. Указами по всей епархии строго повелел: *«Первое — совершать каждения всюду, где оно указано церковным уставом, ибо каждение есть жертва Богу, сопровождающая, очищающая и усиливающая нашу молитву. Второе, неотменно производить благовест: на утрени на 9-ю песнь и на литургии: на «Достойно есть» и во время пения: «Тебе поем, Тебе благословим...»* Увы, сие не делалось в приходских церквях...

Заставляя благоговейно совершать богослужение, владыка учил духовенство и мирян находить в службе утешение и поддержку для нравственного исправления и возрастания в духе любви к Вышнему и ближнему. Даже женщины из семей духовенства и мирян, по замечанию историка, в своих домах пели по велению души стихиры, антифоны и ирмосы вместо светских песен.

* * *

Святитель понимал значение монастырей как центров миссионерства, источников просвещения. С приездом владыки Софрония в Иркутск запустевшие было монастыри стали оживать, благоустраиваться. Даже отдалённый Нерчинский монастырь получает своего настоятеля и наместника. Сам почти четверть века управлявший обителями, опытный строитель монастырей и руководитель монашеской жизни, владыка Софроний издал инструкцию для

избираемых им настоятелей, где подробно изложил, как успешно управлять обителью в делопроизводстве и хозяйственной деятельности... Вот образец части его инструкции иеромонаху Аркадию, назначенному настоятелем Селенгинского монастыря:

«Тебе же твердое знание иметь и крепко наблюдать: везде ли состоят в утверждении межевые знаки и не владеет ли кто из партикулярных (частных) жителей монастырскими землями, сенокосами и прочими угодьями, не ронит ли кто из посторонних людей в монастырских дачах леса на хоромы или на дрова: и ежели оныя обиды от кого чинимы усмотрятся, таковым возбранять... буде же кто, надеясь на свою силу, станет то запрещение презирать, то о таковых, яко сущее святую обитель преобидающих, доставлять донесения со всяким обстоятельством... Все строить всячески с радением, как принадлежит, заблаговременно: ибо какое дело начинается безвременно, от того напрасная трата происходит и присовокупляется, и явная в наймах безмерно высокая цена давана быть имеет, а заблаговременное строение — и прибыль и прочее быть имеет...»

Обращает внимание святитель на своевременную и усердную уборку хлеба, молотьбу, на то, чтобы наёмные люди трудились, не ленились, себе в прибыль и монастырю, чтобы кормили работников сытно, но без излишества. *«Чтобы кони и скот содержаны были во всякой чистоте и добром присмотре и чтобы без особой нужды кони для езды не употреблялись... Ежели где имеются рыбные ловли, чтобы всегда в должное время были произведены промыслы, чтобы несвоевременною ловлею не производилось истребление, или помеха в размножении рыбных пород и росту рыбы... чтобы рыбный промысел доставлял пищу не только на монастырский обиход, но, ежели возможно, и на продажу от монастыря».*

Владыка советует наместникам сдавать рыбные промыслы только своим монастырским промышленникам: зажиточных людей монастырю выгоднее иметь, чем бедных и изнурённых. Притом свои под рукой, а посторонних в нужное время не всегда сыщешь. Из опасения от пожара и воров, *«чтобы печи были крепкие и трубы были всегда чищены... по ночам караул имели крепкий... караульщики были всегда в трезвости. <...> Чтобы при монастыре и в вотчинах служители и монастырские вкладчики и крестьяне вина отнюдь не курили, и в кабаки не ходили, и не пьянствовали бы; також ни в какие бы игры, в деньги и на пожитки отнюдь не играли; ибо от того происходят многие ссоры, иные же приходили в крайнее разорение и нищету, так как последний свой хлеб, скот и прочее продают и на вине пропивают и потому в платежах, а в особенности в казну Ея Императорского Величества подушных и прочих денег бывают несостоятельны».*

Святитель повелевает кабаки с монастырских земель удалить. Монахам к служителям, вкладчикам и по кельям не ходить, дабы не пьянствовали, и не было бы никакого шуму и крику, *«но всяк бы в своей келье пребывал благочинно, как правила святые повелевают».* Монахам же без крайней нужды и без благословения настоятеля за монастырь не выходить, послушавшихся сажать в карцер, на цепь или отдавать на тяжёлые работы. Во время принятия пищи братии читать жития святых. Людей пришлых и бродячих при монастырях

не держать. Завести школу для обучения крестьянских детей чтению, письму, церковному пению, разным ремёслам и хозяйственным работам, чтобы иметь своих портных, сапожников, плотников, токарей, которых приходится со стороны нанимать за немалые деньги. Благотворение оказывать с осторожною осмотрительностью, дабы не разводить тунеядства...

Мудрое управление владыки монастырями епархии дало им силы устоять и пережить 1764 год — изъятие у обитателей в пользу государства крестьян, земель и угодий... Когда же Софроний поставил управление монастырей на твёрдую основу, враг рода человеческого и тут вмешался. Так, нерчинский воевода Губин на основании слов пьяного цехового Серебрянникова — якобы наместник Антоний говорил, что не хочет молиться о здоровье Великой княгини Анны Петровны, — обвинил наместника в государственном преступлении и приказал солдатам закованного в кандалы иеромонаха отправить в Иркутск. Монах был оправдан, но пострадали дела монастырские, да и сам Антоний настрадался.

На привезённых Софронием из России настоятелей за стеснение ими людского произвола, к чему в глухомани привыкли, злобные и завистливые люди сочиняли ябеды. Так был оговорен иеромонах Гервасий Леонтович, за что настоятеля Посольского монастыря вызвали в Иркутск, где он был оправдан. Но клевета злонамеренных и порочных людей расстроили здоровье Леонтовича, в 1760 году игумен скончался. Оговаривали вкладчики и Вениамина Юзифовича, игумена Киренского монастыря, якобы за обиды, взятки и притеснения. Но стойки и тверды были в вере, настойчивы в борьбе с превратностями времени люди, привезённые Софронием в Сибирь.

Верным помощником, исполнителем всех предначертаний и желаний своего друга был и архимандрит Синесий, послуживший Вознесенскому монастырю тридцать три года, за что Господь удостоил его после кончины нетлением тела и чудотворениями! Четырнадцать лет Владыка зорко наблюдал за строительством Вознесенского собора в Иркутске под руководством архимандрита. Наконец, в 1767 году собор был освящен!..

* * *

На бескрайних просторах от гор Саянских до Тихоокеанских островов Берингова пролива и Ледовитого океана кочевала тьма разноплеменных язычников: монголов, бурят, тунгусов, орочен, урянхайцев, якутов, чукчей, камчадалов, юкагиров, коряков и других народностей. И некому было учить грамоте, миссионерствовать среди язычников, строить церкви на их землях и служить в них. Владыка в своей просветительской ревности обращается за содействием ко всем, не только к белому духовенству, но и к мирянам, и увещевает:

«Не одни токмо иереи или миссионеры должны суть проповедовать Евангелие Христово, но и вси христиане и мирстии такожде должны проповедовать Евангелие Христово, сказуя язычником слово Божие, согласно святому писанию и разуму св. церкви и святых отец... Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваши добрыя дела и ваше незазорное житие, реку и прославят Отца вашего, иже на небесех».

Грядущий святой советовал иереям, мирянам своим благочестием показывать преимущество христианского образа жизни. По епархии святитель убеждает священников:

«Принявших св. крещение учить вере и правым догматам как возможно кратко... чтобы желающих крестили, новокрещенных учили бы грамоте и показывали бы, что есть закон христианский. Чтобы к шаманам и другим жрецам крещенные не ходили, идолов в юртах не имели и не кланялись бы им. Продолжительных молений на новоначальных не налагать, но только бы по четвертой заповеди в праздники собирались; и повседневно — поутру и ложась спать — краткими молитвами молясь, себя освящали; и те молитвы, аще возможно, перевести на их каждого собственный язык. Посты с различием брашен не налагать, зане инии токмо и препитание имеют мяса, рыб и зверя всякого; но учили бы при каких ни на есть брашнах — всегдашнего воздержания; и сказывали б, что объядение и пьянство — великий грех есть. Увещевали бы, чтобы на всякий год в определенное время при воздержании плотоугодия и при искренней исповеди причащались Пречистых Таин; и что к таковому великому таинству имели желание, и веру, с надеждою оставления всех своих исповеданных грехов. Больных, а наипаче в нечаянии живота — при сокрушении сердечном о грехах — сподобляли причащением, хоть и в неопределенное время, и без алкания (принявших уже пищу и пивших воду. — В.Ш.), как например растерзанного зверем, ушибленного деревом, смертельно изъязвленного разбойниками... Чтобы священники смотрели крепко, чтоб кто-либо не ввел новокрещенных в сумнительство. О вводящих в сумнительство докладывать в консисторию и светскую команду».

И вот основа христианского мирозерцания, мировоззрения, проведенная святителем:

«Нежелающим святого крещения, после обращения и увещевания, принуждения не чинить и никаких угроз не делать, понеже христианской проповеди надлежит любовь со смирением, кротостью и тихостью, понеже сердце человеческое насильствуемо быть не может». (Указ Ирк. дух. Консист. 18 авг. 1755 г.)

* * *

Во времена владычества святителя Софрония даже на далёкой и дикой Камчатке было открыто двенадцать школ, откуда выходили чтецы, певцы, псаломщики, диаконы и священники-миссионеры. Спустя семьдесят лет после кончины Софрония камчатские инородцы, даже когда священники не являлись к ним для удовлетворения церковных треб, оставались преданными сынами христианства, исполняя обряды церкви, требования церковного устава. Каждого младенца камчадалы крестили сами, как умели! Протоирей Прокопий Громов, посетивший камчатские земли в 1847 году, писал: *«На одном ночлеге меня попросили поздно вечером поехать верст за 5 напутствовать больного; поехали мы нартою на оленях по тайге через горы и пади; на одной горке стояла ураса (конусообразный из бересты маленький шалаш), расположенная среди снега; входим в это маленькое помещение или, вернее, прикрытие, на оленьей шкуре, разостланной на мерзлой земле, лежит благообразный юно-*

ша в жару; больной, хоть был тунгус, но хорошо говорил по-русски, он изумил меня отчетливостью своей исповеди, в которой ясно выражалось, что тунгусы-христиане были выучены наблюдать над своим духовным миром. С какими подробностями этот 15-летний юноша, предчувствуя свой близкий переход в другой мир, исповедовал каждый свой грех <...> даже припоминая и то, что было поводом к тому или другому греховному состоянию, мысли и чувству. По исповеди он был приобщен Святых Таин; и опять, с какою верою и любовью и с какою надеждою (как бы уже видя телесными глазами то, что только может быть доступно очам веры) на будущее состояние души верующего христианина, — сей юноша принял Тело и Кровь Христовы! И это воспитанник тайги, суровой пустыни и, по-видимому, молчаливой природы! Я пришел к заключению, что этот бродячий народ, лишенный христианско-пастырского назидания, по загробным молитвам обративших их или их предков (блаженного Софрония и его славных сподвижников) наставляется и руководится Самим Богом, Который по словам апостола Павла: «не далече от каждого из нас...».

Пленять в послушание Евангелию было делом святителя Софрония. Для сего владыка изучает историю Сибирской миссии, даёт руководства для её правильного ведения.

* * *

Для архиерейского дома епархия владела дачей близ города и другой лично для владыки на реке Китое, которая обрела название: село Архиерейское. Истый сын Малороссии, где усадьба не мыслима без сада и огорода, владыка и здесь занялся садоводством и огородничеством, что явилось подспорьем для содержания архиерейского дома.

Дача близ Иркутска по реке Ушаковке около чистой родниковой и речной воды была удобной для крестьянского труда; земля годилась для распахки под посев, для сенокоса и огорода. Дома, скотный двор, роща, цветник, пруд для рыбы, заходящей с реки, купальня встраивались в красивый пейзаж! Владыка Софроний не случайно выбрал это место близ Ново-Ямской дороги. Оно было ближайшим сухопутным путём для инородцев со скотом, чаем, товарами, пушниною, другою добычею ездившими торговать и делать покупки для домашнего обихода в город. Останавливаясь у дачи для отдыха, они беседовали с Софронием, знакомились с основами христианского учения, а заодно и с земледелием.

Будучи доступным в светской и церковной жизни, Преосвященный был также прост и доступен в келейной домашней жизни. Архиерейский дом всегда был открыт для служебных и частных лиц. К владыке являлся и проезжий путник, дабы получить благословение, приходил и старый инвалид за подаванием и чтобы владыка поместил его куда-либо доживать старческие годы. Приходила и вдова, прося пристроить сирот-детей и дать ей пособие. Этот софрониевский дух простоты и доступности унаследовали позже другие иркутские архипастыри.

Ведя подвижническую жизнь, Софроний был строгим постником, кормил-

ся скудно и просто; служил весьма часто, и большую часть ночи проводил в молитве. Спал не на кровати, а прямо на полу, укрываясь тонким покрывалом. Так совершал святитель свой тернистый путь жизни, шёл узкими вратами в жизнь вечную. Стараясь вести других ко спасению, призывая во двор Церкви Христовой и язычников, сам святитель преуспевал «от силы в силу»! Своими подвигами блаженный Софроний очистился, возвысился духовным совершенством и просветился до прозорливости.

* * *

Суровая жизнь, тяжкие труды от темна до темна, служебные путешествия на лошадях по необъятной Сибири надломили мощное здоровье владыки Софрония. Боясь ответственности перед Богом за упущения, возможные при быстро гаснущем здравии, Преосвященный решил передать архиерейскую кафедру молодому, деятельному архиерею, и в 1770 году просился у Синода по старости и болезни в Малороссию, на покой, в свой первый Золотоношский монастырь, чтобы там иметь вечное упокоение. Санкт-Петербург медлил, трудно было найти такого же пастыря для Сибири. Во время болезни Софроний продолжал заниматься епархиальными делами, частными заботами. *«...Сколько бы слабость нашего здоровья ни препятствовала: для церкви Божий стараться за долг считаю»*, — писал владыка якутской купчихе Кипчаговой. А здоровье Софрония ухудшалось, он повторил просьбу... В марте 1771 года Преосвященный сильно ослабел, страдая жестокою болезнью, и во вторник Пасхальной седмицы, в ночь с 29 на 30 марта по старому стилю, на шестьдесят восьмом году земного жития блаженная душа святителя Софрония отошла к Победителю смерти и ада, воскресшему Христу-Жизнодавцу...

Владыку, облечённого в святительские одежды, положили во гроб, до извещения от Синода о форме отпевания, и перенесли в Казанский придел. Епископов отпевали монашеским чином, но были уже случаи отпевания преосвященных по чину священническому. Указом от 8 июля 1771 года Синод предписал отпеть Софрония по чину священническому. Указ пришёл в Иркутск в конце сентября. 8 октября Преосвященного отпели и погребли в Казанском приделе, у арки, ведущей на клирос. За 6 месяцев и 9 дней, между кончиною и погребением, в летнее время тело Преосвященного Софрония не дало признаков тления в гробе, не зарытом в землю, стоящем поверх пола. Поистине, своею смертию блаженный Софроний переходил к жизни вечной и присносущной.

* * *

Под тезоименитою иконою Софрония, патриарха Иерусалимского, и архидиакона Стефана в Казанском приделе собора был поставлен портрет почившего владыки, изготовленный, по преданию, ещё при жизни святителя, писанный масляными красками на холсте. Преосвященный на парсуне в архиерейском облачении, волосы весьма белые, седые, глаза голубые, взор строгий, проникающий; многие прихожане и прежде и ныне не могут смотреть на святителя, не выносят взора, нападает страх и сознание своей греховности.

В 1833 году при внутреннем ремонте в Казанском приделе собора вскрыли пол и увидели целыми гроб Преосвященного и черную архиерейскую мантию на нём; открыв гроб, нашли нетленными мощи святителя и одежды, в которых он был погребён. Отслужив панихиду, закрыли всё, настелив новый пол. В 1870 году вновь переделывали пол, и снова увидели гроб Софрония. По благословению Преосвященного архиепископа Парфения ключарь собора протоиерей Иоанн Чирцев и ректор Иркутской духовной семинарии Модест после заупокойной литии открыли обе крышки и увидели совершенно целое и благоухающее тело святителя. Рука, держащая крест и разрешительную молитву, была бела, как снег, и, когда протоиерей и ректор прикладывались к ней, чувствовали благодатное благоухание! Лица не открывали из благоговения.

После этого тело блаженного Софрония более не было скрыто под спудом, но для доступа и поклонения почитателей архиепископ Парфений приказал оставить отверстие, люк в церковном полу, и закрывать его вне богослужений крышкою на шарнирах; а для спуска ко гробу была вставлена в подполье обычная лестница. Также завели книгу для записи о благодатных знамениях от мощей святителя Софрония после молитвенного обращения к чудотворцу.

Во время внутренней покраски собора в начале 1880-х годов перенесённый к южной стене ход в пещеру был закрыт, доступа в неё не было. Однажды, во время вечерних занятий в своей домашней комнате, которая находилась на третьем этаже архиерейского дома, архиепископ Вениамин, сидя за столом, занимался просмотром текущих епархиальных бумаг. Вдруг слышит, что кто-то идёт в его комнату, поднимаясь по крутой винтообразной лестнице. Предполагая, что это идёт келейник, Преосвященный Вениамин продолжал чтение. Вошедший остановился и молчал. Владыка Вениамин, оторвавшись от чтения, направил взор к вошедшему: пред ним стоял святитель Софроний, который сказал: «Тесно мне и сыро!» — и стал невидим. Архиепископ Вениамин на завтра пошёл в собор, приказал открыть пещеру, в ней действительно был спёртый сырой воздух; зелёною плесенью был покрыт гроб и стены пещеры. Архиепископ приказал расширить пещеру, сделать доступ воздуху и правильный спуск. Кроме сего, владыка Вениамин при большом стечении богомольцев начал каждый четверг совершать панихиды по святому Софронию, присоединив к нему и других почивших епископов иркутских.

Преосвященный Мелетий в 1887 году, осматривая гроб Софрония, записал: *«Гроб глубокий; под подушкою деревянное изголовье; подушка темно-фиолетового цвета, шитая золотистыми нитками и блестками с кистями серебрянозолоченными... Лицо покрыто параманным шелковым светло-малиновым воздухом... Сандалии — желтой или нечерненной кожи — большие, видимо преосвященный Софроний был большого роста и крупного телосложения; на правой руке надеты недорогие четки... Поклонившись и лобызав руки и митру, испросив прощение за любознательность, — мы открыли воздух, покрывавший лицо: с благоговением увидели благолепное лицо, глаза закрыты, большая белая окладистая борода, такие же белые волосы выдаются из-под митры на оба плеча; на лице тела достаточно, лицо мягкое, белое — бледное; выражение в лице молитвенное; уста открыты кругообразно, как бы у поющего; благоговение и слезы обьяли нас. Чудилось нам, что святитель*

Софроний молится, славит Бога и поет!.. Поклонившись и возблагодаривши Бога, вышли из пещеры, которая казалась нам не могильным склепом, а храмом благодати... Гроб Христов дал мир Апостолам, — и мы получили мир и радость души».

В 1887 году архиепископ Вениамин от излишнего любопытства приказал закрыть гроб гвоздями. А в ночь на 18 апреля 1917 года в соборе произошёл пожар, уничтоживший мощи угодника Божия. Верующие это восприняли как жертву святителя во время кровопролитной братоубийственной революционной брани «за град и за люди своя».

* * *

Для решения о канонизации святителя Софрония, пока целы были мощи, по просьбе иркутских пастырей и паствы Святейшим Синодом была создана особая комиссия. В брошюре «Явление благодатной помощи святителя Софрония, 3-го епископа Иркутского» содержится описание 65 чудес, проверенных комиссией; имеются и листы с подписями 18000 лиц, выражающих твёрдую уверенность, что воистину *«приспело время всецерковного прославления»*; отзывы врачей Клевзала и Волобуева о некоторых наиболее ярких случаях чудесных исцелений по молитвам святителя на основании показаний, данных под присягой. На Соборе от 5 апреля 1918 года, проходившем в Москве под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона, был заслушан доклад комиссии и словесное заявление Преосвященного Елисаветградского Прокопия, викария Херсонской епархии, бывшего при освидетельствовании мощей святителя Софрония в 1909 году. Собор постановил прославить святителя в лике святых, память его совершать 30 марта (12 апреля по новому стилю) в день блаженной кончины.

Одна из частиц святых мощей святителя, помещённая на его иконе, находится в настоящее время в Красногорском Золотоношском монастыре (ныне женском. — *В.Ш.*), духовно возмужавшем Софрония в дни юности. Владыка до конца дней своих проявлял заботу о родной обители, посылая туда необходимые средства, священные одежды, церковную утварь. В обители же хранился портрет, где изображён измождённый подвигами, но духовно привлекательный лик архипастыря. На посланные владыкой деньги был построен каменный Преображенский собор.

Святитель Софроний — чудотворец, ибо множество чудесных исцелений были ранее и будут впредь при молитвенном обращении к сему святому угоднику. Помолимся же иркутскому святому: «Святителю Христов Софроние! Предстоя у престола Божия, призри с небесе на нас, грешных и недостойных раб Божиих (имена)! Возгрей сердца немощных людей и призови к покаянию и исправлению жизни греховных. Утверди нас твоею благодатною помощью, предстательством твоим и молитвами прихodi сей от всякого зла и навета вражия огради, спаси и сохрани именем Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Ему же славу приносим во веки. Аминь».

Житие святителя Софрония Иркутского изложил Владимир Шавёлкин

АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВ

Неверный блик дуэльной стали

Декабрь в Михайловском

Бряцает конская узда,
В снегу стоят дома,
На небе падает звезда.
В Михайловском зима.

Сверкает лёд о край воды.
Деревья в серебре.
Замёрзли Сороть и пруды
В холодном декабре.

О том, что будет, промолчи.
Когда придёт гроза —

Глядят на ясный свет свечи
Усталые глаза.

А тень сползает на плечо,
Идёт по волосам.
В столице будет горячо —
Ты это знаешь сам.

Уже ползёт зловещий рок
О край Невы-реки:
Приходит срок, последний срок —
Друзья ведут полки.

АЛЕКСАНДРОВ Анатолий Алексеевич родился в 1953 г. в д. Кладовицы Локнянского р-на Великолукской области. Стихи начал писать в старших классах школы. В 1971 г. поступил в Ленинградский государственный университет на исторический факультет, который окончил в 1976 г. по специальности «Археология», и с этого же времени живёт в Пскове и работает в Псковском государственном музее-заповеднике. В 1985 г. закончил аспирантуру в Институте археологии АН СССР в Москве и защитил кандидатскую диссертацию, получив степень кандидата исторических наук. Анатолием Александровым написано около 130 научных и научно-популярных статей. Автор книг: *«Во времена княгини Ольги»* (Псков, 2001), *«Древности раннего железного века в Псковской земле: импорты и подражания»* (Псков, 2014), *«Эпоха камня и бронзы в Псковской земле»* (Псков, 2014). Последняя по времени публикация стихов в сборнике *«Шутить — не плакать - 2»*. Член Союза писателей России. Живёт в Пскове.

И там, над сумрачной Невой, — К бумагам тянется рука,
О чём желать не смей — В окошке меркнет свет.
Повсюду дым пороховой: Была победа так близка,
Победа или смерть! Но нет победы, нет!

Блистают высверки подков, Уже заходит свет зари,
Мелькают знамена... В печи трещат дрова.
А тут, в строках его стихов, Гори же, рукопись, гори —
Родные имена. Десятая глава!

Пушкин в Михайловском

Оплавшей свечи догорающий свет,
И шторы уже опустили...
Когда-то здесь жил и работал Поэт —
Надежда Великой России.

А ныне, ступая к нему на крыльцо,
Увидят заезжие барды
Простое до боли Поэта лицо,
Цилиндр, сюртук, бакенбарды.

Темнеют деревни за Сороть-рекой,
А дальше — земля нежилая.
Поэта в изгнание на сельский покой
Послала рука Николая.

О город петровский, монархов оплот!
В Михайловском этого нету;
Бумага, перо и чернила — ну вот,
А что ещё надо поэту?

В далёкой столице на тёмной Неве
Остались друзья-забияки...
И трость на пожухлой холодной траве
Выводит незримые знаки...

Пощады от нынешней власти не жди.
И крики, и ропот народа...
А где-то в безгласье ещё впереди
Декабрь двадцать пятого года.

До этого, правда, ещё далеко,
А сверху всё воет и воет,
Покуда щетина гвардейских штыков
Сенатскую площадь закроет.

Уж скоро пойдут затяжные дожди,
А кроны на клёнах алеют.
И ветер осенние листья кружит,
И Пушкин идёт по аллее.

Пушкинский праздник

О праздник на семи ветрах!	Перо и верная рука —
Настало это время года.	И ты — великий русский гений!
И нынче в Пушкинских Горах	Одна летящая строка
Шумит скопление народа.	Бывает выше всех творений!

Ни у кого сомнений нет —	Строений тут — наперечёт —
Как в океан впадают реки —	Умельцев славная работа,
Поэт России — он Поэт	И Сороть синяя течёт
Для мира целого навеки.	За край зелёный горизонта.

Медовый запах калача —	Вверху — Всевышнего рука.
И нет счастливее подарка,	В природе — полное молчанье.
И строфы плавные звучат,	И кучевые облака
И тишина в аллеях парка.	Плывут над озером Кучане.

Дуэль Пушкина

Холодной ночью выюга выла,	К дуэли пару пистолетов
Дороги снегом серебря,	Поставил сумрачный Лепаж.
Свинцово-серым небо было	
Отлито в пули января.	Тоска во взорах отстранённых,
	И вбок уже не посмотреть:
А вот легла тропинка щелью,	В стволах надёжных и гранёных
Она — прямая полоса.	Лежит отмеренная смерть.
И серой форменной шинелью	
Одеты ближние леса.	Вмещают альфу и омегу
	На срезах чёрные круги.
Края небесных эполетов	И Пушкин делает по снегу
И белый снег, и чести страж —	К бессмертью первые шаги.

* * *

Неверный блик дуэльной стали	На нём кипели лёд и пламень,
И снег, и скользкое крыльцо.	А ныне всё белым-бело.
И вот стоит на пьедестале	Давно закрыл холодный камень
Его печальное лицо.	До боли бледное чело.

И вот его умчали сани,
Скользя в неведомой дали.
Прощай же, всё, что было ране,
Прощай, улыбка Натали!

Упавший в снег не имеет сраму —
Всё это глупо и старо,
И роковую эпиграмму
Не завершит его перо.

Стекает медленная Лета,
Уходят грозные века.
Дымясь, умолкли пистолеты
И опустились. А пока

Но всё непросто и непрямо —
Над ним молчание висит.
И уст его холодный мрамор
Уже никто не воскресит...

Пушкин и его друг

1. Кот и ваза

Лежат шедевры в паутине,
Стоит на полках красота —
Великий Пушкин на картине
Спасает вазу от кота.

А кот сюда взлетел наскоком
От деревенской суеты —
Он выгнул спинку, трётся боком,
И вот уж падают цветы.

Но кот хотел совсем не это —
Он помнит ласку и добро.

В руке великого поэта
Зажато вещее перо.

Поэт и кот хотят простору,
А не унынья и тоски,
И по столу его простому
Рукой разбросаны листки —

Для душ простреленных заплатки,
Для всех — в столице и в селе...
И кот прикладывает лапки
К бессмертным строчкам на столе.

2. Содружество

Вот усадьба барская
Да весенний рай.
Ах, опала царская,
Новоржевский край!

Горизонта линия,
Тесные силки,
Сбоку лента синяя
Сороти-реки.

— Мы с тобою выжили
Зиму на селе —
Здравствуй, морда рыжая,
На моём столе!

Это душу радует,
В общем, «я и ты»!
Только ваза падает,
Сыплются цветы.

Свет вечерней просини
Словно наяву.
Хорошо б до осени
Написать главу.

Тут потребно мужество,
Чтоб не «на потом».
Процветай, содружество
Пушкина с котом!

3. На прогулке

Кот — печали эскулап,
Сходит всё бродяге с лап.

Он — хороший друг Поэту,
Тот суёт ему котлету,

Оттого учёный кот
И мурлычет, и поёт.

Открывается со взгорья
Целый вид на Лукоморье,

И Поэт с котом вдвоём
Шли гулять на водоём,

Где извивы велики
Светлой Сороти-реки.

Вызывает всё улыбку —
Кот в реке увидел рыбку,

Хорошо бы съесть ему
Эту рыбку одному.

Но в наличие рыбки нет:
— Не поможешь, друг-Поэт?

У Петербургского моста

Уже давно блуждают блики
Под тенью старого моста.
От саркастической улыбки
На беломраморных устах,

От этой хлесткой эпиграммы,
Подобной высверку кнута,
Прямых творцов российской драмы
Спасает правда только та,

Что был Поэт — и нет Поэта.
На протяженьи двух веков

Доносит медленная Лета
Живое зарево стихов.

И, повторяясь многократно,
Святя надеждой вдалеке,
Они живут, они понятны,
Они на русском языке

Звучат в своей немалой силе.
А век закончится лихой —
Грядёт Великая Россия
Под сенью пушкинских стихов.

* * *

Отрады летняя пора,
Слегка тревожащие слухи
Поют жужжаньем комара
И трепетом ленивой мухи,

И у рассыпанного пня —
Солидным рокотом слепня.
Деревни вечная печать,
Тут можно скоро заскучать.

А на душе — следы когтей.
И отпечатками лаптей
Давно сияет пыль дорог,
И дом, как маленький острог.

Из Петербурга на Неве
К нам прилетали вести две,
Но для всеобщего признанья
Они не стоили вниманья.

А тут покой, идут стихи,
Растут большие лопухи,
И над водою стрекоза
Вчера попалась на глаза.

Бежит коляска вдалеке,
И рыба плещется в реке.
Полдневный жар вгоняет в пот.
Не отдохнуть ли от забот?

Тяжёлой рифмы не доплесть
И в воду хладную залезть.
О, cher ami, мой милый друг!
Как тесен наш общенья круг —

Усадьба в пару этажей
И дым полдневных миражей,
И голубая кромка леса —
А там... не видно ни бельмеса!

Одна крутящаяся муть,
И к северу отрезан путь.
Деревни тут, не города...
Бежать? Прекрасно! Но куда?

Увы, отсрочены пассаты,
Шлагбаум чёрно-полосатый
Отгородил России путь,
И в этом основная суть...

О деревенский запах хлеба!
Вверху сияющее небо.
Растут деревья там и тут
И русской вечности приют.

О край земли стоит сторожка.
Меж лип бегущая дорожка
Короткий предлагает путь:
Занять себя хоть чем-нибудь...

Итак, михайловское лето
Тянулось долго для поэта...

* * *

Поздравляю с Рождеством	Встанет красной полосой
Пушкинские Горы —	Свет зари над Русью.
Возликуйте торжеством,	
Вольные просторы!	И под ясный свет свечи
	Всё вернётся снова —
Всё воспрянет. Срок придёт,	С полной силой зазвучит
Кончатся ненастья.	Пушкинское Слово.
И под старый Новый год	
Всем желаю счастья!	И толкует вновь народ
	О стихах и хлебе.
Будут ландыши весной,	Тучки водят хоровод
Мы простимся с грустью,	В ярко-синем небе.

* * *

Пространство полей да лесные опушки,
Росою мерцали льняные поля.
Когда-то по тропкам тут хаживал Пушкин,
А ныне трава да пустая земля.

Печальное пламя свечное на воске,
Молитву возносит послушник-монах —
На горке стоит монастырь Святогорский,
И братия все имена поминах...

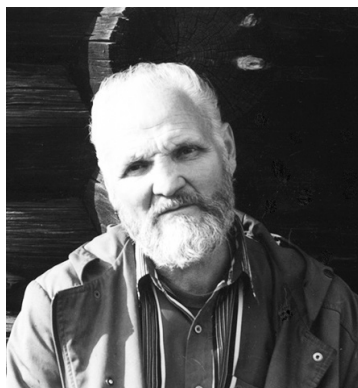
Высокое солнце грядущего лета,
Над бедственной Русью свети и свети!
Осталась священная память Поэта,
Которому равных уже не найти.

Свободен душой, но в Михайловском пленник,
Увидевший Слова высокую суть.
И Авель смиренный, его современник,
Уже предсказал наш мучительный путь.

Сказать вам всю правду — так вы не просили.
На смену метелям приходит весна.
И тёмное небо над спящей Россией —
Когда же она отойдёт ото сна?..

ВЛАДИМИР КРУПИН

Три пирамиды

РАССКАЗЫ

Четыре немецких пишущих машинки

Валентину Распутину

О, как писалось в молодости! Быстро, весело, помногу. Ну не печаталось, не издавалось, что из того! Сказал же Гоголь: «Печать вздор! Всё будет в печати!»

О, незабвенная моя первая пишущая машинка! Изношенные буквы, кривые строчки, изорванные, избитые тринадцатимиллиметровые ленты. В конторе лесхоза она была, и я ходил на неё смотреть. Даже не смотреть, а хоть

КРУПИН Владимир Николаевич родился 7 сентября 1941 г. в г. Кильмезь Кировской области. Русский православный писатель, публицист и педагог. Закончил филологический факультет Московского областного педагогического института. Работал учителем русского языка, редактором в издательстве «Современник», главным редактором журнала «Москва» (1990–1992). Лауреат Патриаршей литературной премии (2011). С 1994 г. преподавал в Московской духовной академии; с 1998 г. — главный редактор христианского журнала «Благодатный огонь». Многолетний председатель жюри фестиваля православного кино «Радонеж». Автор книг: «Зёрна» (1974), «До вечерней звезды» (1977), «Живая вода» (1980), «Вербное воскресенье» (1981), «Сороковой день» (1981) и многих других. Живёт в Москве.

взглянуть издали. Отец говорил, что ждут новую, а эту он возьмёт себе, то есть для меня. И я дождался этого дня! Отец научил меня поднимать и опускать валик, вставлять листок, устанавливать интервал между строк. Я очень волновался и от этого резко и сильно ударял по клавишам. И вот — я написал свою фамилию. Печатными буквами! О, не смейтесь над отроком — это было событием для человека, дерзающего осчастливить своим присутствием мир. Не помню, что потом печатал, конечно, стихи, но вот машинописные буквы фамилии на светло-жёлтой бумаге помню. Нет, и стихи вспомнил:

*Мир, сплотив миллионы сердец,
К коммунизму идёт,
А его ведёт
Товарищ Сталин — наш второй отец.*

Всё-таки не первый. А машинка «Москва» была первой. Она досталась мне уже почти полной развалиной, и я скоро превратил развалины в руины. Но дело обучения машинописи пошло-поехало. Учил я себя писать на машинке варварским способом, вначале одним пальцем тыкал, потом двумя. Если палец промахивался и нажимал не ту клавишу, я этот палец в наказание за промашку кусал. Зубы были крепкие, грамотность повышалась быстро.

Достать новую ленту было невозможно. И опять же отец приносил ленты, уже избитые, обесцвеченные. Бывало, что яснее первого, лицевого, экземпляра были вторые и третьи, которые шли под копирку. Тут я запнулся: уже надо объяснять, что такое копирка. Получается, пишу не для молодёжи, а для старшего поколения. Нынешний школьник в сочинении по повести Гоголя «Шинель» сообщает: «Акакий Акакиевич работал ксероксом». А что? Он же переписчик, размножал бумаги. И мне Акакий ближе и понятнее, чем все эти ксероксы, факсы, принтеры, файлы, мегабайты, сайты, принтеры, картриджи, сканеры, всякие виндоусы, яндексы, мэйлы, флешки — всё это кажется мне каким-то новым матерным языком демократической словесности. Только в электронном адресе завитушка в середине называется по-русски, да и та собака.

Итак, о пишущих машинках. Конечно, вначале всегда писал от руки. Но рукопись в редакцию не понесёшь, время не пушкинское, нужна рукопись машинописная. Да и почерк свой сам иногда не понимал. Ещё и фигурял выражением Стендаля, что ужасный почерк — признак гениальности. Переписывал попонятнее, отдавал машинистке. Дорого. Хотя застал времена, когда машинописная страница — тридцать строк — стоила десять копеек. Но при моей тогдашней нищете и это деньги. Надо было заводить свою машинку. А как купить? Нужно было разрешение. Да. А где взять? Ещё же не был членом Союза писателей. Где-то, как-то, после кого-то обзаводился старьём, мучился, брал напрокат... Помню эти «Ундервуды», «Оптимы», «Прогрессы», но всё было старым, ненадёжным, ломалось. Потаскай-ка в ремонт да заплати-ка за него! Мечталось о новизне.

И вот — свершилось! Я — член СП СССР, у меня в руках талон на немецкую пишущую чудо-машинку «Эрика». По тем временам лёгкая, в серо-голубом футляре, будто внутри гармошка или маленький аккордеон. Меня даже спросили в автобусе: «На свадьбу играть едешь?» За этой машинкой я внача-

ле ухаживал прямо как за первой любовью. Берёг, протирал, смазывал. И она отвечала взаимностью, была безотказной. Выносила и дальние переезды, и разницу температур, и молотила по четыре, по пять экземпляров. Притащил её раз к родителям в свою Вятку, работал на ней в чулане, но вскоре нагрянули кировские писатели, вытащили в поездку по области, и мы ездили дня три. Выступали, радовались жизни. Хотя и дожди шли, а всё равно хорошо — родина! Вернулся к родителям, пошёл в чулан провести свою «Эрику» — батюшки мои, стоит в луже воды, весь поддон залило. Но ведь вот что такое немцы — вылил из машинки воду, протёр полотенцем, вставил сухой, чистый лист — и стал работать.

А дальше, хоть и стыдно, а надо рассказать, как я изменил «Эрике». Лет пятнадцать она безропотно тянула лямку. Уже была и контужена: я с ней выпрыгивал из электрички, она кувыркалась по асфальту платформы. Раз зажало её в грузовом лифте, но всё она жила, всё пахала и пахала.

И вот событие — в Литературный фонд завезли австрийские, то есть опять же немецкие, пишмашинки «Юнис люкс». Аккуратные, плоскоськие. Футляр красно-белый или сине-белый. Но распределяли вначале не всем, а лишь делегатам писательского съезда. Каковым я уже и был, и эту «Юнис люкс» схватил сразу в обнимку. Выбрал, конечно, цвета моря и белых над ним облаков. Как элегантно, как легка! Какой шрифт, как мягко скользила каретка, как неслышно проворачивалась вместе с бумагой. Я её полюбил, а уж как она меня-то любила! Именно она соблазняла меня сразу набирать, а не мучиться с рукописью. Но я всё-таки не поддался. Хотя официальные письма, иногда статьи шпарил на этой «Юнис» прямо на чистовую. Но что касалось рассказов и повестей, тут всегда требовалось рукописное. Хотя уже не перьевой писал, а, для скорости, шариковой. Но прямая связь: *голова-сердце-душа-рука-ручка-бумага* сохранялась и при шариковой.

О бедной «Эрике» вспоминал редко, и всегда с оттенком вины перед ней. Какая выносливая была, как мы с ней в ванной или на кухне коммуналки прокручивали сотни страниц, да ещё и по несколько экземпляров, легко ли! Однажды сел и за «Эрику». Прочистил, спугнув маленького паучка, зарядил листок. Печатаю — нет мягкого знака. Немка моя за годы разлуки огрузинилась. «Гогол, — сообщала она, — большой русский писатель, любил сол и фасол». Опять задвинул её под стол.

Жизнь моя переползла за полвека, уже было полдомика в деревне, в Подмоскowie. Вozить туда-сюда машинку, эту бело-синюю полинявшую красавицу, не хотелось. Везёшь её, думаешь сесть за работу, а чаще всего даже футляра не снимешь. Чего и снимать, уже пора ехать обратно.

Опять вспомнил про «Эрику». Давай её отремонтирую и вывезу на постоянное место жительства, на почётную старость в деревню. Может, ещё вместе и потрудимся. Но уже такие машинки не брали в ремонт, на всех полках нагло разлеглась электронная продукция. Уже почти все мои соратники по перу обзавелись и компьютерами, и принтерами, писали удивительно помногу, уже ворвался Интернет, возможность передавать написанное в редакцию, не отрывая сидячего места от стула. Я так не мог. И не от упрямства, просто мне надо было поехать в редакцию самому, отвезти рукопись, попить чаю с редактора-

ми, поговорить с ними не по телефону. Компьютерные тексты ужасали меня тем, что были уже будто бы законченными, книжными, как их править? Тогда как с машинописью я не церемонился, черкал вдоль и поперёк. Напишу от руки, поправлю, перепишу на машинке, полежит, поправлю, опять перепишу. А тут вроде как всё уже и законченное.

На очередной день рождения родные и близкие, беря в рассуждение наступление века электроники и, видимо, надеясь, что с новой техникой и я буду писать по-новому, подарили мне, нет, пока не компьютер, а пишущую машинку, но электронную. Дорогую, опять же немецкую, с памятью. Мне говорили, что это такая же машинка, как и «Эрика», как и «Юнис люкс», но только облегчённая, упрощённая, отлаженная. Мне показали, как на ней работать. Но я точно знал, что у меня ничего не получится, и за это электронное немецкое чудо не сел. Хотя имя ей дал: «Электронка».

Однажды, оставшись дома один, включил её. «Электронка» загудела, замигала, каретка подёргалась, поёрзала влево-вправо, вверх-вниз и, как образцово-показательная, остановилась в начале строки. Я нажал клавишу с буквой «а» — и буква появилась на бумаге с такой ошеломляющей моментальностью, что я понял, никаким моим мыслям не угнаться за такой скоростью. Особенно поражало то, что можно ни о чём не заботиться, ни об интервале, ни о красной строке, ни о конце строки. «Электронка» молотила исправно. Вдобавок всё помнила и даже исправляла ошибки — внутри, где-то там, был у неё словарик. Кроме основной двухцветной ленты, в ней была ещё лента коррекционная, полупрозрачная. Она выскакивала откуда-то снизу и подставляла себя под удар в том случае, когда ловила меня на ошибке, и сама забивала неверную букву, тут же скрывалась, тут же возвращалась лента основная, тут же щёлкала буква правильная.

Нет, не смог я полюбить эту «Электронку». Но и она была взаимна в не любви ко мне. Шипела, шипела негромко, но, конечно, по-змеиному. Даже отодвигалась, огоньки мигали презрительно. Работу она исполняла чётко, но холодно, как подёнщину. Когда я выключал её, в ней ещё долго что-то передёргивалось, потрескивало, будто она обсуждала и критиковала всё, что я её заставил написать.

Но вот что случилось с «Юнис», с моей верной малышкой «Юнис». Она с горя заумирала. Ещё бы, хозяин завёл какую-то новую лакированную стерву!

Умирание «Юнис» я понял, когда, устав от того, что «Электронка» совершенно вампирски вытягивает из меня поток сознания, что я обессиливаю от сидения перед ней и что начинаю писать как-то рассудочно и умственно, то есть неинтересно, тогда я решил вернуться к «Юнис». Но та не захотела работать. Совсем умерла или забастовала, не понял. Я сказал ей: «Служила ты долго и честно, я тебя не брошу. Тебя и «Эрику» отвезу в деревню, буду на вас любоваться и вспоминать золотое время».

Но, товарищи, вы понимаете, что это значит — сказать любимому существу о расставании. «Юнис» моя молча собралась в путь, но по дороге пыталась скрыться. На автовокзале пошёл купить хлеба, «Юнис» спряталась за кассой. В автобусе забилась под сиденье и затаилась, я чуть её не забыл. Принёс в свои полдома, открыл футляр, протёр тряпочкой. Заменял ленту, зарядил

бумагу. Нет, не прощала «Юнис» измены — безмолствовала. Ладно, заслужил. Зачехлил её, поместил на книжную полку.

И вот что произошло назавтра. Назавтра мне позвонила знакомая из серьёзного учреждения и сообщила, что у них меняют всю пишущую технику и что я могу приехать и забрать легендарную машинку ещё конца девятнадцатого века. Называется «Континенталь». Немецкая. Что она вполне исправная, на ходу. Надо ли говорить, что я помчался за ней тут же. Как её припёр в общественном транспорте, сам удивляюсь. Она же большая, корпус стальной, килограммов двадцать. Её можно было с пятого этажа бросать, и ничего бы с ней не случилось. Позвал товарища, который понимал в технике. И он, и я были в восторге от «Континенталья». А домашние в ужасе, назвали его динозавром. Я ему присвоил имя «Бисмарк», ибо в годы создания «Континенталья» как раз Бисмарк правил Германией. Мой «Бисмарк» был произведён на диво. Высокий, основательный, сверкающий кнопками шрифта, с серебряным звоночком, сигналившим о близком завершении строки, никелированными ручечками, планками, рукоятками, переключателями. Мы во всём этом к концу дня разобрались. Смазали наилучшим часовым маслом, опробовали. Мягкий ход, деликатная смена режимов. Шрифт старомодный, но такой приятный для глаз. Я специально поставил «Бисмарка» рядом с электронной дамочкой и спросил:

— Ну что, краля, а ты будешь исправно работать через сто три года, а? Да нет, тебя из мира выпрут всё новые и новые модификации офисной техники, так ведь?

«Электронка» презрительно молчала, а «Бисмарк» спокойно возвышался и, как честный работяга, ждал команды к труду.

Но вначале я освободил его от соседства. Вынес «Электронку» во двор, но не выбросил в мусор, всё-таки надо уважать техническую мысль, поставил на парапет, аккуратно сложил на крышке провода, простился. К обеду её кто-то приватизировал.

О, «Бисмарк» был великий трудяга! Я взгромоздил его на самое для него подходящее место, на дубовый подоконник, и начал строчить: «Немецкая точность и русская духовность в союзе меж собой могли бы дать миру образец симфонии государства и личности, труда и молитвы, союза небес и земли.... — высокопарный текст очень нравился «Бисмарку». Я продолжал: — Две крупнейшие монархии Европы были последними способными спасти мир от всех искажений пути к спасению. Они были преднамеренно и целенаправленно поссорены и войной друг с другом проложили путь к гибели, называемой демократией. Но несмотря и на Первую, и на Вторую мировые войны, русские и немцы...» — Тут я вновь тормознул: как это несмотря на? А на что смотря?

В общем и целом я был доволен «Бисмарком». Вывезти в деревню всё-таки пришлось, так как своей громадностью он устрашал домашних. Причём всё время требовал работы. Как бы даже молча упрекал за безделье. В деревне я как-то автоматически взял с полки «Юнис», снял футляр. Вставил, как делал это сотни раз, писчую бумагу, прокрутил валик, сдвинул каретку вправо, ударил по клавишам. И — «Юнис» откликнулась, заиграла. Поехала влево каретка, затрепыхался поглощаемый листок, покрывающийся, как ныне говорят, текстовой массой.

Может, это кому-то и смешно, что я наделяю машинки человеческими качествами, но я объяснил возвращение «Юнис» в строй тем, что с «Бисмарком» у неё наладились прекрасные отношения. Он молотил официальные письма, предисловия, статьи, а «Юнис» очень обожала писать «про любовь». «Ах, как остро не хватает в мире любви! Ах, как хочется внезапно охватываться мыслями о любимом (вариант: о любимой)! Ах, не надо нам ждать, чтобы нас любили, надо любить самим! О, главное в любви — благодарность тому сердцу, в котором живёшь. Нельзя из него уходить: оно сожмётся и начнёт умирать». Это «Юнис» вроде как сама писала. Я же, сгорбившись над ней, выпечатывал: «В зрелые годы не любят внезапно, а любят, как дышат». Самое смешное, что и «Эрика» встала в строй, и как-то сам собой вернулся мягкий знак, а с ним и фраза: «Гоголь — великий русский писатель». То есть «Эрика» всё мне простила и служила на совесть. Лишь бы смазывал иногда. Да даже и без смазки не скрипела, впрягалась и тянула ляжку. Это не «Бисмарк»: он работает-работает и вдруг резко тормозит. Такой немецкий порядок — орднунг. Надо бежать за маслёнкой.

Вначале «Бисмарк» и «Юнис» стояли вместе, но работа моя как-то не шла. Было такое ощущение, что им и без меня хорошо. И без работы неплохо. Думаю, они даже как-то общались. И то сказать, у них была одна родина, обе попали на чужбину, было о чём поговорить. «Бисмарк» пережил две войны, а «Юнис» была дамочка современная. При «Юнис» старик «Бисмарк» как-то спотыкался, становился косноязычен, а «Юнис» начинала быть какой-то игровой. Хулиганила даже. Ни с того ни сего писала заявку: «Ах, как хочется писать о любви! Ах, ах, вспомним библиотечаршу воинской части, которая учила разбирать части речи и члены предложения!» Ещё бы не помнить! Но что чем выражено, какие там сказуемые, какая мне была разница, она была так красива, так умна, что было совсем непонятно, как это она вдруг замужем? Вот тут вам и краткие прилагательные, вот тут вам и первое, и второе склонения.

«Юнис» хотелось писать и о том, как мы, с моей юной женой, склонялись над кроваткой доченьки, как везли на море сыночка, как совсем скоро его сын, наш внук, приталкивал к окну стул, залезал на него и глядел на голубей. А потом затаскивал к себе сестричку, нашу внучку, чтобы и она увидела птичек... Обо всём этом очень хотела написать «Юнис», и у неё бы получилось, но вторжение электроники в писательскую жизнь помешало. Вот, если бы осталась моя писательская кухня на уровне механических машинок, тогда да.

Но не мы в этом мире диктуем условия жизни, их перед нами ставят. Пришлось и мне вживаться в требования современности и, «задрать штаны», бежать за полиграфией. Издатели безжалостны. Не стали брать машинописные тексты. Говорили: «Мы вас любим, но поймите и нас. Машинопись сканируется плохо, да и вам же лучше, загоняйте текст на флешку, приносите, мы отформуем и — в типографию, а лучше всего сбросьте по электронному адресу». Да уж, словечки: загоняйте, сбросьте, отформуем...

Конечно, и издателей можно понять, уже один редактор вёл враз в месяц пять-шесть книг, не как раньше — одну в два месяца. Да ещё был штат рецензентов, контрольная вычитка, корректура. Скажут, вот она, бюрократическая система. Да, эта система издавала прекрасные книги, и они, в доходах государственного бюджета, были на втором месте после продажи алкогольной

продукции. Много и мусора, особенно идеологического, издавалось, но это было ничто по сравнению с теперешними помойками демократической пропаганды пошлости, насилия, разврата, оккультиности. Да и тексты книг были куда грамотней. Даже уже напечатанную книгу вновь прочитывали и замеченные опечатки излагали типографским способом на отдельном листочке и прилагали его к каждому экземпляру книги. Да, сидели и вкладывали. А тиражи какие были! Сказка! Едешь на Запад или на Восток, спрашивают: «Какие у вас тиражи книг?» — «Вот эта повесть вышла тиражом двести тысяч, эта три с половиной миллиона экземпляров». Уважали.

Компьютеры создали видимость лёгкости писательского труда, книг стало выходить раз в десять больше. Пошли в писатели актёры, политики, дипломаты, все. Ведь это же кажется, что так легко — сел за компьютер и... шлёп-шлёп хоть десятью пальцами.

А я, что называется, не вписался. Это же ужас — не успеваешь еле-еле коснуться клавиши, как на экране моментально прорезается буква, потом другая, вот и слово, вот и строка. Но я уже не понимаю, зачем эти слова. Неверно написал слово — оно подчёркивается. Нет, в машинке связь между головой, рукой и бумагой не разрывалась. В компьютере провал, который в обычной машинке виден: от клавиши к шрифту идёт тяга, она помогает свинцовой букве ударить по ленте, та отдаёт часть своей краски, буква шрифта появляется на белой бумаге. Тут и другая на помощь, и третья. Любо-дорого. Бодро и радостно выстраиваются слова в рядок, к месту подскакивает запятая, вот и точка. Всё путём. Вот и предложение, которое можно или забраковать, или переделать, а то и одобрить. В компьютере вроде всё закончено. Чего переделывать — страница выходит, как в книге.

А ещё угнетало то, что написанное надо было «загонять в память». На машинке собираешь урожай страниц, раскладываешь экземпляры по номерам, тоже удовольствие. А тут термин — «сбросить». На рабочий стол, на флешку, в корзину. Всё это сбрасывание происходило молча, на поверхность не выходило ни криков, ни стонов, ни даже звука раздираемой бумаги, ни пламени от её сгорания, ничего. А эти всякие базы данных, файлы, сервисы, форматы, таблицы, виды, вставки, это постоянное зудение надписей внизу справа: «Безопасность компьютера под угрозой», «Срок действия антивирусной программы закончился», «Обновления для вас готовы». Да ещё какая-то «напоминалка», да ещё кто-то сильно умный суёт в окно всякие изречения. Какие и с юмором. Ещё, что особенно противно, — дни рождения всяких эстрадных шавок. По бокам красотки, по виду проститутки, чего-то все хотят. Мне говорят: не замечай, но как не замечать: всё это пред тобой, лезет в глаза. И вроде бы подчиняется тебе вся эта экранность, постоянно вроде бы ждёт твоей команды, а на самом деле не она при тебе, а ты при ней. Эта вроде бы приданная для ускорения писательского мастерства штучка смеет указывать, что мои родные вятские слова, то есть самые русские — это устаревшее. Я возмущался: что ты лезешь, немецкое производство, не в своё пространство! Тебе в сбербанке стоять, тебе чеки выписывать, а не о русской жизни рассказывать.

А эта флешка, или флэшка, показать бы её Толстому, да сказать бы: «Вот, весь ты тут и с войной и с миром» — он бы с ума сошёл. Эта флешка, как да-

мочка лёгкого поведения, таскалась по редакциям и приносила домой всякую заразу. Надо было чистить, ставить программы антивирусные. Тоже возня, тоже деньги.

Нет, не пускала меня в себя новая жизнь, не интегрировался я в неё. Сами посудите: вот ты спишь, а компьютер стоит на столе в изголовье и всё помнит. Я засыпаю, а он запомнил все мои труды, я сплю, а он помнит. Легко ли? Стоит ночью, подмигивает красным колдунским зрачком: «Всё, всё-ё о тебе знаю. А ты спи, спи». Что-то в этом оккультное, экстрасенсное.

Ну что, сказал я себе однажды, пора сдаваться. Победила русскую ментальность общемировая тенденция к стандартизации жизни, а? Ну, ещё немного потрепыхаемся, ну, ещё пообслуживаем остатки своих читателей рассказами о рассветах и закатах Руси, о сенокосах и рыбалках, о черёмухе над рекой и о замирании сердца, когда провожаешь девушку и стесняешься коснуться её даже мизинцем, а дальше? И мои читатели вымрут, и я вымру. Но ведь Русь, Россия останется! Ну как иначе? Ну, неужели иначе? Ведь мир без России умрёт автоматически, Россия — душа мира, тело без души — пища червям. Конечно, так оно нам и надо. Но, Господи, не все же пляшут в дискотеках, не все же курят, не все же потребляют наркоту, не все же напиваются, не все же считают любовью постыдное партнёрство, не все же поглощают наркоту. Не все же ставят похоти плоти выше спасения души. Ты сейчас из церкви пришел, шёл туда в сумерках, возвращался при солнце, видел же, сколько в храме деточек, сколько пап и мам, и бабушек, и дедушек, не печалься, всё хорошо.

А достань-ка ты, брат, давний подарок, о котором и позабыл, наверное, да вот вспомнил, когда стал рассуждать о написании слов. А подарок этот состоит из гусяного пера, чернильницы, пузырька с чернилами и песочницы с песком. И называется высокотождественно: «Набор «Пушкинский». И приberi-ка, брат, на столе, поставь-ка письменный сей прибор да начертай на чистом листке... Что ж начертать-то? Фамилию, что ли, свою? Я её и так не забыл. Изречение какое? Таким пером надо непременно что-то разумное, доброе, вечное. Не писать же исследование «О категориях постсоветского электората». И фразы: «Ваня любит Маню, а Маня любит Петю», тоже проехали, хотя Ваню жалко. Нет, брат, не мучай перо и сам не мучайся.

Хотя на одно я отважился, на прописи. Ведь я ещё застал время, когда были уроки чистописания. Вот я вывожу букву «А» заглавную и «а» прописную, строчную. Как красива левая ножка буквы, как хитрая лапка лисы, как основательна и пряма правая. Её хвостик, как рука, подаваемая следующей букве. Поясок волнистый, с нажимом в середине. Вот буква «Б». Какая надёжная, размашистая над ней крыша, как вымпел над парусником. А у прописной «в» такая кокетливая петелька, «в» буква чаще как предлог, часто живёт в строке в гордом одиночестве, она указательная: пошли в тёмный лес, в минуты жизни трудные... Обмакиваю перо и радуюсь, что даже спустя шестьдесят пять лет не научился писать красиво. Это не моя заслуга, это гусяное перо меня возвращает на три эпохи назад.

Сидел, сидел и осмелился что-то написать. И написалось. Конечно, не своё, пушкинское: «Минута — и стихи свободно потекут». У него именно потекут, как лесной чистый ручей, выбегающий на солнечную поляну и напаяющий

корни деревьев, трав и цветов. Как представить Александра Сергеевича над клавиатурой, выстукивающего на ней: «Мороз и солнце, день чудесный, ещё ты дремлешь, друг прелестный? Пора, красавица, проснись! Открой сомкнуты негой взоры...» А это: «Вся комната янтарным блеском озарена, весёлым треском трещит затопленная печь, приятно думать у лежанки, но, знаешь, не велешь ли в санки кобылку бурую запречь?» Ему бы эта система многое бы подчеркнула: и «сомкнуты», и «запречь», и «затопленная»... Затопленная, в лучшем случае, низменность. Выкинул бы Александр Сергеевич всю эту аппаратуру. Да и не было бы его при ней. А был он при Михайловском, при Арине Родионовне, при России... Летело его гусиное перо по шероховатой бумаге: «Летя по утреннему снегу, друг милый, предадимся бегу нетерпеливого коня, и навестим поля пустые, леса, недавно столь густые, и берег, милый для меня». Летело, летело, летело, да и улетело...

Алёшино место

В нашей церкви долгие годы прислуживал батюшке Алёша, одинокий и, как казалось, несчастный горбун. Ему на войне повредило позвоночник, его лечили, но не вылечили. Так он и остался согнутым. Ещё и одного глаза у него не было. Ходил он круглый год в валенках, жил один недалеко от церкви, в боковушке, то есть в пристройке с отдельным входом.

Он знал наизусть все церковные службы: литургию, отпевания, венчание, крещение, был незаменим при водоосвящении, всегда точно и вовремя подавал кадило, кропило, выносил свечу, нёс перед батюшкой чашу с освящённой водой, одним словом, был незаменим. Питался он раз в сутки, вместе с певчими в церковной сторожке. Казалось, что он был нелюдим, но я свидетель тому, как при крещении деточек озарялось радостью его лицо, как он улыбался венчающимся и как внимательно и серьёзно смотрел на отпеваемых.

Я ещё помнил то время, когда Алёша ходил бодро, выдвигая вперёд правое плечо, и казалось, что всегда неутомим и бодр, будет служить, но нет, во всём Господь положил предел, Он милостив к нам и даёт отдохновение: Алёша заболел, совсем занемог, даже ходить ему стало трудно, не то что служить, и он поневоле перестал помогать батюшке.

Никакой пенсии Алёша не получал, даже и не пытался оформить её. Деньги ему были совсем не нужны. Он не пил, не курил, носил одну и ту же одежду и растоптанную обувь. Никакие отделы социального обеспечения о нём и не вспомнили. А вот военкомат не забыл. К праздникам и к Дню Победы в храм приходили открытки, в которых Алёшу поздравляли и напоминали, что ему надо явиться за получением наград. Присылали талоны на льготы на все виды транспорта. Но Алёша никуда не ходил и ничем не пользовался. Кто его видел впервые, дивился на его странную, нарушающую, казалось, порядок фигуру, но мы, кто знал его давно, любили Алёшу, жалели, пытались заговорить с ним. Он отмалчивался, благодарил за деньги, которые ему давали, и отходил. А деньги, не вникая в их количество, тут же опускал в церковную кружку.

Мы видели, как тяжело он переживал свою немощь. С утра с помощью двух костылей притаскивал себя в храм, тяжело переступал через порог, хромал к скамье в правом притворе и садился на неё. Место его было напротив Распятия. Алёша сидел во время чтения часов, литургии, крещения, венчания и отпевания, если они бывали в тот день, а потом уже уползал домой. Певчие жалели его и просили батюшку, чтобы Алёша обедал с ними. Конечно, батюшка разрешил. Да и много ли Алёша ел: две-три ложки супа, полкотлеты, стакан компоту, а в постный день обходился овсяной кашей и кусочком хлеба. Иногда немного жареной рыбки, вот и всё.

Во время службы Алёша шептал вслед за певчими, дьяконом и батюшкой слова литургии, вставал, когда выносили Евангелие, причастную чашу, когда поминали живых и усопших. Стоя на службе, я иногда взглядывал на Алёшу. Его, будто траву ветром, качало словами распева молитв: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия», Заповедей Блаженств, Херувимской, и, конечно, он вместе со всеми, держась за стену, вставал и пел Символ веры и Отче наш. Я невольно видел, как он страдал, что не может встать на колени при выносе чаши со Святыми Дарами, при начале причащения.

Когда кончалась служба, батюшка подходил после всех к Алёше и благословлял его крестом.

А ещё у нас в храме была такая бойкая старуха тётя Маша. Очень она была непоседлива. Но и очень богомольна. Объехала много святых мест и продолжала их объезжать.

— Да разве это у нас вынос плащаницы? — говорила она. — Вот в Почаевской лавре — там это вынос, а у нас как-то обычно. А что такое у нас чтение Андрея Критского? Пришли четыре раза, постояли, разошлись. Нет, вот в Дивеево, вот там это да, там так продирает, там стоишь и рыдаешь. А уж Пасху надо встречать в Пюхтице. Так и возносит, так и возносит. А уж на Вознесение надо в Оптину. Вот где благодать. Там же и в Троицу надо быть. Сена накосят — запахи!

Когда Алёша был в состоянии сам ездить, она его упрекала, что он не посетил никаких святых мест, а мог бы — у него, фронтовика, льготы на все виды транспорта. Алёша только улыбался и отмалчивался. Думаю, что он никак не мог оставить службу в храме. А она у него была ежедневной. Даже в те дни, когда не было литургии, Алёша хлопотал в церковной оgrade, помогал сторожу убирать двор, ходил за могилками у паперти. Тогда Маша, решив, чтоб зря не пропадали Алёшины льготы, стала брать у него проездные документы. Поэтому, конечно, она так много и объехала. А уж когда Алёша совсем занемог, Маша окончательно взяла его проездные себе.

И вот Алёша умер. И как-то так тихо, так умиротворённо, что мы и восприняли очень спокойно его кончину. Я пропустил два воскресенья, уезжал в командировку, потом пришёл в храм, и мне сказали, что Алёша умер, уже похоронили. Я постоял над свежим золотистым холмиком его могилы, помолился и пошёл поставить свечку за его поминовение.

Пришёл в храм, а на месте Алёши сидела Маша.

— Наездилась, — сказала она мне. — Буду на Алёшином месте сидеть. Теперь уж моя очередь.

Потом какое-то время я долго не был в храме, опять уезжал. А когда вернулся и пришёл на службу, на Алёшином месте сидела новая старуха, не Маша. Оказывается, и Машу уже схоронили. И Алёшино место освободилось для этой старухи.

— С Алёшиного места — прямо в рай, — сказала она.

Часто я вспоминаю Алёшу. Так и кажется иногда, что вот он выйдет со свечой, предваряя вынос Евангелия, или сейчас поднесёт кадило батюшке, будет стоять, серьёзный и сгорбленный, при отпевании, и как же озарится его измученное, сморщенное лицо, когда «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа» будет трижды погружаться во святую купель крещаемый младенец.

Три пирамиды

Сосед Костя сидит на старой скамье, смотрит, как зять Сашка строит теплицу. Он размахнулся на большую.

— У тебя прямо Дворец съездов получится. Сюда бы ещё правительство посадить. Да ещё бы на нашу еду. Кто умер бы, у кого бы несварение желудка. Хоть бы болтать перестали.

Зять Сашка присаживается:

— Строил фараон египетский пирамиду. Это не наше ля-ля, бум-бум. Не для помидор-огурцов, для себя. Как закончит — надо умирать. То есть в неё ложиться. Строит. А строитель был в сговоре с его сыном. Сын торопит. Но строитель был не дурак, он в сговоре был и с отцом. Отцу обещает медленно строить, а сыну обещает ускорить. Ну, как ни тяни, пирамида готова. Пора папаше отчаливать в неё. А он, он что? Он укладывает в неё строителя. А сыну говорит: «Мы, сынок, новую начнём. Усиленными темпами. Лет за двадцать построим».

— А мне, значит, в теплицу ложиться? — спрашивает Костя.

— Да как хочешь.

— Я и без неё вызрею, — Костя закуривает. — Да, бежал я из бани в одних трусах и топор за голенищем. — Сплёвывает: — «Рысаков орловских пару и проститутку полный двор». Песня такая была, — опять сплёвывает: — Вызвали в военкомат: что тебе важнее — награды или группа инвалидности? Почёт или льготы? Говорю: льготы это и есть главный почёт. Почёт — дают бумагу, читаю заключение: регулярно показываться врачу.

— Глобальная льгота, — комментирует Сашка.

— Пирамида египетская — это что. На фронте у нас пирамиды бывали ещё и над могилами. После боя куда хоронят, куда сваливают? Конечно, стаскивают в окопы. Когда все не входят, много убитых когда, тогда кладут сверху. Потом присыпают. А я чего вспомнил пирамиду. У нас к одному генералу приехала, вызвал к себе, женщина. Молодая, красивая. И она увидела солдата. И полюбила. И он её. Генералу донесли. Он её сам пристрелил, а солдата генеральский адъютант прикончил.

— Врёшь! — не верит Сашка.

— Иди, проверь, мне умирать скоро, чего мне врать. И их обоих в эту пирамиду положили.

Собака и хозяин

Собачьи враги — это кошки и дворники. С ними лучше не связываться. Когда кошку загонишь в угол, и ей некуда деваться — зашипит и может глаза выцарапать. А когда залаешь на дворника, это он тебе запомнит.

Уж лучше молча идти мимо. Мимо кошек, дворника, машин, мимо огромных мусорных баков, вдоль бетонного забора, по краю просторных луж, в которых шевелятся воробьи, всё мимо и мимо. Но куда? Некуда идти. Вот и идёшь обратно мимо луж, забора, машин, мусора, кошек, дворника. И хозяина ведёшь за собой. Раньше собака думала, что хозяин всемогущ, что он с высоты своего роста далеко видит и знает, куда идти. Но он видит то же, что и собака: воробьёв, мусор, забор, лужу, кошек, дворника, с которым здоровается. И так же идёт вдоль всего этого.

Может, и ему хочется на всё это залаять, думает собака. Она поворачивает и ведёт хозяина домой. Дома хозяин садится на диван, собака кладёт ему на колени свою голову. «Ну что, собака?» — спрашивает хозяин.

И они долго молчат.

Ящик Кагора

В монастыре появился новый послушник. Быстрый, старательный, рьяный даже в работе. Настоятель отец Григорий поставил его продавать свечи, принимать записки о здравии и об упокоении. День простоял за ящиком послушник, два, на третий пришёл и стал просить настоятеля дать ему послушание потруднее. Принимать записки может и немощный монах, а он способен на что-то большое, нужное монастырю. Отец Григорий улыбнулся, усадил послушника.

— Ты мне меня самого напомнил. Я тоже был таким, быстрым, порывистым. А смирения не имел. А начал его обретать с одного случая, о котором тебе расскажу.

Здесь и игумен, мы с тобой каждый день около его могилки ходим, благословил меня ехать в город за лампадным маслом и вином для причастия. Дал денег на бочонок масла и на ящик кагора. И ещё немножко дал сверху, мало ли что, на непредвиденные расходы. А у меня, надо сказать, тоже была кой-какая сумма, и я про себя решил, что я привезу для монастыря не ящик, а два. Вот. Отец игумен сказал, чтоб я ночевал в городе, там отстоял всенощную и утренью, а завтра к обеду бы и вернулся. Так. А я про себя думаю: а я в день оборочусь. Он с утра меня благословил. Вот я выскочил из ворот, живой ногой добежал до шоссе, это пять километров, там удачно поймал попутную машину, прикатил в город. Денег с меня не взяли. И на маслозаводе тоже всё

удачно. И в магазине, где кагором торгуют. Стою с грузом. А деньги почти кончились. Голосую. Один тормознёт, другой. Одному не по дороге, другой цену ломит. Стою, стою, что делать? Вот ещё один тормозит. Говорит, подвезу, но пять бутылок ты мне отсчитай. Куда денешься, согласился. Закрепили бочонок, ящики, поехали. И, представь себе, он у поворота к монастырю сломался. Я до сих пор не знаю, сломался по правде или это хитрость была шофёра. Дело к вечеру, он спешит. Бутылки свои забрал. Мне помог бочонок выгрузить. Я и сижу. А он вскоре завёлся и уехал.

И так я около этого бочонка продежурил всю ночь. Голодный, холодный. Ни хлеба кусочка, ни спичек. А комаров! Вот уж повспоминал я старцев, кои себя на съедение гнусу выставляли. Они добровольно, а я по своей стропотливости, то есть по вздорности. И, главное, не только что машины не было, никого не было. Собаки пробежали, облаяли, да филин кричал.

Рассвело. Я вижу, надеяться не на кого. Прокачу бочонок по дороге метров тридцать, вернусь за ящиком. Отнесу, иду за другим. Ну, думаю, это я не только к сегодняшнему обеду, но и к завтрашнему не попаду. Вот так вот — круглое катил, плоское тащил. Да ночь не спал, да почти сутки не ел. Вот такое положение. И попал я в него по своей вине.

Но вот сжалился Господь — идут два мужичка. Издалека слышно, громко разговаривают, матерей вспоминают. С похмелья. Увидели меня, а, главное, кагор увидели. «Дай бутылку». Я говорю: «Браточки, помогите, не одну получите». — «Это тебе до монастыря тащить?» — спрашивают. «Да». — «О, это труд. Отдашь вот этот ящик начатый (я же тому водителю пять штук отделил), тогда дотащим». Да-а. А куда денешься, согласился. Ящики тащили, бочонок катили. То есть тащили один ящик, а другой они не потащили, только взяли каждый по бутылке, на ходу отпивали, а ящик затащили в лес и спрятали. Я уж боялся, бросят меня, нет, честно доставили к воротам. Тут я просил их дальше не провожать.

Вот так вот, брат. И доставил я всё к обеду, как и благословлял отец игумен, и доставил не два ящика, а один. Опять же, как он благословлял. И сдачу я принёс. И только тому был рад, что не спросил игумен, кто в городе служил всенощную, кто утреню. Он же думал, что я в епархиальном доме ночевал. А сам я о своих приключениях промолчал. Тогда. И только спустя время тебе рассказываю.

Вот что такое, брат, послушание.

ЮРИЙ БАРАНОВ

Засыплет снег знакомую тетрадь...

* * *

Дрожащей каплей я сорвусь с листа,
Зелёного, как майские надежды.
Уходит прочь ночная маета.
Оделось небо в светлые одежды.

Ночной росой проникну в тайны снов,
Найду картины и слова, и кисти...
Я — часть дождя, художник, птицелов,
Я — древо, одевающее листья.

Я, как Кощей, словами дорожу,
Их серебро и золото я лелею.
Я — зёрнышко, упавшее в межу.
Я жду, когда сквозь темноту прозрею.

БАРАНОВ Юрий Иванович родился в г. Замостье (Польша). Автор шестнадцати книг, среди которых *«Медвежий след»*: рассказы (Иркутск, 2005), цикл сказочных историй о городе Иркутске, сборники стихов для детей *«На улице Рябиновой»*, *«Зелёный медведь»*, исторических повестей для детей *«Иркутский драгун Лешка, или Тайна Наполеона»*, *«В поисках тайны Ремеза»*. Юрий Иванович — автор слов песни *«Дальники»*, которая в 2004 г. стала официально гимном Дальней Авиации. Ю.И. Баранов — лауреат Международной литературной премии им. Петра Ершова, лауреат Международного литературного форума «Золотой Витязь», лауреат премии Губернатора Иркутской области. Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

Февраль

Февраль лазурью кроет,
над соснами летит.
А ночью ветер воет,
ледышками хрустит.
Зимы не слабнет сила,
но нежная весна
Уж солнце воскресила.
Слепит голубизна.

И я хочу в лазури
 стремиться за тобой;
И дожидаться бури,
 и падать, как прибой,
Чтоб каждая снежинка
 в ладонях бытия
Дрожала, словно жилка,
 и это был бы я.

Я — часть большого мира,
я купол над землёй.
Я — трепетная лира,
тропинка пред тобой.
Февраль заплачет снегом,
размоется лазурь,
Но под февральским небом,
любовь сильнее бурь.

Морозная ночь

Приходят Ангелы и прячут
Мои несбывшиеся сны,
А колокольчик звёздный плачет
Байкальской ночью до весны.

Я слышу хор звонкоголосый
Тех звёзд, что ждут меня вдали.
Луна уставилась раскосо
На косы белые земли.

Сиянье льдов, сугробов белых —
Здесь тайны спрятаны не зря,
Как меч в ладонях леденелых
Незримого богатыря.

* * *

Задержалась осень, задержалась,
Под рябиной села отдохнуть.
Вот слеза на тучку набежала,
О прошедшем хочется всплакнуть.

Хвойный воздух, листьев скорбный запах.
И густой волной ультрамарин.
Что же делать? Время держит в лапах
Над землёй волшебный балдахин.

А душа невидимо, не слышно
Где-то там идёт по облакам.
Над землёю расстилаясь пышно,
Осень пишет завещанье нам.

Не привыкать

В России нам не привыкать
От горьких перемен страдать.
Кому сума, кому тюрьма,
Кому дворцы и терема.

В России нам не привыкать
В бою разбить чужую рать.
Кому курганы и покой,
Кому-то бой, неравный бой.

В России нам не привыкать
В любви черёмуху искать...
За друга крест его нести
И в землю Русскую врати.

В России нам не привыкать...

Ангел

Железный хищник в небе рыщет	И каждый день горят заставы.
Тяжёлой чёрною волной.	И каждый час наполнен злом.
Война виновников не ищет,	Но людоедские забавы
Война питается войной.	Сметает Ангел наш крылом.

Летит по небу Ангел русский,
Седой от пыли и невзгод,
Спешит в полях тропинкой узкой,
Спасая нас из года в год.

Летит в потёртом камуфляже
Защитой мира от беды.
Он в битве вечной, он на страже
От борозды и до звезды.

И вот он сбит стальной ракетой,
Копьём изранен и мечом.

Враг человечества отпетый
Сливёт умелым палачом.

Так было вечно. Ангел- воин,
Кого ты только не спасал!
Ты благодарности достоин,
Но благодарность не искал.

И кровь, пролитая тобою,
В рассветы русские вошла.
Святая сила — русский воин!
Защита от беды и зла.

Рассвет

Рассвета узкие ладони
Раздвинут бархат облаков,
И запоют аккордеоны
Тропинок, трав и цветников.

Под плеск и клёкот, стук дождинок,
Шагнув к открытому окну,
Увижу дрожь и блеск осинок
И вдруг услышу тишину.

Она вмещает слёзы счастья,
Дождей и слова водопад,
Глухую полночь предненастья,
Осенний мудрый листопад.

Счастливым утром вневременья
В ладонь рассвета я вложу
Улыбку, слёзы и сомненья,
Что каждый день с собой ношу.

* * *

Что я хотел сказать сквозь немоту?
Кто спрятал все слова и звуки?
Познать хотел и свет, и темноту,
А чувствую лишь боль и муки.

В шкатулку-сказку спрятаны слова
На дне большого море-океана.
Не оттого ли жду я волшебства
От раковин, рожающих обманы?

Я слушаю волнующий прибой,
Несущий брызги слов и междометий.
И полнится сознание бирюзой,
Улыбкою рифмованных соцветий.

Поэзия

Я был поэзией прочитан,
Зачитан, выпит весь до дна.
Она, как опытный учитель,
Была видна и не видна.

Она была мостом державным,
Что сокращает путь во тьме,
Мечом и барабаном славным,
И горем при большом уме.

Она звучала непрерывно
В дожде, зелёной тишине.
Была мелодией призывной
И занавескою в окне.

Зачитан до кровавой раны,
Хранимый лишь одной тобой,
Я вижу зорко сквозь туманы,
А без тебя бреду слепой.

Орёл

Оставлен был я в поле чистом,
Где звезды выклевал орёл.
А ночь светилась аметистом,
И ветер косы трав заплёл.

Была ты гордою державой,
Но стала недругом людей.
Простимся же с кровавой славой,
Обманным золотом вождей.

Не знал пути, и троп не видел.
Слезами изошла луна.
Орёл, что звёзды все похитил,
Проклекотал: — Прощай, страна!

Молчала степь, и хмарь клубилась,
И пахли серой два крыла.
Кручиной сердце обагрилось...
Я молча выстрелил в орла!

Татьяна Суровцева

Засыплет снег знакомую тетрадь
И выжженное сердце на ладони.
Успеть себя и рифмы все раздать
И ощутить звездой на небосклоне.

Как странно маму увидеть в степи,
Даурских трав широкое раздолье.
От каждой ветви слышать: с миром спи...
Душа взлетает, вырвавшись на волю.

И будут звёзды и слова кружить.
Весенняя остынет мастерская.
Я ставлю точку. Ваше время жить,
Мои мечты и думы воплощая.

Романтика

Лето, завиток сирени.	На невидимые рифы
Берега высокий лоб.	Напорюсь когда-нибудь.
Бархат театральной сцены,	На кораллах розоватых
От чужих стихов озноб.	Мой израненный корвет.
Жизни катится телега.	Бриз несёт солёный запах,
Декораций счёт идёт.	Как романов давний свет.
Золотистый лучик Веги	
Обозначил свой полёт.	Что когда-то было мило
	И романтикой звалось,
Я под нож бросаю рифмы,	Прокипело, продымило
Устилая к звёздам путь.	И в судьбе отозвалось.

* * *

Валентину Распутину

Упала мера Господа Байкалом
И душу очищающей строкой.
Распутинским прославленным причалом
И правдой настоящей, вековой.

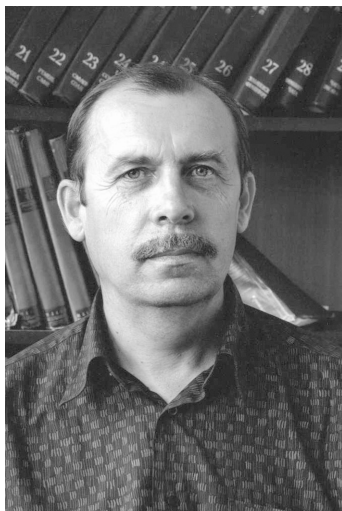
Он эту правду вынес из пожара,
Учил любви и души нам лечил.
Быть совестливым — суть такого дара.
«Очнитесь!» — он кричал что было сил.

Густеют дни от горечи смолистой.
Лежит туман в распадках у воды.
Омыта жизнь слезой Байкала чистой,
Где скалы берегут его следы.

И ночь и день смешают краски счастья.
Песок засыплет чьи-то города.
Провидческое слово сквозь ненастье
Останется навечно, навсегда.

ДМИТРИЙ ВОРОНИН

Контрабанда

Тимофеич возвращался домой. Довольный своей поездкой в ближнее зарубежье, он сидел у окна автобуса и вновь перебирал в памяти все те дела, которые заставили его совершить столь дорогой для нищенского бюджета путь. Щуплый, но ещё резвый старичок, с живыми, почти всегда смеющимися глазами, удовлетворённо откинулся на сиденье и думал о том, что успел сделать очень важное дело в своей, подошедшей к финишной прямой, жизни — поклониться в последний раз дорогим могилам своих родных и близких.

Тимофеич, полужакрыв глаза, вспоминал с улыбкой, как навещал старых дружков, тоже, как и он, избежавших пока встречи с костлявой, как вспоминали они за бутылочкой дни давно ушедшей молодости, как слёзно расставались, наверняка уже зная, что не суждено им больше увидиться на этом свете. И каждый день в течение всего своего визита Тимофеич посещал кладбище, приводил в порядок могилки и прощался, прощался, прощался. Не забыл Тимофеич и о своей половине, сходил к её бывлым подружкам, привет занёс, потом купил ей гостинец в подарок — головку местного сыра, с давних пор больше всего любимого женой.

ВОРОНИН Дмитрий Павлович родился в 1961 г. в г. Клайпеда (Литовская ССР). Сельский учитель. Автор трёх сборников рассказов. Участник двадцати пяти альманахов и прозаических сборников в России, Украине, Германии, Беларуси. Публиковался в журналах: «Алтай», «Балтика», «Берега», «Бийский вестник», «Наш современник», в «Литературной газете» и др. Лауреат всероссийских и международных конкурсов и фестивалей по литературе. Член Союза писателей России. Член Конгресса литераторов Украины. Живёт в п. Тишино Калининградской области.

Автобус сбавил ход и остановился у родной таможни.

«Забирайте сумки, готовьте документы, — напомнил водитель. — Сразу предупреждаю, у кого возникнут трения с таможенниками, ждать не стану, уезжаем сразу, как только проверят последнего».

Пассажиры, подхватив свою поклажу, потянулись к выходу, доставая документы. Сразу у автобусных дверей их встречал здоровенный таможенник, молча и строго брал паспорта, подозрительно и долго сверял их с оригиналом, скрупулёзно разглядывал штамп прописки и медленно возвращал документ владельцу, внимательно всматриваясь в следующего приехавшего.

«Да, — с уважением подумал Тимофеич, невольно распрямляя свою щупловатую фигуру, — у таких молодцов никакой шпион и контрабандист не проскочит, вон как глазами стреляет! От такого ничего не утаишь, я — свой человек, а и то заробел, что уж тут про людей с нечистой совестью говорить! На замке всё ж, видать, наша граница, что бы там ни болтали». — И старик, гордо расправив плечи, отошёл к очереди, выстроившейся к столу, за которым проверяли вещи приехавших ещё два красномордых бугая и худющая девица с ярко напыженными губами.

— Что везёте? — машинально спросил Тимофеича один из таможенников, запустив по локоть руки в сумку и быстро перебирая в ней вещи. — Наркотики, оружие, валюту?

— Я террорист, автомат с глушителем везу и мину с дистанционным управлением, — пошутил вдруг Тимофеич, пытаясь скрыть вспыхнувшую досаду.

Таможенник от неожиданности столь наглого, на его взгляд, заявления моментально прекратил манипуляции руками и уставился на старика.

— А дед-то шутник, — тут же уловив смену настроения своего начальника, недобро произнесла девица.

— А мы сейчас этого шутника проверим. Так, говоришь, террорист? — с издёвкой в голосе произнёс мордатый. — Да какой из тебя, пенька трухлявого, террорист! Небось, оружие в своей жизни и в руках не держал.

Тимофеич словно остолбенел от такого неприкрытого хамства, стоял, раскрыв рот и моргая глазами.

— Что зенками бегаешь? Знать, совесть всё же нечиста у тебя, — продолжал ехидничать досмотрщик. — Счас мы тебя на предмет контрабанды прощупаем, наверняка что-нибудь незаконно провозишь.

— Да как вы смеее так со мной обращаться! — взвился Тимофеич. — Я фронтовик, я честный человек!

— А если честный, так чего развыступался? — подозрительно зашипела девица. — А ну-ка вытряхивай всё из своей сумки!

Тимофеич, тяжело дыша, вывернул содержимое сумки на стол.

— Нате, ищите, но если ничего не найдёте, вам это так даром не пройдёт.

— Ты ещё и угрожаешь? Ну, пеняй на себя!

Девица ловко выпотрошила вещи старика и, тщательно их просмотрев, протянула своему начальнику целлофановый пакет с чем-то круглым внутри.

— Вот!

— Что это? — уставился тот на Тимофеича.

— Сыр, жене гостинец везу.

— Сыр, говоришь, а сколько его здесь? — ласково поинтересовался щекастый.

— Килограмма два, — недоуменно посмотрел на него Тимофеич, ошарашенный изменившимся тоном.

— Два кэгэ, ясно! А ты знаешь, сколько можно провозить? — так же мягко плёл языком государственный человек.

Тимофеич вопросительно пожал плечами.

— Один кэгэ, милый ты наш террорист, всего один, — издевательски заулыбался мордатый. — Все сверх этого считается контрабандой.

Тимофеич побледнел.

— Так откуда я знал, сколько можно везти, — испуганно прошептал Тимофеич. — И что теперь со мной будет?

— Посадят теперь тебя, старый ты индюк, — расхохотался мордатый.

— Дошутился, на зоне теперь шутить будешь, — продолжали веселиться стражи границы, глядя на вконец растерявшегося старика.

— Вы его ещё долго мучить будете? — вдруг раздался голос водителя.

— Езжай давай, от греха подальше! — крикнула в ответ девица. — А то и на тебя акт составим за то, что возишь контрабандистов.

Шофёр зло сплюнул под ноги, сел за руль, и через минуту автобус отъехал от опасного места.

— А как же я? — беспомощно спросил Тимофеич.

— А что ты? — удивлённо вскинула брови девица. — Ты остаёшься.

— Будем, дед, бумагу на тебя составлять за незаконный ввоз контрабанды на территорию нашей страны. Вот так-то, — нагнулся над Тимофеичем мордатый, — дошутился ты, дед, досмеялся, теперь пришло время ответ держать.

— Ребятки, да бросьте вы, ну какой из меня контрабандист, мне уж восьмой десяток идёт! Да заберите вы этот сыр, бог с ним, — совсем испугался Тимофеич, — отпустите меня домой, а?

— Нет, дед, будешь штраф платить как минимум, — продолжал давить на бедного старика таможенник, — и не малый.

— Сколько? — трясущимися руками Тимофеич вытащил из кошелька деньги. — У меня тут сто десять рублей и пять долларов осталось.

— Не, гляньте на него! — соорудил возмущённую мину мордатый. — Никак он нам взятку желает предложить? Дед, а ты знаешь, что за это бывает? — разыгрывая справедливое негодование, продолжал спектакль таможенник. — А ну-ка, красавица, составь-ка акт на деда о попытке дачи взятки должностному лицу, — подмигнул он девице.

— Эт мы мигом, — заулыбалась довольная бесплатным представлением работница таможни.

— Вы что, издеваетесь? — стало доходить до Тимофеича. В глазах у него потемнело, словно очередь плеснуло из далёкого сорок пятого. — Фашисты вы, подонки!

— Что-о? Оскорблять при исполнении?! — аж подпрыгнул мордатый. — Ну всё, старое чучело, ты мне надоел. — И ткнул увесистым кулаком Тимофеичу в бок.

Старик согнулся пополам, хватая ртом воздух, несколько секунд пробыл в

такой позе, опустился на пол и беззвучно заплакал, а ещё через минуту завалился на бок.

— Что с ним? — испуганно кинулась к старику девица и, увидев пену на губах Тимофеича, отпрянула назад. — Падучая!

— Вот чёрт, — прижал деда к полу мордатый, — пошутили мы, дед, пошутили! — Когда же Тимофеич пришёл в себя, виновато стал оправдываться: — Ну, ты сам хорош. Мы на государственной службе, а ты со своими шуточками дебильными. Хорошо ещё на нас попал, была б другая смена, там бы с тобой...

Тимофеич тупо смотрел по сторонам и никак не мог сообразить, что с ним, где он и зачем. Но вот взгляд его наткнулся на злополучный сыр, лежавший на краю стола. Старик неожиданно схватил его и стал быстро откусывать. Через несколько мгновений головка сыра уменьшилась на две трети.

— Это — бабке, — отложил остатки в сторону Тимофеич. — Гостинец. А это вам контрабанда, — похлопал себя по животу и мстительно засмеялся: — Съели?

ПОЭЗИЯ

СЕРГЕЙ ЧЕПРОВ

И только Русь одна — Святая!

Совок

Не утратив прежних иллюзий
И позиций своих не сдав,
Я остался в Советском Союзе,
В благодатных застойных годах.

И резвиться уже не манит
В грязной пене новой волны.
Я не то чтоб не принимаю —
Наблюдаю со стороны.

Но вначале, доверясь свободе
И попробовав жизни иной,
Я был выброшен на мелководье
С вечным страхом пред глубиной.

Дело в стержне, а не во вкусе.
По-иному шагать не смог.
Я остался в Советском Союзе
Как последний надёжный совок.

ЧЕПРОВ Сергей Васильевич родился в 1951 г. в г. Бийске. После окончания филологического факультета Бийского педагогического института (ныне педагогическая академия им. В.М. Шукшина) и службы в армии пошёл на завод Сибприбормаш рабочим. Стихи печатались в местной прессе. Автор поэтических сборников *«Душа моя непутёвая...»* (2007), *«Когда болит...»* (2009) и др. Публиковался в московских журналах *«Роман-журнал 21 век»*, *«Новая книга России»* и др. Член Союза писателей России. Живёт в Тамани.

* * *

Совсем не ради слова красного
От веку страны называли:
Коль Франция, всегда — прекрасная,
Америка, та — деловая.

Ещё цветочная Голландия,
Где запах клумб да моря запах...

Добропорядочная Англия,
Всегда при тростях и при шляпах...

И так от солнечной Италии
До поднебесного Китая
Разнообразные и «далее»...
И только Русь одна — Святая!

* * *

И скромней времена,
И помельче награды.
Но... чем дальше война,
Тем пышнее парады.

От сегодняшней боли
Душу прошлым мы лечим.
Потому что нам боле
И гордиться-то нечем.

* * *

Глядит народ вослед с опаскою.
Прикрыла чадом мать собою.
А мимо свадьба мчит... кавказская...
На скоростях и со стрельбою.

Средь бела дня пальба на улице.
И постовой понуро сник:
Им — не впервой. Они откупятся.
Законы пишут не для них.

На распоясавшихся мальчиков
Власть поглядит поверх очков

И погрозит сурово пальчиком...
Что ж... коль обычай их таков...

Но видно даже и незрячему,
Что канонады этих дней —
Отнюдь не шалости ребячьи...
Здесь всё и глубже, и страшней.

Здесь правду следует сказать:
Что кто-то наглостью да силой
Упорно хочет показать
Себя — хозяином России.

В тиши

Под навесом берёз на спокойной воде
Водомерки снуют, легки.
Здесь, наверно, Господь отдыхает от дел,
Сняв тяжёлые башмаки.

Серебрятся над ним паутин невода,
За горой зарождается ночь...

И усталые ноги ласкает вода,
И нелёгкие мысли — прочь.

И ни думать сегодня, и ни говорить —
Воскресение у Него.
Всю неделю попробуй-ка, потвори...
Вот тогда и поймёшь, каково!

Бабушкина молитва

Покуда пламя свечки билось,
Словно в преддверии зоря,
Всё бабушка моя молилась
На тесной кухне втихаря.

Из-под платка седые пряди
Стекали, будто бы ручьи...
Она молилась счастья ради
Своей немаленькой семьи.

Забыв про беды и обиды,
С удачей новый день звала...

Её неслышная молитва
Светлее светлого была.

Связав незримой нитью тонкой
Два мира, грешный и святой,
За шкафчик прятала иконку,
Вновь обрастая суетой.

Другие отблески и звуки
Приносит новая зоря...
Но жили дети, жили внуки
Молитве той благодаря.

Корни

Топор, ножовка да рубанок,
Горбыль, что с осени подпрел...
И я сегодня спозаранок
Уже колдую во дворе.

Пилю, тешу, ровняю сколы,
И, словно давняя мечта, —
Забор взрастает частоколом,
Как вкруг кержацкого скита.

Глубокой старины поклонник,
Уйду в затворничество жить.
За частоколом так спокойно...
И время медленней бежит.

Что по ту сторону — химеры.
А здесь приходят мне на ум

Два моих деда-старовера:
Один — Федул, другой — Наум.

Пышнобороды, седовласы.
Спокойный странный говорок...
И ихний дом, и ихний пасек,
Что в стороне от всех дорог...

Я помню запах мёда сладкий,
Пугающий пчелиный звон...
Туда меня возила бабка
В её Грязнухинский район...

Не знаю, тяжело, легко ли,
И где теперь найдёшь ответ?
Но за таким вот частоколом
Они прожили по сто лет.

На кончину моего деда Наума

Занемог к исходу лета,
В осень безнадёжно слёг,
Исходив землицу эту
Всю и вдоль и поперёк.

От колка и до обрыва
Век пахал её, одну,

С пятилетним перерывом
На треклятую войну.

До ломоты гнул здесь спину,
Здесь дневал и ночевал...
Каждый холмик и ложбину,
Как ладонь свою, знавал.

На пути не ставил засек,
Коли путь тот прям и прост...
Здесь его и дом, и пасек,
Здесь и выгул, и погост...

Прежде чем остынуть венам,
Наяву всё слушал он
Шелест скошенного сена
Да тугой пчелиный звон.

* * *

Мне когда-то рассказывал дед,
Может, малость приврав по привычке,
Будто видел икону он, где
Бог совсем в необычном обличье.

И морщин глубочайших каскад
На челе. И в седирах — плешинка.
И печальный, до горечи, взгляд,
Где проклюнется скоро слезинка.

Не синеют вокруг васильки
Под чудесное райское пенье...
Неподъёмная тяжесть руки
На измазанном глиной колене.

И не ангелы рядышком с ним —
Души наши, грязны и горбаты.
А в сторонке, на гвоздике, — нимб
Отливает прощальным закатом.

Землепашец

Ни славы, ни богатства ради
Он в поле до преклонных лет...
Так жили дед его и прадед
На потом политой земле.

Идя нелёгкою дорогой,
Где — в грусти, где — навеселе,
В молитве слал поклоны Богу,
В работе — матушке-земле...

Наверно, зову крови внемля,
Не ведая других потреб,
И он ступил на эту землю
Растить детей да сеять хлеб.

Одно желание всех боле:
Чтоб сын, судьбину не кляня,
С достоинством вот это поле
Из рук уставших смог принять.

* * *

Ну почему сегодня снова,
Когда и солнце, и ручьи,
Всего одним недобрым словом
Я вышиблен из колеи?..

И воздух показался горше.
На сердце горкою — зола.

Людей хороших всё же больше...
Откуда ж в мире столько зла?

Ответ, он в мудрости народа,
Как вечность стар и вечно свеж:
Зло — ложка дёгтя в бочке мёда.
Всего-то... А попробуй, съешь...

* * *

Ужо как солнышко пригрело!
И на исходе месяц-май.
Земля зовёт: «Берись за дело!
И в пору эту — не зевай!»

Не станешь же землю слушать,
А жить по-глупому, с ленцой, —
То ни капустки не откусать
И ни картошечки с салыкой.

* * *

Солнце по небу — жар-птицей, Сыплет искры на лету. И землеице поклониться Я с лопатой иду.	Коль к землеице без поклона — Пусто будет на столе. Я традиций не нарушу: Летом некогда лежать... Мы ей — руки. Мы ей — душу. А она нам — урожай.
Покуриу под старым клёном, Вновь поклоны шлю земле.	

Ода лопате

Не всякая работа — под венук
Из лавра. Но за дело я спокоен.
Я лажу для лопаты черенок,
А руки знают, что это такое.

Не только руки... Знает и спина
Коварство сплава дерева и стали.
Чтоб не на полштыка вошла она,
А на весь штык. И ноги не устали.

Пусть трактора давно пришли взамен,
Затмив собой и пахаря, и лошадь...
Она ж в хозяйстве — первый инструмент.
А если в шутку, то — большая ложка.

Банкиры ли, властители держав
Пусть на меня не затаят обиды...
Но... кто в руках лопаты не держал —
Тот в этой жизни ничего не видел.

Засуха

Как бы в зиму не заголодать Да не встать у храма в скорбной позе... Ведь картоха нынче — никуда! Даже не горох, а чисто — слёзы.	Не удался нынче «хлеб второй», А кому-то, может быть, и первый. Как бы в зиму не заголодать... Погреба пусты, как после пала... Без картохи ж русскому — беда! Даже хуже, чем хохлу — без сала.
С огородов всё ушло с жарой. По сих пор старушки лечат нервы.	

* * *

Ещё не напахнуло первым снегом,
Ещё не замутилась хмарью синь.
И журавли тревожат криком небо
Над наготой пристыженных осин.

Так, опершись рукою о деревце,
Засмотришься в неведомую даль...
С каких глубин вдруг подступает к сердцу
Извечная осенняя печаль?

Но знаю, что в предчувствии метелей,
Вот так же сжаты в осени тиски,
Мои деды вслед журавлям глядели,
И так же сердце ныло от тоски.

Часы с кукушкой

До меня кукушка в будке	Поминутно в реку Лету
Сдохла, выпучив глаза.	Безвозвратно всякий час,
А куда бегут минутки —	Утекло минут не мало
Больше некому сказать.	В суматохе разных дел.
Тяжело мне без ответа,	А куда — кукушка знала,
Что вчера и что сейчас.	Да спросить вот не успел.

* * *

Когда душа умолкла, отметалась,
Вдруг из родни одна заголосила:
«У ей ить шубка норкова осталась...
Ох, как мечтала! Да не поносила!»

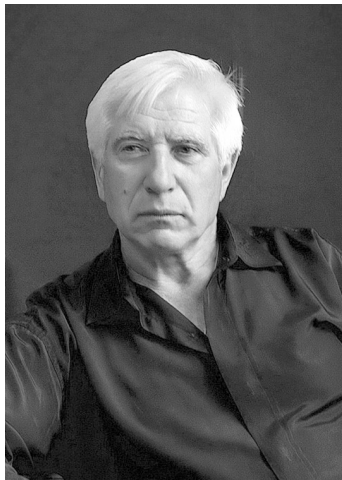
Подумалось, что мне-то будет легче,
Когда сподоблюсь этот мир покинуть,
Оставив моли доедать свой френчик
Да пару полустоптанных ботинок.

* * *

Устала бедная душа.	Но всякий раз она мне вдруг
Вокруг — всё горше.	Напоминает:
В который раз твержу ей: «Ша!	«С креста не сходят, милый друг.
Ни строчки больше!»	С креста — снимают».

ВАСИЛИЙ ЗАБЕЛЛО

Бурундук

РАССКАЗЫ

Боня

*Бог правду видит,
да не скоро скажет.*

Есть такая загадка, отгадай: «Принадлежит тебе, а пользуются им другие». Эта загадка явно была не про него, поскольку, кроме матери, по имени его никто не называл. В деревне все знали его как Боню, спрашивали: «Боню видели?», «Боня не проходил?», «Что с Боней?», «Давно не было видно» и т. д. И вспоминают его как Боню.

Эта прозвище прилипло к нему с раннего детства. Выговаривать букву «р» было ему не по силам. Старший брат Боря превращался в Боню. Поначалу

ЗАБЕЛЛО Василий Константинович, поэт, прозаик, родился в 1947 г. в пос. Утулик Иркутской области. Автор книг: «Ледостав»: стихи (Иркутск, 1984); «Семь Грехи»: стихи (М., 1988: Приложение к журн. «Молодая гвардия»); «Возвращение»: стихи (Иркутск, 1990: «Стихи по кругу». Вып. 1); «И пройдут высоким строем птичьих стаи надо мной»: стихи (Иркутск, 1993); «Осенний пал»: стихи, рассказы (Иркутск, 2001); «Избранное»: стихи, рассказы (Иркутск, 2007); «Где родился — там сгодился»: стихи, рассказы (Иркутск, 2011); «Готовься, Русь!» (Иркутск, 2017) и др. Член Союза писателей России. Живёт в пос. Утулик.

думали, что с возрастом речь выправится, и даже отец Демид Прокопьевич по пьяному делу ради потехи ставил сынишку перед гостями, просил: «Покажи, как в лесу Борю звал». Четырёхлётка встряхивал кудрявую головёнку, прищуривал чалдонские глазки, вскидывал ручонки и во всю глотку протяжно кричал: «Ау, Боня-я! Боня-я!», и тут же резво убегал к маме. Екатерина Титовна возмущалась: «Нашёл над чем потешаться, и когда эти гулянки закончатся! А ты, Толенька, больше к ним не ходи».

Немного погодя родители всё же забеспокоились — чадо подрастало, а речевой дефект оставался: паровоз превращался в пановоз, курочка — в куночку, курятник — в кунятник и т. д. Свозили к докторам в город, но всё тщетно. Кроме прозвища, прилипла ещё и дразнилка, ребята постарше при случае посмеивались: «Боня, куночку в кунятник загони!» Боня показывал кулак: «Во видели! Выносту, монду бить буду!» Тут уж ребята ещё пуще со смеху показывались.

Деревня Утулик, в которой возрастал Боня, была порождена царским указом в 1850 году как ямщицкая. На Дальний Восток прокладывали почтовый тракт, и в деревне родовая фамилия Пермяковых значилась в коренных. В 1904 году проложили чугунку, нужда в почтовом тракте отпала, ямщики стали жить только охотничьим и рыболовным промыслом, без государева довольствия. Благо, и дичи, и рыбы было в изобилии.

Демид Прокопьевич Пермяков, когда уже в советское время повсеместно выискивали и раскулачивали кулаков, свидетельствовал против двоюродных братьев, которые его молодого приютили, женили, помогли построить в конце улицы дом и завести хозяйство, свидетельствовал в качестве батрака, а получилось, в качестве обвинителя. Братьев приписали к кулацкому сословию. Никто не заступился, и даже те, кто кормился от них, а было-то у каждого по паре лошадей, по две четырёхвесельных лодки, да два, связанных на двоих, невода по триста метров без мотни. Хозяйство у братьев отобрали, поскольку на них батрачил Дёмка, а их самих с семьями увели под конвоем обживать севера. Братья сгинули, а проклятье осталось.

Разнарядку по раскулачиванию власти выполнили с лихвой, а на кулацком имуществе и обезлюдивших вотчинах организовали колхоз, где главным башлыком, руководившим тонями, стал Демид Прокопьевич. И всё бы ничего, да в тот год случилось наводнение. Горные склоны, между которых змеилась река, до коренных скальных пород напитались дождями и стали сползать и обрушиваться в ревущий поток стихии. Вековые кедры, тополя, берёзы в глинистых циклонах реки скручивались, нагромождались друг на друга, подпирались перекатным донным булыжником и в конце концов образовали перед устьем высокую плотину, реке ничего не оставалось, как отвернуть в сторону деревни и пробить новое русло.

Селяне, собравшись на яру, молча с ужасом наблюдали, как мутные водовороты рушили лёгкие постройки, подхватывали избы и с рёвом устремлялись в море, над которым зависли непроглядные тяжёлые тучи. В одночасье деревни не стало, а вместе с ней и колхозного скарба. Уцелели только две усадьбы в конце Траковой улицы да стоящая на возвышенности церковь, построенная

и освящённая в 1880 году во имя пророка Иоанна Предтечи. Усадьба Демида Пермякова не пострадала. Селяне промеж себя судачили: «Демидовы брательники прокляли». Однако через пару дней стихия улеглась, и крестьяне стали высматривать по горизонту Байкала унесённые и размётанные водоворотом избы, буксировали их к родному берегу. Разбирали, ставили заново, но уже ближе к железной дороге.

Ямщицкая деревня как таковая прекратила своё существование, а на почтовых адресах обозначилась станция Утулик и две новообразованные улицы. Но оставшиеся коренные жители ещё долго в разговорах вспоминали и постоянный двор с коновязями и кузницей, хлебопекарню, от которой за версту доносило свежей духмяной выпечкой, и, конечно же, церковь, где ещё в двадцать пятом году заключались венчанные браки.

Демид Прокопьевич пристрастился к алкоголю, на печи всегда рокотал бочонок с брагой, которая, созрев, перегонялась в самогон. Больше всех от этого страдала Екатерина Титовна — кроткая терпеливая женщина, на которой в семье держался уют и порядок. Редкий раз её Дёма бывал трезвым. На вопрос, зачем пьёт, муж отвечал: «Сама не понимаешь, чтобы завсегда быть в ударе нежных чувств». Екатерина Титовна тяжело вздыхала в ответ, а про себя думала, что её младшенький Толя по причине этих нежных чувств и заполучил косноязычие. Так многолетний устойчивый семейный недуг постепенно превращался в норму. Сыновья, поскольку доступ к выпивке был возможен, частенько крадучи прикладывались тоже.

Великую Отечественную семья Пермяковых пережила без особого напряжения. Демида Прокопьевича, как опытного рыболова, оставили по брони. Из допризывников он сколотил рыболовецкую бригаду и поставлял для раненых в госпитали свежую рыбу.

После войны Боня окончил сельскую начальную школу, но дальше в городе учиться не захотел. Несмотря на дразнилки, вырос беззлобным, дружелюбным, артельным. В рыболовецкую артель брали его подручным с удовольствием. Завести невод, выметать столбы, подправить мотню проворней Бони никого не было, также сноровисто чинил и вязал сети.

Демид Прокопьевич умер внезапно, с утра искал чем опохмелиться, не нашёл, поплыл со старшим сыном проверять сети, потянулся за наплавом, ойкнул и обмяк на борту. В двенадцать лет Боня осиротел, но кое-какие уроки жизнеспособности от родителя и артельных мужиков всё же успел перенять и усвоить. С весны рыбачил сетями и удищем, осенью стрелял перелётных гусей и уток.

Бытует поговорка, если Господь даёт детей, то даст силы и поднять их. Как бы там ни было, старший Борис отслужил три года на военной службе, после армии женился на местной девице из многодетной семьи, жил с матерью в родовом поместье. Вскоре родилась дочь, которая стала и утешением, и оправданием для Екатерины Титовны.

Борис устроился работать на железную дорогу дефектоскопистом. Пройдёт с напарником по шпалам положенные вёрсты — и домой. По пути заглянет в селпо за выпивкой. Сперва жена ругалась:

— И кака лихоманка тебя затягивает в это сельпо, сколь можно?

— Нино, а ты садись со мной, узнаешь.

— Больно нужно глотать это пойло, — слышалось в ответ.

Но Борис наливал себе и ей. Раз пятьдесят она наотрез отказывалась, на пятьдесят первый в день рождения дочери пригубила. И пошло, поехало...

В то время женщины алкоголем не баловались. Пьющая женщина — позор семье и роду. Их роль предусматривала украсить праздничное застолье песней. Бывало, идёшь по селу на Троицу, а из окон: «Куда бежишь, тропинка милая...» — и так распевно, так нескончаемо широко и сердечно, годы пройдут, а лирическое наваждение того далёкого девичье-женского распева вдруг торкнется в душе — и потянет тебя на родину, не удержать. Только возвратной тропинки ты уже не найдёшь.

Поначалу Нина попивала скрытно, даже свекровь не замечала, потом всё чаще стала составлять компанию мужу. Обозначился общий интерес, общий алкогольный юмор, общая опохмелка. Не зря сказано: «Пьяная жена — чужая». Однажды Борис после гулянки заревновал жену, начались разборки, ревность переросла в скандал и драку. В другой раз заскандалили на сенокосе, Борис полоснул жену литовкой по ноге. После долго со слезами извинялся, целовал пораненную ногу, а когда супруга поправилась, по пьяне сорвался и снова жестоко избил её. И всё это происходило на глазах Екатерины Титовны и горячо любимой ею внучки Любушки. Во время ссоры они закрывались у себя в спальне, сидели, прижавшись друг к другу до тех пор, пока не стихнут пьяные разборки. Нина на трезвые мозги проклинала тот день и час, когда впервые замочила губы в стакане с вином, но поделать ничего не могла, какая-то дьявольская сила неудержимо тянула её туда, где пахло спиртным.

Однажды поутру по селу пронёсся слух: «Борька Пермяков убил свою жену». Как говорят в народе, дали ему за содеянное десять лет. К этому времени Любушка окончила среднюю школу и вышла замуж за демобилизованного солдата. Солдат уговорил её уехать с ним на родину в Центральную Россию. Любушка согласилась, но с тем условием, что устроившись, перевезут к себе — подальше от греха и позора — Екатерину Титовну, как только та дождётся из армии младшего Анатолия. На прощанье, обняв Екатерину Титовну, она сказала: «Бабулечка, я обязательно за тобой приеду».

Анатолий, клятвенно присягнув на верность Родине, исправно служил в степях Казахстана, охранял государственную границу. Через три года уволился в запас и спустя неделю, поздним вечером, наконец-то переступил порог родной избы. Невесёлая была встреча, перед ним стояла маленькая, изузоренная морщинами, сухонькая старушка в платке, в которой с трудом угадывалась мать. И всё же Екатерина Титовна довольно проворно собрала на стол, чем Бог подал, встречины не проводины, хоть запоздалая, да радость — сын вернулся, дождалась.

И слёзы были, и вздохи тяжкие, и разговоры за будущее были. Боня вышел на крыльцо, во всю грудь хватил воздух осеннего Байкала, знакомо ощутил упоительную сладость и силу родного побережья. Над крышей со свистом пронёсся табун крикашей, душа возликовала — он вернулся, здравствуй, ро-

дина! Перед сном Боня жадно опрокинул гранёный стакан водки и уткнулся в подушку, набитую пером диких уток.

Ещё в совсем недавние времена село жило своими обычаями, установившимися традициями. Ни для кого не было чужой беды, чужого горя. Как в любом селе, случались и погорельцы, и тогда всем миром организовывали помочи, собирали деньги, одежду. Недаром есть пословица: «Лучше один раз сгореть, чем два раза переехать». Также всем селом прощались с теми, кто уходил на службу, кто по болезни был в преддверии, и с теми, кто уже переступил предназначенный порог.

Так и жили: девицы до замужества блюли целомудрие, а парни сдерживали недозволенные до времени страстные порывы. От воинской повинности никто не скрывался и не бегал. Взыскующая совесть иначе поступать не велела. Но с приходом новостройки, с пришлым оголтелым человеком и режимными зонами всё поменялось. Вторжения злого разума со стороны, когда ради технических достижений попирается домострой и природа, село не выдержало, хотя численно возросло, но как единый организм утратило былую ориентацию. От многих коренных фамилий только и осталось, что недолгая память.

Возвращение Бони из армии как раз и выпало на этот разгульный период с блатными песнями и повальными пьянками. Гражданской специальности, которая давала бы надёжный кусок хлеба, Боня не имел, первое время жил дарами тайги и Байкала, после всё же устроился на стройку разнорабочим. Частенько после работы вваливался домой изрядно выпившим. Екатерина Титовна переживала, порой, когда ожидать было невмочь, выходила на поиски, случалось, находила сына заснувшим в снегу по дороге домой.

Давно замечено, что Господь каждому в своё время для жизни посылает друга или подругу. На удивление всем ребятам из сельской ватаги появилась и у Бони «сендечная птица», как он сам называл. Залетела она из Бугульдейки, села, что на противоположном берегу Байкала. Познакомились они на работе, он — плотник, она — шпатлёвщица, вместе строили бараки для жилья. Поначалу она, как и все, правда про себя, посмеивалась над выговором Бони: вместо принять на грудь, слышалось: «пнинять на гнуть» и прочее другое, но вскоре между ними возникли тесные дружеские отношения.

Бугульдейская девица как-то с ведром раствора поднималась на крыльцо барака и подвернула голеностоп. Боня шёл следом, подхватил её вместе с ведром — и вскрикнуть не успела. Ощущение сильных рук оказалось красноречивей потайных улыбчивых взглядов, которыми они обменивались на стройке издали. Спустя некоторое время он привёл её в дом, представил матери. Екатерина Титовна заплакала, только и смогла сказать: «Наконец-то...»

Любушка слово сдержала, приехала за бабушкой. Уезжали они по-тихому, поздним вечером. Тогда и видели их в последний раз, как садились в поезд.

Боня оставил дом на квартирантов, а сам переехал в Бугульдейку, на родину жены. В сосновых борах заготавливал живицу, хорошо зарабатывал. Через несколько лет появился в родном Утулике. Вид у него был печальный, полубичёвский, остаканив себя сивухой, рассказывал о детях, какие они у него ладные да красивые, девочка и мальчик. По всему было видно, что безнадёга под

названием «русская болезнь» целиком овладела им. Ходил по селу, за бесценок предлагал ружьё, рыболовные снасти, разные припасы, напоследок заложил старинную икону в серебряном киоте «Божья мать Казанская с младенцем», а в ночь задохнулся в дыму горящего дома. Добровольцев из селян по-человечески похоронить не нашлось. Ведомственные службы наняли бичей со стороны, они и закопали его в ящике из нестроганных досок. Ни могилы, ни креста теперь не найдёшь.

Вскоре к родному пепелищу, пробыв от звонка до звонка в колонии общего режима, вернулся Борис. Хорошо, баня стояла на задах, осталась целой, в ней и поселился бывший хозяин и единственный наследник Демида Пермякова. Зиму ловил в реке налимов, вязал сети. По весне вскопал гряды, посадил картошку, но урожаем воспользоваться не пришлось. На страну накатились окайнные годы перестройки. При загадочных обстоятельствах Борис получил огнестрел в ногу, в больницу обращаться не стал, умер от гангрены в бане на топчане. Схоронили его так же, как и Боню, в безымянной могиле. Так навсегда завяла и обломилась родовая ветвь Демида Пермякова.

Бурундук

Николаю Александровичу Смородникову было семьдесят шесть лет. Выглядел он довольно бодро. В коренастом суховатом теле проглядывалась размеренная крепость и осторожная, но твёрдая поступь, присущая человеку таёжному, наблюдательному. Познакомились мы в тайге по дороге к выселкам. Наша машина спускалась с Дабана, по водительской неопытности села мостом на карчу. Ни взад ни вперёд. Место было болотистое, поросшее молодым чахлым березняком. Поросль для рычага не годилась: гнулась, ломалась. Тут-то и объявился как из-под земли Николай Александрович. Одет он был по-таёжно: в суконный костюм и резиновые мокроступы.

— Что, сидим? — спросил, как бы для порядка. — Вон, ребята, возле взлобка сушинка стоит, она подойдёт.

Листвяжную сушинку мы видели, но даже не подумали воспользоваться, уж больно трухлявой казалась.

— Это с виду, — заметив наше замешательство, продолжил Николай Александрович, — зато сердцевина каменная.

Мы переглянулись, но возражать не стали, пошли за стягом. Николай Александрович оказался прав. Листвяжок в самом деле был упругим и прочным. Кузов одним нажимом сняли с карчи и поехали дальше. Николай Александрович с нами. Пока ехали, я узнал, что он — профессиональный охотник, и у него на руках имеется договор на заготовку кедрового ореха. В данный момент Николай Александрович осматривал свою деляну, оценивал урожай. Я стал напрашиваться к нему в товарищи, давно мечтал поishiковать, да и деньжат подзаработать. Николай Александрович посмотрел на меня намётанным взглядом и дал добро.

В семидесятые годы прошлого столетия было не просто получить разре-

шение на заготовку кедрового ореха. Промышленные урочища в отрогах Хамар-Дабана находились под контролем промхоза и лесничества. По договору артель была обязана сдать орех на базу. Для каждой артели отводился участок, обозначенный границей, так что любой случайный человек попадал под пристальное внимание и был вне закона.

Через неделю мы зашли на деляну. Затаборились. Срубили сайбот для складирования шишки и занялись заготовкой. Я ходил под колотом, а Николай Александрович с третьим товарищем собирали шишку. Для первой обработки условились наколотить сорок крапивных мешков. Погода баловала, шишка была намолотной, вызревшей, так что двух-трёх ударов было достаточно, чтобы кедр отдал весь урожай, который шумно осыпался под крону. Товарищи споро подбирали паданку, а я уже протрясал следующий кедр. Ударишь — и сразу под колот, чтобы шишка по голове не саданула, затем переходишь к другому, рядом стоящему. Однажды замешкался, и шишка, падая с двадцатиметровой высоты, зарядила по темени, подпрыгнув, отлетела в кусты. Благо, кепка спасла, а то бы двух пудов колот из рук выпустил. Николай Александрович как будто ждал этого момента, угрюмо пошутил: «Хорошо мозгов нет, а то бы стряс». Невольно подумалось: у меня мина наперекос, а ему смешки, но тут же, в такт третьему товарищу, через боль ухмыльнулся и я. Потерев ушибленное место, перешёл к другому дереву, примерил колот по высоте удара и со всей силы приложился. Сотрясение кедра внезапно породило отчаянный свист бурундука. Смертельно испуганный зверёк, опасаясь за свою жизнь, метался по веткам. Я отступил. Вскоре бурундук, убедившись, что угрозы нет, спустился и молниеносно юркнул под корни. Стало понятно: здесь у зверька гайно с кладовой.

Кто не знает этого шустрого таёжного зверька с тёмными продольными от мордочки до хвостика полосками! Бурундук — зверёк оседлый. Облюбует развесистый с густой хвоей кедр, поселится в корнях, тут же и кладовую устроит. Заготовит ядрёного ореха от своего могучего кормильца, чтоб зёрнышко к зёрнышку, — и зима не страшна, знай, свернись калачиком да посапывай в тёплой норушке до первых апрельских опечков. Обычно одного кедра для прокорма зверьку хватает с лихвой. Хорошо, если год урожайный, а случись голодный, или кедровка шишку спустит, тогда беда, много по тайге в поисках кормового припаса не нарыскаешь. Зверёк хоть и ловок, да быстро устаёт. Спирально взбежит по стволу, проверит плодоносные ветки, сбросит две-три шишки на мох под кедром и скорее, так же по спирали, вниз вышелушивать зёрна. Набьёт отборным орехом щёки и в кладовую на хранение. Из четырёх-пяти шишек выходит стакан. А их надо заготовить не менее семидесяти. Вот и приходится бедняге всю осень до снега трудиться. А тут ещё и дожди мглистую занавесь опустят, потому в ненастье зверёк пронзительно свистит и утробно взбулькивает, будто ругается и плачет.

Бурундук никому не враг, живёт только своим трудом. Зато у него, кроме дождя, врагов хоть отбавляй. Поживиться плодами чужого труда, будь здоров, всегда найдутся охотники. Из них самый жестокий — медведь, бродит по тай-

ге и вынюхивает, где орехами да бурундуком пахнет. Учует, разроет когтистой лапищей кладовую зверька и, пофыркивая, зажуёт припас вместе с хозяином. Также не прочь полакомиться зверьком и его запасом соболей, колонок, горностаев, а то и круглолицая с загнутым клювом неясит. Зазеваешься — с лёту схватит и унесёт в подарок своей подружке, только шерстка клочками по веткам разлетится. Даже мыши, рыжеватые куцехвостые полёвки и те норуют в отсутствие хозяина пробраться в кладовую и украсть орешки. Трудная жизнь у бурундука, как ни осторожничай, а опасность всегдаazole.

Помнится, выдался неблагоприятный год. В верховьях прошли пожары, и с погорелых мест бурундуки в большом количестве стали мигрировать в другую тайгу. Миграция краем прошла через деревенские усадьбы, дачи, вышла к реке и, не останавливаясь, стала переправляться на другой берег. У бурундука хвост длинный и ворсистый, чтобы не намочить, держит трубой, смотришь, то там, то здесь плывут маленькие кораблики, только трубы торчат, не дай бог, ленок схватит или течением в шиверу снесёт, тогда гибель. Намокшие хвосты потянут ко дну. Не многим мигрантам удалось переправиться на другой берег. Старые охотники говорили: «Хозяин одной тайги проиграл в карты хозяину другой тайги».

Мы, мальчишки, ради забавы ловили полосатых проказников на капустной грядке, привязывали к шее поводок из дратвы и таскали за собой. Поначалу бурундук упирался, старался выкрутиться, дёргался, подпрыгивал, верещал, но вскоре смирялся и становился покорным. Пойманные зверьки быстро привыкали, становились доверчивыми. Мы, конечно, их подкармливали. Помню, Миша Пугин, ровесник мой, приручил бурундучка настолько, что тот забирался к нему на плечо, по-хозяйски устраивался и грыз хлебную корочку. Он с ним даже в клуб кино смотреть ходил. Но одомашнивание бурундука, как ни старайся, приводит к печальному исходу: то собака задавит, то кошка скараулит.

Незабываемо хороши после трудового дня таёжные вечера на Дабане. Медленно сгущаются сумерки, с западной стороны на небосклоне появляется яркая, отливающая стальным холодным блеском, звезда. Какое-то время она неотразимо захватывающей красотой царствует в небесной сфере, но сумерки уплотняются, и одна за другой из небесной пучины проклёвываются новые звёзды и звёздочки, далёкие и близкие, и вскоре становой хребет Хамар-Дабана исчезает в ночной непроглядной саже. Остаётся только небо, густо усеянное мерцающими огоньками звёзд, да костерок, вокруг которого собираются артельные товарищи.

К нашему костру со своими дровами подошли соседи, для порядка спросили:

— Можно присоединиться?

— Присоединяйтесь, места не жалко, — Николай Александрович был доволен почином (семь крапивников взяли) и, судя по интонации, пребывал в хорошем настроении, обыденно спросил: — Ну, как успехи?

— Да так, жить можно.

— Что и говорить, урожай — грех обижаться,

О чём только не говорят артельщики, собравшись у костра, какие только темы не обсуждают! И про мировую закулису услышишь, и про современную

Хазарию. Говорят обо всём, кроме женщин. Но о чём бы ни судачили, всё равно разговор повернут к ремеслу, к тайге и её обитателям.

— Мы вчера, — заговорил один из подошедших, — нашелушили ведро ореха, хотели сегодня покалить да калёного у костра вечерком пощёлкать, а закрыть на ночь забыли. Утром глянули — ведро пустое, бурундук перетаскал, не более двух горстей осталось, и те — охвостье без зёрен.

— Ничего удивительного, бурундук пустой орех не понесёт, если есть чем поживиться с малой затратой сил, фарт не упустит. Представь, или на дерево ему залазить, или из ведра взять, — Николай Александрович обозначил своё суровое резюме и с ухмылкой взглянул на соседа, дескать, «варюжку» не разевай. Тут же поведал о случае из своей таёжной жизни, даже не поведал, скорее, хвастанул.

— Как-то подошёл к бортяжному кедру, а сверху шишка упала, на редкость убористая, с крупным орехом. Я поднял, положил в карман. Смотрю, вторая падает, да такая бравая, лучше первой, прибрал и её, падает третья, думаю: кто же гостинец посылает? Стою, жду, може, ещё упадёт. Смотрю, бурундук спускается — и в черничник, к тому месту, куда шишки падали. Покрутился, порыскал, нет шишек, я стою не шевелюсь, наблюдаю. Бурундук ещё малёхо покрутился, потом столбиком встал, уставился на меня. Я замер, интересно, что дальше будет? Бурундук подбежал ближе, примерно с полметра от меня остановился, потянул мордочку кверху, как-то по-своему угрожающе заворковал и в каку пору на груди моей оказался, и — в лицо, еле отмахнулся. А он опять заскочил на грудь, на плечо, на голову, по спине брызнет, машу руками, еле отбиваюсь, а он соскочит и опять в драку бросается. Главно, свистит и хвост трубой. Вот учудил так учудил.

На этом Николай Александрович затих, молчали и мы, потом у меня как-то само собой вырвалось:

— Так Вы шишки-то ему отдали?

В ответ Николай Александрович усмехнулся и бравадно так рукой отмахнул:

— Обойдётся, он себе ещё достанет.

Кто-то из соседей пожалел:

— Как же так, обидели маленького зверька, хоть бы одну шишку отдали, трудился ведь!

Более никто слова не проронил. Костёр догорал и вскоре совсем зачах. Повеяло ночным холодом, и все разошлись готовиться к ночлегу.

Не спалось, навязчиво думалось про бурундука, который самоотверженно отстаивал свой труд и защищал жизненное пространство. То, что бурундуки между собой дерутся, сам видел, но чтоб с человеком... Бывалые таёжники рассказывали: разорить кладовую зверька, значит, обречь его на гибель. Бурундук от безысходности ищет на дереве рогатку, просовывает голову и зависает. Вспомнилось, как сам обрёл на гибель пищу, прозванную сеноставкой. В азарте, выкуривая соболя из-под корней могучего кедра, спалил грядку высушенного черничника, заготовленного пищухой на зиму. Наверняка зиму она не пережила. Неуютно было на душе, мучительно. Уснул только под утро. Разбудил голос Николая Александровича: «Васюха, вставай, проспали!»

Через пару дней по таёжной традиции снова собрались у костра. Подошли

соседи узнать, как дела, и просто пообщаться. Как обычно, разговор сначала завёл в дебри за политику: один говорил, что жизнь пошла не по Ленину, пошла по Сталину. Другой же почитал Сталина как отца родного, доказывал, не будь его, войну бы проиграли и были бы сейчас у фашистов рабами, поскольку Гитлер каждому немцу обещал по десять рабов. Досталось и Никите Хрущёву — сталинскому шути за его недалёковидную политику, и Леониду Брежневу, прозванному в народе бровеносцем в потёмках, и о том, что никто понять не может, что живёт при его правлении в пору развитого социализма. Однако посотрясали воздух, посотрясали, выпустили в небеса накопившийся пар негодования и перешли на бурундуков. Один из соседей спросил:

— Кто скажет, как отвадить бурундуков от сайбота, как ни подойду с ношей — пара-тройка крутится!

— Никак! — резанул Николай Александрович. — Во-первых, плашками всех не переловишь, да и время потеряешь. Во-вторых, много не растащат, кедровка больше снимает. И, в-третьих, мы не пообедем, где им на прокорм взять? Почитай, половину гривы обколотили!

Как всегда Николай Александрович вывел из создавшейся ситуации резюме и неожиданно для всех стал повторять рассказ про драку с бурундуком. Все в недоумении замерли. Николай Александрович повторял чуть ли не слово в слово, а когда закончил, я, как в прошлый раз возьми да спроси:

— Так Вы ему шишки-то отдали?

— Конечно отдал, что я изверг какой, что ли?! — Николай Александрович так убедительно это произнёс, что никто не осмелился ему возразить.

Вскоре костёр заках, потянуло холодом, и мы разошлись.

АНАТОЛИЙ ЛИСИЦА

Шли военные годы мои...

Афганистан

Афганистан, как красное пятно,
Лежит на карте в розовом рассвете.
Здесь столько наших жизней отдано
И кровь ушла в пески сухие эти.

Нас увозили в цинковых гробах.
Ночами улетали бомбовозы.
Остались лишь таблички на крестах
Торчать в земле российской как занозы.

ЛИСИЦА Анатолий Владимирович родился 16 апреля 1935 г. на Украине в селе Михайловка Днепропетровского района. В 1959 г. после окончания института по распределению некоторое время работал в Томском райкоме и обкоме комсомола. В мае 1960 г. переехал в Братск. Участвовал в строительстве Братской ГЭС. Член международного пушкинского общества. Автор четырнадцати поэтических и прозаических книг. Член Союза писателей России. Живёт в Братске.

Отец

Дал отец мне отчество своё,
Сам погиб в Румынии в Великую.
Пал в одном из тысячи боёв.
Поросла могилка повиликою.

Не придёшь на кладбище к нему
Поделиться радостью и горем.
И уже, заметно по всему,
Там сравнивали всё на косогоре.

Он погиб ещё в расцвете сил.
Сын его теперь намного старше.

На руках он сына не носил,
В 41-м был уже на марше.

Лишь осталось в памяти моей
Кое-что по маминым рассказам:
В августе, в один из жарких дней,
Он упал, сражённый насмерть сразу.

Где-то там село Бурдухачи.
Может быть, когда-нибудь приеду,
Мне бы только сердце подлечить
И ещё раз выпить за Победу.

* * *

Моя хата с краю...

Пословица

И были все «крайние» хаты,
А в доме, где флаг багровел,
Сидел под портретом усадым
Такой же и трубкой сопел.

Уж он разбирался в цифири,
Подсчитывал кур и овец.
И каждое утро в эфире
Мы слышали: «Сталин — отец».

Хватало у нас безотцовщины,
Но он был родного родней.
Мы длинными шеями тощими
Мелькали одни по стране.

«Счастливое» детство, не спору,
В руках для газет васильки.

И мы саранчою по полю
Искали в пыли колоски.

И каждый сдавали по счёту,
И россыпью, прелым зерном.
«Экзамены» наши «зачёты»
У нас принимал агроном.

Суровый, в военной шинели,
Нога — деревянный костыль,
Глаза с голодухи горели,
А сам он от холода стыл.

Он где-то с детьми похоронен,
Пусть будет им пухом земля...
А мир был так страшно огромен,
И так далеко от Кремля.

Картина художника

«ПОБЕДА» — белыми на красном,
Всего шесть чётких русских букв.
И каждый силится напрасно
Перекричать салюта звук.

Немые рты — подобье рыбе,
И шеи вытянулись ввысь.
Как у подвешенных на дыбе,
Глаза слезами налились.

То слёзы радости и горя,
И крик неистовый, немой.
А те мальчишки на заборе —
Так это я и сверстник мой.

И репродуктор у правления
Один всего на весь колхоз.
Остановилось то мгновение,
Мгновенье радости и слёз.

Остановилось то мгновенье —
И жить осталось на века.
Художник был, бесспорно, гением,
И всё же дрогнула рука.

Он расписался криво, косо
И долго с кисточкой стоял,
Курил в волнение папиросу,
Как после боя генерал.

Мы такими же были...

Мы такими же были, как вы,
И влюблялись, любили не хуже мы.
Только были войною контужены,
Как морозами стебли травы.

Мы — голодные дети войны,
С обожжёнными порохом душами.
Был нам жмых и обедом, и ужином,
Но зато нам теперь нет цены.

Пробивался к нам голос Москвы
Сквозь бомбёжки, обстрелы, пожарища.
Он был голосом друга — товарища,
Звал он нас не склонять головы.

Мы ходили в походы — «бои»,
Огороды изрыв «сталинградами»,
И морковке мороженой рады мы...
Где вы, сверстники, нынче мои?

Знаю я: тот, кто ел хлеб войны,
Кто баланду хлебал, не валандаясь,
Жил, работал, и малому радуясь,
Он в забое и в поле не ныл.

И любовь к нам большая пришла.
Только вы дифирамбы не пойте нам.
Та дорога, что Родиной пройдена,
Просто нашей дорогой была.

Штрафник

— Сам маршал руку мне пожал, —
Светился ветеран.
Глаза — как лезвия ножа.
Горел телеэкран.
Там был парад и шли войска,
Как в тот военный год.
Он без винтовки и пайка
Ушёл тогда на фронт.
И на руках, и на плечах,
И на своей спине
Он вынес всё: и боль, и страх,
Что были на войне.

— Одна медаль и орден есть,
Один за всю войну.
А был героем я раз шесть.
Да кто поверит? Ну?
Таких, как я, — сказал штрафник, —
Осталось с гулькин нос,
О нас ни фильмов нет, ни книг,
Написанных всерьёз.
И с каждым годом в этот день
Сильнее боль утрат...
— И я из тех, чей трудодень
Нелёгок был, солдат.

* * *

Мы наконецники из пуль
На стрелы делали мальчишками.
И, как ты нас ни карауль,
Всегда ходили в шрамах, с шишками.

И ноги — вечно в мерзлоте,
И животы, к спине приросшие.
Мы вспоминаем годы те
Теперь как самые хорошие.

Таков неписанный закон,
Увы! Такая диалектика!
Мы в детстве жили без икон
И всюду лезли без билетика.

В трамвай, на танцы и в кино.
И все умели это здорово...
Ушло всё в прошлое давно,
И не сказать ему: «До скорого!»

Шли военные годы мои —
Полгектара земли огород,
Обнесённый плетнём дыроватым
От мальчишек, от кур и от прочих невзгод,
А в углу не сарай и не хата,

Так себе, как у Бабы Яги:
Два оконца с бельмом из фанеры.
В хате печь на полхаты размером,
Сковородка да две кочерги,

Стол, дубовый сундук да лежанка,
На которой спало полсемьи,
Остальные на печке — не жарко...
Шли военные годы мои.

Я родился в апреле

Я родился в апреле,
в 35-м году.
Соловьи, как свирели,
заливались в саду.
Полыхали черешни,
все в цвету во дворе.

И скворцы у скворечни
гимн слагали заре.
В росах радуги зрели,
занималась заря.
Я родился в апреле,
и, наверно, не зря

мать меня спеленала,
покидая роддом,
Солнце выплыло ало
над совхозным прудом.
Сели с папой в двуколку,
конь заржал под дугой,
вёз меня по посёлку,
словно клад дорогой.
Это было в апреле,
в 35-м году.
Мы росли и выросли

у вождя на виду.
Помню, в классе девятом
встали мы из-за парт —
нам уста опечата
снегом траурный март...
Первые проталины,
хоронили Сталина —
чёрные дороги, пыль да грязь в снегах.
По Москве раздавленной
твёрдо ноги ставили
красные погоны в чёрных сапогах.

Живым и мёртвым

За ветераном ветеран
в газете каждой в чёрной рамке
уходят в мир иной от ран,
как бы сойдя на полустанке.

Им по заслугам не воздашь —
ещё такой награды нету.
Уходят воины в тираж
последней строчкою в газету.

Нет, он не страшен этот миг —
мы все уходим постепенно
в тот мир, где не было живых
и не пришёл никто из «плена».

И с каждым днём всё меньше их...
О, как же мы несправедливы!

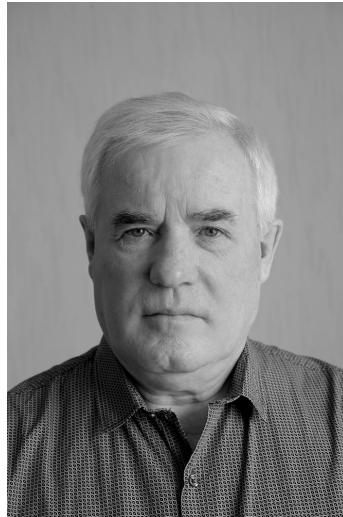
Героев чествуйте своих,
пока они, герои, живы.

Наступит скоро час такой,
когда уйдёт последний воин
в сырую землю на покой,
а он бессмертия достоин.

В боях, в дозоре ли, в тылу
он защищал отчизну свято.
Не нам винить его в пыли,
что пуля минула солдата.

Им по заслугам не воздашь —
ещё такой награды нету.
Ушёл солдат, защитник наш,
от ран военных канул в Лету.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ

Соловьи над колыбелью

Веники

Я.
Мама.
Август.
Полевая тропинка
собачкой
бежит впереди.
Ровное солнце под цвет ближней осени.
Небо отдыхает от облаков
и нежит голубизну.
Земля пахнет мамой.

Под свои надоедливые расспросы
я грызу подарок Яблочного Спаса.
За спиной у нас вязанки
сладкой полыни.
Моя по возрасту —
маленькая.

АНДРЕЕВ Владимир Петрович родился в 1947 г. в дер. Мордовские Каратаи Камско-Устьинского р-на Татарской АССР. Окончил Тетюшский сельскохозяйственный техникум, Казанский государственный университет и Северо-Кавказский государственный технический университет. Печатался в журналах «Наш современник», «Бийский вестник», «День поэзии-2010» и др. Автор девяти книг. Лауреат литературной премии Уральского федерального округа, Международной литературной премии «Югра», премии Губернатора Югры в области литературы. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Живёт в Нижневартовске.

Какие душистые веники
мама навяжет на зиму,
как они чисто будут мести в избе,
как их будут с охотой щипать
озорные зимние ягнята —
мои друзья по играм!
Не обойдутся игры
без кошки Маньки.
Бабушка Алёна, не забывая прясть,
будет нас ласково ругать за беготню
и стыдить Маньку за возраст.
А за окном будет огромная белая зима,
похожая на тётю Дуню —
большую и сердитую.
В своих мечтаниях я сажаю за стол
отца и деда Фаддея крошить самосад
и рассказывать забавные истории;
заставляю себя скатиться
на лыжах с самой крутой горки...
Под размеренные шаги
я раскручиваю фантазиями грядущее,
чтобы потом чаще всматриваться в себя,
удивляться и грустить по ушедшей сказке,
где неизменны и бессмертны
моё мгновенное детство,
моя мгновенная мама,
тот мгновенный август...

Поминальный снег

Шёл и шёл необъятный снег.
Я стоял у дома.
Дом занесло снегом.

Шёл и шёл необъятный снег.
Я стоял в городе.
Город занесло снегом.

Шёл и шёл необъятный снег.
Я стоял на Земле.
Землю занесло снегом.

Шёл и шёл необъятный снег.
Я стоял во Вселенной.
Вселенную занесло снегом.

Шёл и шёл необъятный снег.
И меня занесло снегом.

Где-то,
выше снега,
мама смотрела скорбно на меня.

Шёл и шёл поминальный снег.
Снег, возникший из меня.

Во мне душа безымянного солдата

С годами я всё больше и больше убеждаюсь,
во мне душа того,

кто был для родины щитом
и погиб, не дождавшись главных салютов,
безымянным солдатом Великой войны.

Потому во мне так много печали
по тем ожесточённым годам,

что не редко непрошеные слёзы
текут, не стыдясь, по немолодым щекам.

Потому вдруг перехватывает горло,
когда я слышу песни войны

и в лицах, освещённых огненным смерчем,
вижу лики русских святых.

Откуда бы мне знать о сокрушаемом аде
и как престарелый ветеран

страдать от донимаемой памяти,
если б душа моя там не была,

не видела,
не пережила,
не запомнила,
не вошла
в меня пожизненным судьёй?

Потому она, познавшая терпение и ненависть
яростных славян,

кому смерть красна на миру,
навечно обожествила тех мёртвых,

что спасли будущее
для поколений живых,
шею свернув врагу.

Душа моя, желанный подарок справедливых небес,
 невидимый жаворонок бытия,

я иду тобой ведомый без забрала за истиною в бой,
как тот солдат из Второй мировой,

заслонивший меня собой,
и чья душа моею стала
и я обязан завет исполнить предыдущий —
другому оставить душу незапятнанной, чистой,
не стыдась в прошедшем ничего.

Той, которая прошла мимо

Оксане

Она была красива той красотой,
что заставляет оборачиваться здания,
людей,
спешащие облака.
Она возникла неожиданно из струящейся толпы
и растворилась в ней,
словно красивая капля дождя
в отвесном потоке самоуверенного ливня.
Она прошла мимо жгучим временем,
временем незабываемым и напоминаемым.
В ней не было
костыльной красоты модели,
сытой красоты итальянских мадонн,
чахоточной красоты тургеневских девушек.
В ней была здоровая красота
возвышенного и печально-напряжённого века —
века войн, революций и ожиданий.
Она была недосыгаема для женщин с их завистью,
закатанной в металлическую улыбку.
Она была вождельной мечтой
мужского самолюбия и потаённой гордости
и несла красоту как ядерную бомбу,
готовую вмиг разнести вселенную мужского эгоизма.
Она вернётся кому-то в зорях будущего,
современно отражённая в зеркале времён,
пусть размытой, но истинно сохранённой красотой.
Она придёт любовницей в мои
ненасытные до её тела сны.
Я отвечу ей дурманыщим ласковым шёпотом,
заставляющим забывать, где небо, где земля,
и мгновенья рая искать в горячей тишине.
Я буду для неё весенним лесом,
разбуженным скандальными соловьями,
призывающими к грешной любви.
Она на время, отпущенное страстью,
станет единственной моей возлюбленной.

Женщина, которая прошла мимо,
мне напомнила одинокую ветку сирени
на пустой обшарпанной скамье...

В ожидании охоты

*Новомиру Патрикееву,
писателю и охотнику*

Видно, что-то небо вспомнило — опять всплакнуло дождём. Осень ядрёную рубит капусту, допахивает зяби последние клинья. Грусть по журавлям незаметно улетучилась сама собой. Всё больше и больше забот по встрече спешащей зимы. Она, бойкая, не за горами. Судя по народным приметам, на днях выпадет пробный снег, словно благословение Бога перед трудной дорогой. Сдержанно удивится чуду обновлённый холодный простор,	оставив на первом негативе зимы своё непроницаемое лицо. Ждёт не дожждётся пороши собака, скулящая по полю. Не будь у меня языка, я бы тоже, наверное, скулил: так безудержно тянет распутывать заячьи шахматные ходы; не дышать, а пить синюю свежесть, прощаясь на время с грузом лет; благодарно целовать стволы ружья за удачный выстрел; сидеть у костра и сжигать скверну повседневной суеты; и миги естественной свободы принимать как подарок небес...
---	---

Соловьи над колыбелью

Дом гляделся в полдень,
словно в зеркало судьбы,
где роятся и по сей день
грёзы едва различимого детства.
В те годы родители носили в себе любовь,
как взведённую гранату,
мечтая о колыбели и колыбельной.
Их всепобеждающая молодость не охала
от короткой не смертельной бедности.
Она звенела от счастья и непоколебимой
святости.
Одухотворёнными ночами на крышу
в подарок двум неугомонным ангелам —
мне и сестре —
сыпался звёздный дождь,
и дом светился сказочным светом.
Белой магией луна

Подснежники

Подснежники, принесённые тобой, завяли, так и не дождавшись твоего прихода. Дверная ручка, растеряв тепло твоей ладони, стала холодной и слушает квадратным ухом скользящую тишину ночи, всё надеясь услышать твои шаги.	Окна, приветливо встречавшие тебя, когда ты в жёлтом, как солнце, плаще подходила к дому, собрали мириады звёзд, чтобы при встрече подарить их тебе. У крыльца следы твоих ног вчера заполнил весенний дождь, глаза у которого синие-синие, точно твои.
--	---

Сельское кладбище

В общей сложности те, кто внизу
хранит молчание

мудрей,
умней,
красивей,
отважней,
честней,
искренней,
чем я.

Поэтому с благословением
в скорбной тишине
осторожно иду по кладбищу
и, молча, разговариваю с ними.
Язык не поворачивается назвать
их мёртвыми.

Маленькая часть отжившего человечества
внимательно следит за мной,
приглядывается ко мне,
как очередному товарищу по безмолвью.
Обычная логика. Нашего бытия.
И никто не в силах понять её до конца.
Светлея от смирения, душою признаёшь,
что всех без исключения,
кто безмолвно глядит на тебя,
ты любишь и просишь прощения
за былое высокомерие.

Подвальная кошка

Она искренне мила,
по-кошачьи старается быть чистюлей.
Это в подвале плохо удаётся:
белая шёрстка серого цвета.
Она худа худобой постоянного голода.
До подвала редко долетает
эхо милосердия, а закон еды
первичен при любой
политической системе.
Без социальной помощи кошку
ждала бы участь её шести котят.
Спасибо сердобольной женщине
за нечастые блюдца с молоком
и кусочки колбасы, которая и не пахнет мясом.
Кошке опротивела равнодушная жалость
с нежным «кис-кис» и пустыми руками.
Ей неизвестна ласка, обычная ласка,
когда тебя гладят, лелеют, жалеют,
без притворства говорят приятные слова,
и ты можешь спать на груди или в ногах
того, кто пригрел и накормил.
Кошке со своей колокольни кажется,
что люди похожи на неё, они также
нуждаются в ласке и хорошей еде,
если у них угрюмые худые лица,
и вдобавок ко всему — разучились петь.
У кошки, не знающей веселья,
с рождения печальные глаза.

Юрий Гагарин

С рожденья до того вселенского мига
в великих муках вынашивала Русь
его
улыбку,
глаза,
слова.
Вынашивала,
как Мария Иисуса,
для Голгофы и славы.
Его имя ждали
и смерды, и волхвы.
В мечтах землян он виделся
молодым белозубым богом.

Мечта проступала и на скалах —
скафандры, ракеты...

И был потом день — 12 апреля 1961 года
от рождения Христа.

И была Русь — строгая и молчаливая.

И был он — уходящий к Богу.

И было его слово — *поехали!*

И был день тот не судный,

был день тот — озарение,

день — шаг в мечту.

И в день тот он зажжёт огонь в будущее
спичкой-ракетой

и возвестил о белых временах

Голубиной книги,

став наречённым сыном Земли.

О время всеобщей радости!

Ты весенним ливнем пронеслось

над ожидающей планетой,

вселяя в сердца

веру,

надежду

и любовь.

И все же сквозь восторг миллионов он прозревал
опрокинутые небеса:

сначала салюты, после — плаха.

Человечество не избавилось от забавы

убивать идущих впереди,

словно они затмевают его раздутое величие.

И потому однажды земные боги начинают

привыкать к бесконечности...

Там, вдали от лжи, он завяжет

непокорный шнурок на ботинке

и виновато улыбнётся скорбеющей планете,

где великая страна в чёрный мартовский день

похоронила свою радость.

И знает Всевышний,

не завтра, но в положенный срок

завистью убитый сын явится на землю родную

святым Георгием Гжатским,

чтобы вместе с русским народом

поднять с колен обессиленную Русь...

Ностальгия по Обломову

За окном неуютно: ветер вперемешку с дождём —
поздняя осень, как старуха Шапокляк, пакостит
мне, ожидающему взмахов нечаянной радости
в часы метеорологической грусти.
Философия провинциального одиночества не может
без молчаливого течения бесполезных размышлений
под скрежет ветки по раздражённому стеклу.
Обычный виртуальный онанизм прошедших событий,
точно они первозданно всколыхнут тебя
до атомных мурашек, возродят перед изумлённым
взглядом дорогое или ненавистное лицо,
давно прощённое, но не забытое;
или легко и непринуждённо, не напрягая
характер, оставив в сторону трудности,
дадут тебе заново пройти по цепи достигнутых вершин,
удовлетворённо отмечая про себя твои,
оказывается, неоцененные таланты.
Несколько эмоционален просмотр галереи женщин —
маленьких вёсен в жизни мужчин.
Душа растягивается в улыбке. Ещё бы!
Столько любви ей пришлось объять!
К трепетному счастью прошумевших бурь
примешивается печаль улетающих птиц.
Вечное несовершенство былых времён...
Как они дороги детским лепетом серьёзных дум
и обречённостью неизбежного забытья!
Кот-мурлыка, пока я блуждаю на диване
в чужадальних сферах, солнечно греет живот,
гонит прочь непрошенные мысли
и бережно передаёт меня в руки сна...

Как мне хочется, хотя бы однажды,
побежать на зов молодой мамы
и рассмеяться колокольчиком,
нежно к ней прильнув!
Быть может, в этот раз получится?..

Выселки

Здравствуй, весёлое чистилище
для согнанных из трёх деревень бедолаг!
На каменный суглинок, в голое поле,
где никогда не стояло ни одной избы,

власть в те потопные, на Волге, годы
нас, как подопытных кроликов, кинула жить.
Эй, вы, местные вождишки — Новикова, Чикин —
неужели вам не запомнился плач тысяч сердец,
покидающих навеки насиженные места?
И какой же ответ вы держали перед Богом
за своё предательство, бездушие и трусость?
Ох, испытали люди на себе сполна
проклятие его величества электричества!
Это он, беспощадный божок жадного прогресса,
из-за спешки и инженерного скудоумия страны
перекраивал платья великих русских рек,
сгоняя народы, гробил леса и земли
и скрытно мечтал о всесибирском потопе.
И в насмешку самым доверчивым и идейным
он лампочку Ильича зажжёт в моей деревне,
когда американцы впервые запылили на Луне!
И потому-то, живя до этого как в пещерном веке,
с муравьиным упорством обречённых,
стремясь советскую сказку сделать былью,
выселки вырастили соловьиные сады,
выучили детей и потихоньку... разъехались
за вечно недостижимым для работяг счастьем,
потянув в невозвратные странствия и деревню.
... Безмерно печален вид родного чистилища:
сколько знакомых изб исчезло навсегда,
одичали, считай, все сады без хозяйских рук,
тропинки, дороги — в мураве...
Да, не мы одни растерзаны божком прогресса,
но нет ему от нас прощения
ни за улицы, растаявшие, как зимние сугробы,
ни за зеркало памяти, расколотое на тысячи осколков,
ни за одиночества, разбросанные по родной земле,
в чьи сны приходят выселки
райским обликом неистово цветущих садов...

Раздумья на Эйфелевой башне

В плаще из тёмной ночи
я стоял на верхотуре Эйфелевой башни.
Подо мною лежал Париж,
словно огромное войско у сонмища костров.
Внизу лаяли собаки, довольные жизнью, —
всё же престижно жить в столице мира!
Доносился аромат сжигаемой листвы,

точно как в одной станице Ставрополя,
где мы с другом охотились на зайцев.
Зачарованно разглядывая невиданное чудо,
я был в те минуты абсолютно беззаботным,
и моя страна, постоянно харкающая кровью,
мне казалась книжной «страшилкой»,
выдуманной для бессонных детей.
Страна, когда-то вожденная для Наполеона,
не первый год болела гражданской войной
и не проходящим стыдом за обман великого народа.
Картавые кликуши пророчили ей скорую смерть,
а Кремль звал к падающему капитализму.
Это было и близко и далеко от Парижа,
где женщины изошрялись в изяществе,
выделяясь в толпе, словно цветные камешки
в пляжном песке,
и город всем приезжим делал инъекции
беспечности, вольности и счастья.
Весь Париж был полон мимолётной любви,
изысканного флирта и опьянения страстью,
и человечество шумно спешило сюда
расслабленно испить модный нектар жизни.
Ни до, ни после я не чувствовал себя
таким свободным, как в те дни в Париже.
Созерцая земной космический город,
как я хотел, чтобы мой большой народ
тоже прошёл ненавязчивое чистилище Парижа,
заразился бациллой собственного достоинства
и вернулся на родину свободнее весеннего ветра!

Многое тогда встало бы на свои места...

Ода сибирской зиме

Наконец-то проходит озлобленная зима,
тяжёлая и долгая,
словно осложнение после гриппа.
Ух, как рассержена она
на глобальную ложь, —
мол, скоро зимы сменятся жарой!
От горизонтального тела уставший диван
распрямляется, не расставаясь
с мерзким скрипом.
Белёная мгла больше не бросит в дрожь,
и деревья за терпение не будут расплачиваться

лопнувшей корой.
Мороз, носивший смерть,
как бандит в голенище нож,
скрылся до срока за глухоманные ели.
Теперь в окно я не буду глядеть
с равнодушием полярной совы —
мартовское солнце оживило взгляд,
и мысли намного посвежели.
Ошиблись академики-лжецы —
зима всем показал норы!
Немного погода прозвучат
и первый крик травы,
и первых соловьёв любовный звукоряд.
Лето сварит волшебное зелье,
чтобы его опробовавшие жрецы,
без магического вздора,
тихо помолились за здоровье
своенравной сибирской зимы.
Она, пусть и вздорная порою,
достойна поклонения и любви,
как единственная женщина,
любимая тобою...

Час поэзии

«Идёт молодой и неопытный век»

МИХАИЛ РЯБИКОВ

г. Усть-Илимск

Просьба отца из «Бессмертного полка»

Года с землёй сравнивали блиндажи,
заштопали травой и кустами.
Но, слава Богу, в памяти свежи:
«Бессмертный полк» идёт на праздник с нами!

Идёт по свету небывалый полк
на зависть европейским святотатцам,
алеют небеса, как стяга шёлк,
идёт не в бой, а душами брататься...

Мне с болью говорил отец во сне,
как пулями, словами в сердце метил:
«Портрет не ладь на штендер! Дабы мне
не видеть то, что многим незаметно...

Неси в руках, как связь, прижав к груди,
чтоб я в земле твоё дыхание слышал.
Чтоб праздных душ не видеть впереди,
прижми к себе, не поднимая выше.

Чтоб не видал, что нет родной страны,
за жизнь которой я погиб под Прагой,
что флаги незнакомые видны,
и нет, с которым шёл в атаку, флага...

ДМИТРИЙ ПОЛЕОННЫЙ

г. Зима

Портрет с натуры

Великий признанный поэт
Мне снисходительно кивал,

Потом заметил: — Страсти нет!
Не ощущается накал!

Я улыбнулся и спросил:
— А может, Вам ещё одно?
Его для Вас я сочинил
И для Сибири заодно.

— А ну, давай!

И я запел...
А он всё слушал и молчал,
И на унылый лес глядел,
И откровенно заскучал.

Потом мне руку долго жал
И говорил: — Вот это да!
Но вот к столу его позвал
Московский друг: — Иди сюда!

Они — за стол, а я стоял,
Один, за бликами костра.
Поэт шумел, поэт кричал
И пил, и плакал, как вчера.

Потом орал свои стихи
И восхищение глотал,
А в терпком запахе ухи
Упадка едкий вкус витал.

И понял я, что был поэт
Когда-то, в прошлом, может быть.
И что давно поэта нет,
А есть любитель удивить.

А есть любитель петь и пить,
Красивых женщин обнимать.
А я-то, что душой кривить,
Хотел вблизи его узнать!

Пуля-дура

Изменила направление полёта
Та шальная взвинченная пуля —
И упал ефрейтор третьей роты,
Весельчак и выдумщик Сашуля.

И заплакал сослуживец Вовка —
Он вчера дослал патрон в патронник.
Безотказна резвая винтовка:
Грудь — навывлет, в щепки подоконник.

Вот те раз! Из одного района,
И на дембель вместе собирались
Долгожданным майским эшелоном...
Всё, сынки... Вас мамы не дождались...

Одного отправили «двухсотым»,
А второго — в кичу по этапу.
В небе след растаял самолёта,
В сердце боль оплаканной утраты.

Ведь не зря сказали «пуля — дура»,
Ей плевать на дружбу и на нежность,
Две судьбы, шутя, перевернула,
Превратив случайность в неизбежность.

Графоману-рифмоплёту

Ему уже за пятьдесят,
Он сам себе давно не рад.

Но, не сочтя себя прохвостом,
Решил он миру отомстить:
За непризнание — рифмоплётством
Наш слух усталый оскорбить.

Стихи он пишет и поэмы
Без содержания и без темы,
И даже книжки издаёт,
Да вот никто их не берёт.

Что ж, утешенье хоть такое:
Марай бумагу день за днём
Олигархической рукою,
Рифмуя: *бьём, поём, берём.*

ВАСИЛИЙ ПОЛИВЦЕВ

г. Усть-Илимск

* * *

Пока слагают сказки — были-небыли,
А СМИ о затоплении кричат,
Всё так же волны Ангара у Кеуля
Устало разбивает о причал.

Восходы те же самые над Катою —
Она, конечно, знает о беде.
И небеса над Ёдормой закатами
В проточной отражаются воде.

Заходят тучки также над Зелиндою,
Над Живоканом сыплет мелкий бус.
И вроде бы погода безобидная,
А словно дождь осенний сеет грусть.

Всем островам прописаны экзамены
И многие утонут — не сдадут.
Как памятник былому, остров Каменный
Останется, ведь он высок и крут.

И Ангара с утроенным терпением
Качает в водах раннюю весну:
От Богучан погонит затоплением
Обратно неокрепшую волну.

* * *

Идёт молодой и неопытный век,
Шагает походкой беспечной!
Ещё по морозам одет человек —
В мех норковый, лисий, овечий.

И город идёт за своею страной —
Забот застучали капли.
Природа идёт за своею весной —
Вон льдинки в трубе загремели!

Сосульки стучат под ногами юнца,
И дышит старик у подъезда...
Торопится утро! Так сверим сердца —
Проходят жених и невеста!

Часов электронных уверенный бег,
И прячутся в тень разногласья —
Идёт молодой и неопытный век
В объятия общего счастья!

* * *

Здесь не город, а чаща леса.
Здесь и дружба надёжней, крепче,
Здесь слова не имеют веса,
Здесь «ура» не кричат, а шепчут.

Здесь азарт подменяют фартом,
Здесь привыкли делить удачи,
Здесь сверяют шаги по картам,
Потому что нельзя иначе.

Здесь не пьют самогон от скуки,
Здесь витает любовь без фальши.
Здесь ложатся, раскинув руки,
И не знают, что будет дальше.

Памятник из той эпохи

Стоит он в дождь, в жару, в мороз
С жилым массивом рядом —
Фундамент брошенный пророс
Бурьяном и подсадом.

Вот поле свай за рядом ряд,
Как будто после смены
Футбольный матч здесь ждал ребят —
Построились спортсмены.

Но не заладилось тогда
Со стартовым моментом...
И встали сваи на года
Бетонным монументом.

Так и стоят они с тех пор,
Ловя прохожих вздохи,
Как будто шлют немой укор
Нам из другой эпохи.

АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ

Г. ЗИМА

Просто падает снег

Жизнь, вращает спираль упругую...
Снова падает пышный снег.
Дует ветер... Пока не вьюга.
Ветер только берёт разбег.

В серых тучах запас солидный —
В небе столько не удержать!
Снегопаду конца не видно...
Мягко псу на снегу лежать.

Пёс не старый, но точно знает,
Что в Зиму пришла не весна.
Хоть хозяин снег убирает,
В тучах нет никакого дна.

И всю зиму снег будет падать,
Покрывая пушистым двор.
Может, снег убирать не надо,
Чтобы в дом не прокрался вор?..

Ах, осень, осень...

Ах, осень, осень, не скупясь в стихах,
Поэты воспевали твои краски!
Но стылым утром иней на цветах
Развевал миф о бесконечной сказке.

Нарядна осень в золотых хлебах,
Жаль опустели золотые нивы.
Клин журавлиный плачет в облаках,
Последний, бесприютный, сиротливый...

Печальной стаи крыльев каждый взмах
Её уносит к солнцу на чужбину...
Мой крик прощальный замер на устах:
«Тебя я, осень, вовсе не покину!»

Пылает осень будто бы в кострах,
С деревьев льются листья золотые.
Не жгут их больше в парках и дворах,
Они стоят, беззвучные, пустые...

НАТАЛЬЯ ЯКИМОВА

Г. ЗИМА

Журавли улетели

Серый клин журавлиный,
Улетая, кричал.
И пронзительно длинно
Этот крик прозвучал.

Покружился над лесом,
Над рекой и холмом,
Чтоб запомнить окрестность
И вернуться потом.

Нелегко отрываться
От насиженных мест,
В дальний путь отправляться
И прощаться с небес.

Скрыли дымкой длинной
Серый клин облака,
Лишь души журавлиной
Доносилась тоска.

ЭДУАРД ПАНАСЕНКО

г. УСТЬ-ИЛИМСК

Усадьба

Осот, шиповник да крапива,
Останки изгородей, грязь...
В заросший пруд упали ивы,
Сгнила, истлела коновязь.

Луна заглядывает в дыры
Прогнившей крыши,
 льёт вода.
Теперь здесь холодно и сыро...

Бывало в прошлые года
Горел камин в просторной зале,
На кухне стряпали пирог.
Прислугу зря не обижали,

Платили жалованье в срок.
В пруду купались ребятишки —
Крестьянские и барчуки,
Мелькали голые лодыжки,
Качались ветром тростники.

По вечерам при керосинке
Беседы светские велись,
Играли Моцарта и Глинку...
Текла размеренная жизнь.
Хозяйство крепкое держали,
Шестнадцать десятин земли...
И, чтя заветные скрижали
Христа, они по жизни шли.

Всегда держались друг за друга,
Всех предков знали имена...
Но вдруг октябрь, багровой вьюгой,
Великой смуты семена
Разнёс, развеял по России,
Разрушив судьбы и дома...
Одни стрелялись от бессилья,
Другим — изгнание иль тюрьма.
Беда была не за горами,
Пришла она и в этот дом.
В кожаных, звёздах, с кобурами,
С приказом «Старое на слом!»
Хозяев вывезли куда-то,
В амбарах выгребли зерно...
В стране — война. Где брат на брата,
Где всё и всем разрешено...
Стоит усадьба в запустенье,
Там дождь и ветер — господа.
Когда-то знатное имение...
Сквозь дыры в крыше льёт вода...

Была война

Прокричала выпью на болотах
Расставаньем сломанная ночь.
Плакала навзрыд у поворота
Шедшего на фронт солдата дочь.

Через много лет салют Победы
Темень разорвал над головой.

И всплакнула дочка: «Папа, где ты?
Возвращайся, миленький, живой!»

Только он за сотни километров
Не услышал дочери слова...
Над его могилой дули ветры
Да густая выросла трава.

ВЛАДИМИР ГУБИН

г. Южносахалинск

Рулетка

Если вдруг однажды разом
подведут душа и разум
и ответят мне отказом
слух и зрение, и речь —
этим можно пренебречь.

Но проигрывает редко
жизни русская рулетка,
а она сбивает метко
по ответному лучу.
Долечу не долечу?..

Калейдоскоп

Когда я был мальчишкой,
за восемьдесят коп,
заместо умной книжки
купил калейдоскоп.

Забавная вещица!
Чуть повернул — и вдруг
исчезла продавщица
по мановенью рук.

Был сильно удивлён я
узорною игрой
в той трубочке картонной
с таинственной дырой...

...Ушли лета и зимы
красивым витражом,

как в книжном магазине
над нижним этажом.

...Однажды в ясный полдень
я чистил гардероб
и в нём на пыльной полке
нашёл калейдоскоп.

Ах, трубочка-картонка
вновь будоражит кровь,
как миражей воронка
во глубине миров.

Забывтая вещица,
позвольте, загляну...
А там — пустые лица
и смайлики в меню.

КРИСТИНА ИВАНОВА

г. Иркутск

Туман

После слепого и долгого бега
Я на краю водяной полосы.
Тишь и туман или влажная нега...
Светится сон чуть искрящей росы.

Слышишь, река, как дыхание сбилось?
Видишь, туман, как веселье прошло?
Пелось, смеялось, грустилось... Забылось...
Облаком мягким, тобой занесло.

В сизый туман я себя погружаю,
Влаги, прохлады напиться бы всласть!
Не обижаюсь и не обижаю...
Только твоя незаметная власть.

Ты отступаешь, шепчу я: «Останься!»
Как замороженный странник иду.
В сером слепом приглушённом пространстве
Душу свою за тобою веду.

Рыцарь

Влажный туман, гулкий цокот копыт
На рассвете по сонному городу.
Каждый фонарь торопливо умыт,
Сбрили дворники рыжие бороды.

Тихо коня под уздцы ты ведёшь.
Слышу, первые птицы запели.
Ты у подъезда... и молча зовёшь.
Просто конь, просто день на неделе.

И за порогом, мечту отпустив,
Я спускаюсь по лестнице к рыцарю.
Средневековый старинный мотив
И жильцы с удивлёнными лицами.
По тротуару, по «зебре», мосту,
По ромашкам, по травам, по колосу...
Летних полей доброту, красоту
Как цветы мы вплетаем в волосы.

На подоконнике белый букет,
Как реальности дня подтверждение.
Он — от просторов зелёных привет,
Он — чудесного сна наваждение.

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ

Экзамен по научному коммунизму

РАССКАЗ

Это было в конце шестидесятых годов, теперь уже прошлого двадцатого века. . .

Летняя сессия на нашем охотоведческом факультете должна была закончиться к десятому июня. Однако уже в первых числах этого месяца я и мой соратник Серёга Мухин должны были прибыть на Командоры, куда из Тихого океана после зимовки на мелководной Банке Стейлмента начнут возвращаться на свои лежбища для разведения потомства морские котики. Подход к островам самок, их расселение и дальнейшую жизнь котячьего сообщества до появления потомства нам с Серёгой Мухиным и предстояло отследить, пробыв на Командорах практически всё лето. Эта наша «производственная практика» по изучению повадок именно этого вида ластиногих была согласована с Тихоокеанским институтом рыбного хозяйства и океанографии, сокращённо ТИНРО,

МАКСИМОВ Владимир Павлович, прозаик, поэт (род. в 1948 г. в пос. Кутулик Аларского р-на Иркутской обл.). Автор книг прозы: *«Морозный поцелуй»* (1998); *«Формула красоты»* (Иркутск, 1998); *«В то лето»* (Иркутск, 2004); *«Не оглядывайся назад»*: роман (Иркутск, 2005); *«Предчувствие чудес»*: повесть, рассказы (Иркутск, 2008); *«Куда всё это исчезает»*: повесть, рассказы (Иркутск, 2010); поэтич. сб.: *«Парижская тетрадь»* (Иркутск, 1996); *«Сестра моя осень»* (Иркутск, 1999); *«Памяти солнечный зайчик»* (Иркутск, 2007); *«Подарок для бездомной кошки»* (Иркутск, 2012); *«Снег, уходящий вверх»* (М., 2016); *«Уходящее время»* (Иркутск, 2017). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение). Живёт в Иркутске.

находящегося во Владивостоке. С сотрудниками этого института мы заранее списались, и из Владивостока в Иркутск был прислан именной вызов в деканат охотоведческого факультета для меня и Серёги.

Отчётом же перед родным институтом и ТИНРО, в том числе и за то, что государство не зря потратило деньги на двух студентов, заканчивающих третий курс и отправляющихся из Иркутска на «край географии», должна была стать очередная курсовая работа, копию которой необходимо было отослать вместе с «полевыми дневниками» во Владивосток, в лабораторию ластоногих ТИНРО.

Да, в те незабвенные социалистические времена ещё не студенты платили за своё обучение. Как это зачастую происходит теперь во времена олигархического капитализма, распустившегося (в обоих значениях этого слова) в нашей стране пышным цветом. В те времена платили студентам. И за проезд к месту практики, и обратно, да начисляли ещё и стипендию, если, конечно, учёба шла успешно, не только за учебные месяцы, но и за месяцы прохождения практики. К тому же во время самой практики можно было неплохо заработать, что мы с Серёгой, собственно говоря, и намеревались исполнить, заключив с ТИНРО соответствующий договор.

Однако, чтобы всё это осуществить и прибыть на острова своевременно, нам нужно было, кроме сдаваемых по графику и уже сданных зачётов и экзаменов, сдать два зачёта и один экзамен досрочно. Разрешение на это от декана факультета Свиридова, всегда идущего навстречу студентам, а заодно и «автомат» по его курсу «Морской зверобойный промысел» (раз уж мы едем изучать морских зверюг) нами были получены. Оставалось, кроме плановых экзаменов, сдать ещё зачёт по основам дарвинизма и экзамен по научному коммунизму, который вела у нас молодая и очень привлекательная преподаватель Ирина Сергеевна. На её лекциях, как на некоторых прочих, казавшихся студентам не такими уж обязательными, прогульщиков почти не бывало. Хотя, многие из будущих бравых охотоведов (а на этот факультет тогда принимали только парней) вместо того чтобы внимательно слушать собственно лекцию Ирины Сергеевны, сосредотачивали своё внимание совершенно на иных вещах. Например, любовались не только её чистым красивым лицом, стройными ногами и ладной фигурой, но и другими частями тела. Особенно теми, словно просящимися наружу и из плотно облегающей бёдра серой юбки чуть выше колен, и из идеально сидящей на ней светлой кофточки с длинным рукавом, из которой тоже было чему проситься наружу, так сказать, на простор. Может быть, именно поэтому на этой самой кофточке порою нестерпимо хотелось, в дополнение к двум уже расстёгнутым верхним пуговкам, расстегнуть ещё и третью.

Зачёт по основам дарвинизма, пожалуй, старейшему преподавателю факультета Нарциссу Исаевичу Литвинову, всегда изысканно одетому, с вечной ироничной улыбкой и весёлой лукавинкой в глазах, мне удалось сдать лишь со второго, а Серёге с третьего захода. Когда мы пришли в кабинет к Нарциссу Исаевичу для передачи зачёта во второй раз, он по своему обыкновению, слегка улыбнувшись и рассеянно глядя в окно на институтский двор (за деревянным забором которого сразу начиналась усадьба декабриста князя Трубецкого, сосланного императором Николаем I в Сибирь за восстание на Сенатской

площади 1825 года), чуть помедлив и повернувшись к нам, с уже совершенно весёлым выражением лица, словно мы только что рассказали ему забавный анекдот, спросил:

— Вот что, дорогие дарвинисты, я не стану мучить вас коварными вопросами, которые задавал на предыдущей нашей встрече. Надеюсь, что кое-какой материал вы проштудировали за те три дня, что мы с вами не виделись. Задам простенький вопрос обоим. Кто на него ответит первым, получает зачёт. Итак, полное имя Ламарка?

Серёга сдвинул к переносице брови, нахмурил лоб, изображая нешуточный мыслительный процесс. Он даже для пущей важности зашевелил губами, будто мысленно уже произнося имя этого французского естествоиспытателя, предшественника Дарвина, который вместе с немецким учёным Тревиранусом в 1802 году ввёл в научный оборот термин «биология». После недолгого раздумья он произнёс с вопросительной, впрочем, интонацией:

— Жан Батист Ламарк?

— Это не полное имя, — ещё лучезарней улыбнувшись, ответил Нарцисс Исаевич.

Больше никаких звуков из шевелящихся Серёгиных губ не последовало.

Преподаватель вопросительно, с нескрываемой иронией посмотрел на меня.

— Может быть, вы ответите? — спросил он, слегка покачиваясь за столом на стареньком, жалобно поскрипывающем стуле.

— Жан Батист Пьер Антуан де Моне шевалье де Ламарк! — чётко произнёс я, выдержав необходимую паузу и ловя на себе два любопытных, скрепившихся, словно лучи прожекторов, высматривающих в чёрном небе вражеский самолёт, взгляда — Серёгин и Нарцисса Исаевича. Честно говоря, я до сих пор не знаю, по какой такой причине заучил наизусть накануне зачёта полное имя Ламарка.

— Ну, что ж, — чуть помедлив, произнёс преподаватель, переставая покачиваться, — давайте вашу зачётку.

Поставив в нужных графах зачёт и красивую витиеватую подпись, Нарцисс Исаевич уже суховато, без всегдашней улыбки, возвратив зачётную книжку, произнёс:

— Свободны.

Выходя из кабинета, я уловил тоскливый и как будто о чём-то молящий меня взгляд Серёги и уже вновь ироничный взгляд Нарцисса Исаевича, устремлённый на моего товарища.

Минут через десять из кабинета в коридор, где я его поджидал, вышел Серёга. Лицо его было до удивления красным, словно он решил поработать светометром или стать привлекающим к себе всеобщее внимание первым помидором, привезённым на сибирский рынок из Ташкента ранней весной.

— Велел прийти через два дня, как следует подготовив ещё и сегодняшние вопросы, — угрюмо сообщил он, кивнув на прикрытую дверь. — И откуда он их только берёт?! И каждый раз всё новые, — искренне изумился мой товарищ. — Мы же с тобой вроде весь курс прочли, — уже менее уверенно закончил он.

— Значит не весь, — включился я в разговор. — А может быть и конспекты, что ты взял у старшекурсников, были не полные. Он же, говорят, каждый

год свой курс дополняет какими-то новыми сведениями. А мы ведь с тобой его лекции до конца не дослушали. Вот он и тычет нас мордой об стол, чтобы знали своё место.

— Да... — только и молвил Серёга, шагая со мной по длинному гулкому пустынному коридору к читальному залу библиотеки, расположенной напротив центральной лестницы с двумя параллельными пролётами, ведущими со второго этажа. В «читалке» мы планировали начать готовиться к экзамену по научному коммунизму.

— Знаешь, Макс, — тормознулся Серёга, не дойдя двух шагов до двустворчатой двери читального зала, — я, если дарвинизм с третьего захода не осилю, оставлю «хвост» на осень. Да и коммунизм сейчас сдавать не буду. Не успею подготовиться. Тем более что в этом году все как сдурели. Любое дело окрашено теперь у нас в стране предстоящим на следующий год столетним юбилеем «вождя мирового пролетариата» Владимира Ильича Ленина! — Словно передразнивая передовицы газет, раздражённо произнёс потенциальный двойной хвостист. — Заранее начали готовиться! Об этом только и талдычат теперь на каждом шагу. А сколько нелепых порою сувениров с изображением вождя в разных видах понаделали! Хорошо, что хлеб ещё выпекают без его чеканного профиля! А конфеты точно скоро, помяни моё слово, начнут с цитатами из его работ на обратной стороне фантиков выпускать. Типа «Ешьте меньше, да лучше!», «Шаг вперёд — два шага в сторону!», «Империализм и эмпириокритицизм», ну и так далее.

— Да ты, Серёга, прямо знаток ленинских работ, — вставил я, но мой товарищ, не обратив никакого внимания на мою ироничную реплику, продолжал говорить о наболевшем.

— Уверен, что и наша коммунистическая дама будет лютовать не хуже Нарцисса, хотя и выглядит такой белой и пушистой.

— А при чём здесь Дарвин и Ленин? — снова встрял я.

— Да ни при чём, — вяло согласился Серёга. — Это я так, к слову. Так что иди, готовься к коммунизму, — кивнул он на дверь библиотеки, — а я — в общагу. Дарвинизм долбить. Кстати, нам с тобой дней через пять надо в Петропавловск вылетать, чтобы на экспедиционное судно успеть. А оно уж через неделю отходит, — закончил Серёга свой печальный монолог.

— А я всё-таки попробую «научком» спихнуть. Тем более что договорился с Ириной Сергеевной о том, что мы придём к ней в общежитие преподавателей через три дня. И прямо у неё дома сдадим экзамен. Глядишь, и чайком угостит, — размышлял я. — Ведь она старше-то нас года на четыре, не больше.

— На восемь, — уточнил всё знающий в подобных делах Серёга. — Ей двадцать девять. Сведения из достоверных источников, — солидно добавил он. — А что касается чая, то я бы с такой женщиной с удовольствием... и не только чая попил, — проговорил он с загадочной улыбкой и потянулся до хруста в костях. — Эх, такая баба пропадает! — мечтательно продолжил он. — Поздновато мы с тобой, Макс, родились. Так что губу-то особо не раскатывай. Вряд ли тебе там чаёк обломится. Мы для неё щенки. Вот Нарцисс Исаевич, будь он лет на двадцать помоложе, был бы ей в самый раз... Но зато, — пе-

ревёл он тему разговора, — мы с тобой скоро по тем местам на судне пройдем, где занимался зверобойным промыслом Джек Лондон. Да и на Командорах он, кажется, бывал! — совсем оживился Серёга. Долго грустить мой приятель не умел.

* * *

Общежитие для преподавателей вузов и аспирантов располагалось в бывшем «Морском храме» — Харлампиевской церкви.

В прежние времена, отслужив в нём молебен и поставив свечи перед иконой Николая Угодника, покровителя путешественников и странствующих, отправлялись в дальние моря экспедиции Григория Шелихова, названного Михаилом Ломоносовым российским Колумбом, и других купцов. Отбывали на Аляску, в Русскую Америку, открытую и обжитую в основном сибиряками, и в другие прочие места.

В этом храме (после научной полярной экспедиции на судне «Заря», под предводительством Толля, пропавшего без вести в 1902 году при переходе по неокрепшему льду с острова Беннетта) в 1903 году со своей первой женой венчался будущий адмирал Российского флота Александр Васильевич Колчак.

В мои же студенческие годы, по-видимому, некогда очень красивый большой храм представлял собою жалкое зрелище. Куполов с крестами на нём не было. А вот следы разора и запустения, как говорится, повсюду были налицо. И порою создавалось такое впечатление, что власти просто не ведают, что делать с этим храмом. Разрушить такую махину, как были до того разрушены десятки церквей и соборов, хлопотно. Переоборудовать во что-то иное — ещё хлопотнее. Оставить на дальнейшее саморазрушение — тоже не годится. Центр города. Иностранные туристы из близлежащей гостиницы «Интурист» шныряют то и дело и фотографируют эту бесхозность. Одним словом, головная боль для властей этот бывший «Морской храм». Вступив в который из солнечного майского дня, я ощутил какую-то сумеречную прохладу и явственный запах плесени.

Отыскав среди множества дверей нужную, под номером 3 (и вскользь подумав о том, что «трояка» бы мне вполне хватило, только бы уж поскорее свалить эту сессию!), обитую, видимо, уже очень давно потрескавшимся и некогда чёрным дерматином, я постучал по косяку, ибо звонок отсутствовал. Отчего-то с замиранием сердца, словно вступал в зазеркалье в стране чудес, ждал я ответа, услышав через короткое время звонкое и бодрое «Войдите!».

На миг мне представилось, что за растворённой дверью я увижу светлую, хорошо обставленную современной мебелью комнату. И Ирину Сергеевну, сидящую на мягком просторном диване в шёлковом халате с драконами, схваченном на её изящной талии шелковым, как и халат, тонким цветным пояском, а оттого, пусть и нечаянно, но смело распахнутом и сверху, и снизу.

Однако всё оказалось гораздо прозаичнее.

Ирина Сергеевна была всё в той же серой плотно облегающей её бедра юбке и светлой кофточке, как и на лекциях, увы, с двумя, не более, расстёгнутыми сверху пуговками.

— А почему вы один? — спросила она недоумённо. — Вас же должно быть двое?

— Мой товарищ решил сдавать экзамен осенью, — как ефрейтор генералу чётко отрапортовал я. И уже не так подобострастно, добавил: — У него возникли проблемы с Дарвином.

— С самим Дарвином? — деланно удивилась Ирина Сергеевна и, улыбнувшись, добавила: — Или с Нарциссом Исаевичем, всё же?

— С основами дарвинизма, — уточнил я, пытаясь неловко улыбнуться ей в ответ. И удивившись тому, как мгновенно, будто её там никогда и не было, приветливая улыбка сошла с её красивых капризно-пухлых губ.

Лицо её стало непроницаемо официальным, и я подумал, что, наверное, Серёга в своих прогнозах был прав. И эта тоже будет лютовать, не сжалившись над бедным студентом, стремящимся в океан, на простор, на волю волн.

— Извините, что я вытащила вас к себе, — прервала мои не очень весёлые мысли Ирина Сергеевна. — Не хотелось мне ехать за город, в основной корпус. Тем более что лекций у меня сегодня нет. А в вашем охотоведческом здании, хоть оно и не далеко от центра города, но пришлось бы искать место, с кем-то договариваться о свободной аудитории или кабинете, а это, согласитесь, неудобно.

Она словно оправдывалась, и мои тяжкие предчувствия стали как-то меркнуть. «Однако чаем здесь всё же и не пахнет», — понял я, слушая её объяснения и разглядывая комнату с единственным очень высоким окном и множеством переборок в раме, как бы разделяющих тянущееся вверх стекло на небольшие квадраты. Подоконник окна по ширине был, наверное, не менее чем метра полтора.

«Да, раньше стены клали не чета нынешним. Особенно этим панельным бетонякам в многочисленных безликих, а точнее, на одно лицо, микрорайонах», — мысленно изумился я. Посреди довольно просторной комнаты стоял старинный круглый стол и два, тоже не новомодных, венских стула. Рядом с вытянутым окном, по всей видимости, встроенный в нишу стены, до самого высокого потолка громоздился прямо-таки громадный и отчего-то чёрный шкаф, вызвавший у меня весьма сложные ассоциации. С одной стороны, он показался мне похожим на огромный, будто для сказочного богатыря, квадратный гроб, а, с другой стороны, этот шкаф, с его лёгкими фанерными длинными дверцами, одновременно будто бы был выходом, вернее входом, в иной, таинственный, волшебный мир. Стоило только с лёгким скрипом отворить эти дверцы и ступить в него.

Ирина Сергеевна перехватила мой взгляд и, кивнув на шкаф за своей спиной, пояснила:

— Наследие прошлых времён. Впрочем, так же как стол и стулья. По-видимому, прежде в этом шкафу хранилось церковное облачение... А мне порою, особенно на закате, кажется, что дверцы этого шкафа внезапно отворятся и из него выйдет былинный, огромного роста богатырь, готовый исполнить любое моё желание.

«Надо же, она тоже про богатыря подумала. Значит, есть в этом шкафу действительно что-то богатырское», — мелькнула у меня попутная мысль.

За ширмой, тоже старинной, с четырьмя створками, обтянутыми шёлковой тканью с каким-то замысловатым узором, слева от входной двери, скорее всего, помещалась кровать.

Ирина Сергеевна вновь, и теперь уже с неудовольствием, отчего она слегка нахмурила брови, перехватила мой изучающий обстановку её комнаты, взгляд.

— Ну, что ж, — официальным тоном произнесла она, прервав моё созерцательное состояние. — Начнём, пожалуй.

Она достала из сумочки, стоящей на стуле, экзаменационные билеты, разложила их веером на столе, обратной стороной кверху, и, чуть улынувшись, предложила:

— Тяните своё счастье.

Я взял крайний слева билет, в котором было два вопроса.

Первый про базис и надстройку в социалистическом обществе я, более-мее, помнил по лекциям. А вот второй — Моральный кодекс строителя коммунизма — не знал вообще. Вернее, знал лишь понаслышке. Из прочитанных кое-где мимоходом лозунгов, касающихся этого самого кодекса. Сама же Ирина Сергеевна в своих лекциях до этой темы ещё не дошла.

— Присаживайтесь, — указала она на стул, убирая остальные билеты на край стола.

Я сел. Достал из портфеля ручку и лист бумаги, но вместо того чтобы думать над вопросами вдруг припомнил нечто давнее, казалось, навсегда уже забытое.

Мне было тогда, наверное, лет двенадцать. И вот однажды в поселковом клубе на стене, рядом с небольшим глубоким квадратным оконцем кассы, я прочёл красочный лозунг, в котором уверенно утверждалось, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!».

На строительство коммунизма тогдашним Генеральным секретарём ЦК КПСС, и фактическим правителем государства, отводилось двадцать лет. С 1960-го по 1980-й. Несомненно, я мог считаться «нынешним поколением советских людей». Поэтому, прочитав столь оптимистичный и радостный для меня лозунг и, естественно, не подвергнув его никаким сомнениям, я огорчился только из-за того, что ждать коммунизма придётся так долго. Тогда я ещё не ощущал, что годы, десятилетия мелькают очень быстро, подобно небольшим станциям, едва уловимым взглядом из окна несущегося мимо них поезда. И ещё огорчило меня то, что я уже буду, по моим тогдашним соображениям, почти стариком. Ведь к 1980 году мне исполнится тридцать два года!

Но зато там, в этом «светлом будущем», всё будет по-другому, не так как сейчас, когда мама вынуждена работать медицинской сестрой в воинской части то на полторы, то на две ставки, прихватывая частенько и выходные, и праздничные дни, для того чтобы побольше заработать. Что б семья не чувствовала ни в чём нужды и в доме был необходимый достаток. Дополнительные сведения о «светлом будущем» ещё прежде я тоже почерпнул из лозунгов, прочитанных мною не то в продуктовом магазине, не то в маминой санчасти,

куда я частенько приходил в обед поесть из солдатского котла, точнее, из предназначенной для дежурной медсестры порции. Там на этих тоже красочных небольших бумажных плакатах, выполненных типографским способом, разъяснялось, что рабочий день будет четырёхчасовой. И, самое главное, что там при коммунизме будет действовать принцип «От каждого по способностям — каждому по потребностям!».

И когда я начинал думать об этом счастливом будущем, то мне оно представлялось почему-то всегда одинаково.

Вот я, уже взрослый, в бостоновом в полоску костюме (а именно такие при выходе на свободу приобретали себе недавние сидельцы лагерей — основные строители коммунизма, строившие наш город), в светлом плаще реглан, мягкой серой шляпе (в плащи и шляпы одевались уже бывшие недавние фронтовики), в блестящих тёмно-коричневых «штиблетах» с рантом. (Само собой разумелось, что я высок, строен, красив, как доктор Журавлёв из маминой санчасти, года два назад, приехавший туда работать после окончания Московского мединститута.) У меня в руках небольшой лёгкий чемоданчик, так называемая «балетка». С такой отец обычно ходил со мной по субботам в баню, укладывая в неё чистые трусы, майки, полотенца... Я стою на блестящем (как мои туфли) от недавнего дождя перроне, у дверей влажного зелёного вагона поезда дальнего следования. Длинный ряд окон этого вагона так же чист, как глаза девушки-проводницы, стоящей у вагона в ожидании пассажиров.

Из нагрудного кармана свободного двубортного пиджака я достаю билет и протягиваю его этой симпатичной, улыбающейся именно мне, потому что у вагона больше никого нет, проводнице.

Куда идёт этот проходящий мимо нашего города поезд, где они обычно стоят лишь две минуты, не загадывал. Но думалось, что обязательно куда-то очень далеко. Подальше и от нашего города, и от нашего посёлка, с его грязью на дорогах и коровьими лепёхами посреди улицы. С его неказистыми бараками на восемь квартир, в которых мы тогда жили. Наверное, мне грезился юг и море...

Много лет спустя я прочёл у Николая Рубцова в чём-то сходное по ощущениям с моими тогдашними мечтами стихотворение:

*Стукнул по карману — не звенит.
Стукнул по другому — не слышать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать.*

— Сразу будете отвечать или вам необходимо какое-то время на подготовку?

Вопрос Ирины Сергеевны вернул меня из дальнего далёка (впрочем, лишь девятилетней давности) к действительности.

— Буду готовиться, — рассеянно ответил я.

— Хорошо. А я тогда пока выпью кофе, — приятным ровным голосом проговорила Ирина Сергеевна.

Она вышла из комнаты, а я лихорадочно, в чужом конспекте, которым меня снабдил Серёга, раздобыв у знакомых старшекурсников, испуганно реагируя на каждый шорох за дверью, попытался найти ответ на второй вопрос.

Минуты через две Ирина Сергеевна вернулась в комнату с источающей приятный аромат чашечкой кофе. При этом сделав вид, что не заметила, как я поспешно и неуклюже прячу в портфель общую тетрадь. А я сделал вид, что достаю из портфеля ещё один чистый лист бумаги.

Ирина Сергеевна подошла к окну, немного постояла возле него, рассеянно глядя на цветущую, заполнившую всю нижнюю часть окна сирень, а потом уселась с ногами на широкий подоконник, скинув на пол пушистые тапочки. Юбка у неё заметно приподнялась выше колен и туго обтянула бёдра. Вид был, надо сказать, просто изумительный! Но мне, увы, было сейчас не до неё.

Ирина Сергеевна маленькими глотками, с видимым удовольствием, пила кофе, время от времени ставя чашку на подоконник рядом с собой, и завороченно глядя в эти моменты на пышную сирень, заметно затеняющую нижнюю часть высокого окна.

— Ну что, готовы? — спросила она через какое-то время, вставая с подоконника, оставив на нём изящную пустую чашечку из тонкого фарфора, стенка которой красиво просвечивала на свету.

Если учитывать мои мысленные переживания, связанные с Ириной Сергеевной, то её вопрос прозвучал весьма двусмысленно. И на свои смелые мечты я мог бы ответить, как юный пионер, «Всегда готов!». Но реалии были иными, и я осипшим отчего-то, голосом ответил: «Да», решив про себя, что двум смертям не бывать, а одной не миновать.

— Достаточно. Этот вопрос вы знаете, — прервала мои пространные разглагольствования о базисе и надстройке Ирина Сергеевна. — Переходите ко второму.

Сидя напротив меня и, по-видимому, думая о чём-то своём, она машинально перебирала лежащие на краю стола билеты. То складывая их в стопку, как карточную колоду, то рассыпая веером, будто гадала на свою судьбу.

— Ну, что же вы молчите? — перевела она свой рассеянный взор от билетов на меня, когда пауза уж слишком затянулась. — Это же простой вопрос. Достаточно читать газеты, чтобы найти на него ответ. (Мне так захотелось ответить ей словами профессора Преображенского из «Собачьего сердца» Михаила Булгакова, дающего совет своему коллеге-врачу: «Вы только не читайте перед обедом советских газет — это ухудшает пищеварение...» А к тому же я газет почти никогда не читал.) Правда, здесь нужны точные формулировки, — добавила она после небольшой паузы. — На первый вопрос вы ответили очень хорошо, — подбодрила она меня.

На несколько секунд память вдруг унесла меня в ещё более раннее детство.

Я вспомнил как, став пионером (о чём давно мечтал), выбросил на помойку медные крестики — свой и младшей сестры, с которой нас одновременно крестили в Бурятии, в Улан-Удэ, где тогда жили наши родители. Мне было уже два года, а сестра только родилась. И потом крестики эти, в те атеистические времена, когда Никита Сергеевич Хрущёв «грозился» не только построить коммунизм, но и показать «мировой общественности» последнего попа Советского Союза, хранились у мамы в комодке под стопкой чистых полотенец.

Бабушка, мамина мать, живущая тогда у нас, узнав о моём поступке, очень огорчилась. А по утрам к общим молитвам прибавила ещё и молитвы за меня. И теперь, проснувшись раньше времени, ещё в черноте раннего зимнего утра, я видел за шторкой, отделяющей бабушкину кровать, стоящую у шкафа, на боку которого была приделана лампадка и старая почерневшая от времени икона, тёплый, таинственный, красноватый свет этой лампадки, проступающий из-за ситцевой ткани, и кланяющийся бабушкин силуэт. Слышал среди непонятных мне слов, произносимых ею шёпотом, и понятные.

«Господи, — просила Ксения Фёдоровна, — просвети моего внука Владимира. Наставь его на путь истинный. Спаси и сохрани его от всякого зла и козней бесовских. Прости ему грехи его...»

Может быть, благодаря бабушкиным молитвам мой воинствующий атеизм, культивируемый в школе в основном нашей пионервожатой — задорной, весёлой девушкой с вздёрнутым маленьким носиком и жизнерадостным румянцем во всю щёку, как-то незаметно поутих. И я всё чаще стал задумываться о смысле жизни и смысле смерти, об этих великих тайнах. И как-то, когда бабушка ушла в стайку доить корову, я зашёл в её закуток и взял с полочки небольшую книжку «Евангелие».

Присев тут же на кровать, аккуратно застеленную разноцветным лоскутным одеялом, я начал её читать. За чтением Евангелия и застала меня Ксения Фёдоровна. Проведя рукой по моей голове, она присела рядом. От неё так хорошо пахло молоком и таким особенным, приятным тёплым коровьим дыханием. Обняв меня, она негромко сказала: «Знаешь, внучек, можно не верить в Бога. Как говорится, не веришь — не верь, но богохульствовать всё же нельзя! Особенно над тем, чего мы не знаем и понять своим скудным умом до конца не в состоянии».

— А тебе, кстати, понятно, что ты прочёл? — спросила она через некоторое время, кивнув на Евангелие в моих руках.

— Не всё, — почему-то тихим голосом ответил я.

— Ну, тогда давай будем вечерами вместо Пушкина эту книжку читать. А что тебе будет непонятно, я буду объяснять. Только в школе, и особенно пионервожатой вашей, об этом лучше не говорить. Договорились?

— Договорились, — снова тихо ответил я, чувствуя тёплый бабушкин бок и её любовь ко мне. И от всего этого, такого хорошего, мне вдруг захотелось заплакать.

Теперь, иногда по вечерам, не подолгу, бабушка стала читать мне Евангелие, многое из которого я воспринял как чудесную и в то же время страшную сказку. А кое-что из всех четырёх Евангелие: от Марка, Матфея, Луки, Иоанна, запомнил цепкой детской памятью на всю жизнь. Особенно вот это: «Относись к другим так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе».

— Ну, что?.. — будто подталкивая меня к краю пропасти, уже нетерпеливо спросила Ирина Сергеевна, бросив взгляд на настенные часы.

— Не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, почитай отца и мать, и люби ближнего как самого себя... — начал я монотонным голосом и увидел, как глаза Ирины Сергеевны округлились, а взгляд из рассе-

янного стал как будто бы даже испуганным и недоумённым, словно я готовил ей какой-то коварный подвох. — Не судите и судимы не будете, — продолжил я, чувствуя, как стремительно лечу в бездонную пропасть, к краю которой меня подтолкнула эта красивая женщина. — Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит, — продолжал я автоматически, вытягивая из своей памяти всё, что помнил, и составляя немыслимую мозаику неведомого мне Кодекса строителя коммунизма. — Дух бодр, плоть же немощна. Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но большее горе тому человеку, через которого соблазн приходит.

Я замолчал, почувствовав, что уже вычерпал из колодца памяти почти все запомнившиеся мне с детства фрагменты Евангелия, произнесённые мною, может быть, и не совсем верно. И ещё я почувствовал, что уже почти достиг дна пропасти и сейчас меня расплющит об острые, безжалостные, спокойные камни. Но перед тем как это произойдёт, я решил, не пряча больше глаз, прямо взглянуть на Ирину Сергеевну.

Удивительно, но взор её не был больше ни возмущённым, ни удивлённым, а был каким-то затуманенным, словно она и не слушала меня, напряжённо думая о чём-то очень важном для самой себя.

— А ведь, по сути-то, верно, — произнесла она наконец каким-то изменившимся голосом. И будто откуда-то издалека добавила: — Давайте зачётку.

Взяв зачётную книжку и не открывая её, она спросила:

— Вы куда на практику отправляетесь?

— На Командоры. Проводить учёт морских котиков.

— Это где-то рядом с Японией, кажется?

— Нет. Эти острова находятся значительно севернее и основных японских — Хонсю и Хоккайдо, и Курильских островов, и Сахалина, и даже Камчатки, — как перед нерадивым учеником, испытывая при этом некое тщеславное чувство, мол, «знай наших!», блеснул я своими географическими познаниями, да не перед кем-нибудь, а перед преподавателем высшей школы! — Там, кстати, бывал Джек Лондон, когда работал на зверобойных судах.

— А я почему-то думала, что это рядом с Японией, — рассеянно, словно продолжая думать о чём-то важном для себя, произнесла Ирина Сергеевна, вставая из-за стола, и продолжая держать мою нераскрытую зачётку в левой руке.

Она прошла мимо меня и машинально потрепала по голове, слегка взлохматив мои волосы. Наверное, так могла поступить мама или любимая девушка, но никак не преподаватель научного коммунизма!

— Мечтаете стать Джеком Лондоном? — словно и не заметив своего жеста, спросила Ирина Сергеевна. И не дожидаясь ответа, продолжила: — Куда же я её задевала?

Оглянувшись, я увидел, что она что-то ищет в своей сумочке на тумбочке, стоящей перед довольно большим, висевшим на стене зеркалом.

— А, вот она. Ну, слава богу, нашлась, — она вынула из сумки авторучку с золотым пером, добавив: — Люблю, знаете ли, расписываться перьевой ручкой с чёрной тушью. Тогда подпись выглядит эстетично, как иероглиф на рисовой бумаге. Да и ручку эту мне, кстати, давно уже, правда, мой бывший друг из Японии привёз.

Она вернулась к столу. Раскрыла зачётку. И на мгновение задумавшись, отчего у неё образовались две продольные складки у переносицы, с какой-то грустной улыбкой продекламировала:

*Порою заметишь вдруг:
Пыль затемнила зеркало,
Сиявшее чистотой.
Вот он, открылся глазам —
Образ нашего мира.*

— Это стихи Сайгё из знаменитого воинского рода Сато. Он жил в Японии в двенадцатом веке. Не знаете такого поэта?

— Не знаю, — честно ответил я.

— Ну, ещё узнаете. Какие ваши годы, — сказала Ирина Сергеевна, склонившись над моей зачёткой.

Поставив оценку и расписавшись в следующей графе, она передала её мне.

— Удачной вам практики, — пожелала Ирина Сергеевна, вставая со стула и как бы давая мне понять, что разговор окончен.

— Спасибо, — ответил я.

Выйдя из бывшего храма, я дошёл до близкой от него набережной и, присев на первую попавшуюся скамейку, открыл зачётку.

«Значит, она всё-таки отличает меня», — мелькнула в голове мысль, потому что в графе оценок было написано «Отлично». И чуть дальше, в следующей графе таким же красивым почерком была выведена подпись Ирины Сергеевны. Совсем, впрочем, не похожая на иероглиф. «И. Казак» читалось в зачётке, потому что фамилия Ирины Сергеевны была Казакова.

Июль 2012 г. Порт Байкал

Декабрь — январь 2013 г. Иркутск

ЮРИЙ ПОХАБОВ

Хула и слава Ивана Похабова, или Штрихи к портрету одного из отцов-основателей Иркутска

Нет, пожалуй, в сибирской истории XVII века фигуры более известной по своей неоднозначности, чем енисейский сын боярский Иван Иванович Похабов, за которым столетиями тянется скандальный шлейф из былей и небылиц, фактов и вымыслов, мифов и легенд.

К примеру, глубокоуважаемые мной современники, с кем я имею честь быть знаком (не историки конечно, но члены Союза писателей России, избравшие для своего творчества далёкий XVII век), занимают по отношению к И. Похабову диаметрально и непримиримую позицию. Красноярский писатель В.М. Бахмутов настойчив в неприятии личности и заслуг И. Похабова [1], прежде всего

ПОХАБОВ Юрий Павлович родился в 1959 г. в г. Красноярске-26 (ныне Железногорск), где и ныне проживает. Инженер-механик, кандидат технических наук, писатель-публицист. С 2006 г. занимается изучением истории фамильного рода Похабовых. Автор книги *«Красноярские Похабовы: история фамильного рода»* (2012). Увлекается историей, краеведением, родословием. Член иркутского общества «Родословие» (2011). Печатался в коллективных литературных сборниках, в альманахе «Енисей», журнале «Сибирь», научном журнале «Известия АЭМ «Тальцы», в антологии современной литературы Красноярского края «Невероятная земля!», в краеведческих сборниках Иркутска, Красноярска, Енисейска и других изданиях. Один из авторов регионального интернет-портала «Прибайкалье». Статья *«Хула и слава Ивана Похабова»*, которую ныне предложил журналу «Сибирь», первый опыт осмысления личности своего далёкого предка, который не только определил судьбу многочисленных своих потомков в Сибири, но и внёс существенный вклад в историю Прибайкалья и города Иркутска.

на фоне фигуры П.И. Бекетова, изучению жизни которого он посвятил четыре десятилетия [2]. Иркутский же прозаик О.В. Слободчиков, напротив, в своих произведениях изображает И. Похабова как достойного управителя и воина [3], сделав его одним из главных героев своих исторических романов [4; 5].

В целом разногласия мнений об этом человеке способна расстроить сознание любого, имеющего среднешкольное представление об истории. С одной стороны, он вроде бы *«человек жёсткий, самовластный, однако весьма предприимчивый и отважный, способный ради достижения цели на любой риск»* [6], с другой же стороны, слышит *«скандальным персонажем, сутягой, вымогателем, благодаря произволу которого целый народ откочевал за пределы русского влияния»* [7]. Интересно заметить, что практически столь же противоречиво оценивали И. Похабова спустя каких-нибудь полторы сотни лет после его смерти, того времени, когда ещё не успевают взять верх те или иные предвзятые суждения. В своей сибирской истории от 1774 г. И.Э. Фишер отмечает: *«В 1657 год сделался он управителем в Балаганске и управлял там так бесчеловечно, что Россияне, Бурята и Тунгусы великие на него жалобы приносили. Особенно с Бурятами поступал столь жестоко, что они толпами бежали к Монголам и землю почти пустым местом сделали»* [8]. Но вот что в 1823–1824 гг. пишет про И. Похабова русский писатель А.И. Мартос [9]: *«Построил острог Иркутский и сверх того, во многом, как воин и политик, был человеком полезнейшим для службы Царей Московских»*, а кроме того, *«Московитянин Пахабов (sic!), человек, как говорит летописец, беспокойного и сердитого характера, но по всем своим действиям заслуживающий быть внесённым в небольшой почётный список настоящих людей Государственных»*.

Яблоком раздора относительно противоречивых мнений по И. Похабову, безусловно, служит эпизод в истории Прибайкалья с восстанием и бегством унгинских и окинских бурят в Монголию из-за чинимых им жестокостей, эмоционально усиленный сохранившимися челобитными ясачных бурят и пашенных крестьян Нижнебратского острога о насилиях и злоупотреблениях [10]. Подробному разбору этого эпизода посвящена существенная часть монографии будущего академика А.П. Окладникова по истории бурят-монголов [11]. Не будет преувеличением утверждать, что препарируемые на страницах книги «анатомические» подробности жестокости, циничности, мздоимства, лихоимства, блуда и прочих качеств И. Похабова, рисующие портрет законченного негодяя и изверга-сатрапа, подогрели и без того тлеющий националистический экстремизм бурят. К сказаниям бурятского эпоса *«о беспримерных жестокостях орода (русских) вообще и хана их Багаба в особенности»* [12] добавились легенды о зверствах «кровожадного Багаба-хана», например, по отношению к основателю булагатского рода Готол Буумал и к воительнице и законнице Эрдэни-нойон хатан, пропитанные нескрываемыми неприязнью и раздражением [13; 14].

Однако, если внимательно прочитать работу А.П. Окладникова, то становится понятным, что выбор И. Похабова в качестве примера не определяется какой-то особенной неприязнью или *«выдающимися»* поступками того времени, а всего лишь отображает образ *«типичного русского завоевателя XVII в.»*. Причём сам А.П. Окладников на страницах книги, словно оправдывая причи-

ны, по которым И. Похабов был выбран в качестве примера угнетателя бурятского народа, многократно оговаривается:

1) *деятельность Похабова только подчёркивает и характеризует собою общую политическую обстановку в Сибири, как колонии московских помещиков и купцов, обстановку, рождавшую Курбатов Ивановых, Галкиных, Сорокиных, Поярковых, Колесниковых и тому подобных слуг московского царя;*

2) *в сравнении с другими тогдашними деятелями с исторической точки зрения деятельность Похабова вряд ли больше выдаётся, чем деятельность какого-нибудь Кафтырева или Чемесова в конце столетия;*

3) *Иван Похабов был верен своим обычаям именно потому, что эти обычаи были традиционными для того времени;*

4) *полномочный представитель... «великого государя», властелина и обладателя феодальной Руси, Иван Похабов мог делать в порабощенном крае всё, что только ему вздумается;*

5) *деятельность Похабова ничем не отличалась от деятельности К. Иванова на Лене и Ольхоне, Хабарова на Амуре и тому подобных «землепроходцев» XVII в., у которых деловой расчёт и соображения о прибыли сочетались с хладнокровной жестокостью, жадность к деньгам и мягкой рухляди — с жаждой крови;*

6) *гнёт похабовского управления, в котором следует видеть только яркое отражение и проявление общего военно-феодального гнёта в крепостнической России, осложнённого лишь специфическими условиями недавно завоеванной Сибири-колонии [11].*

Таким образом, при поверхностном прочтении книги А.П. Окладникова, не принимая во внимание оговорку по отношению к рисуемому им образу, И. Похабов ничем иным как «исчадием ада» не представляется. Это уже не говоря об изучении истории по принципу: «Книгу писателя не читал, но осуждаю». Однако попробуем отвлечься от современных гуманистических взглядов и вспомнить историю XVII в.

Вряд ли имеет смысл сравнивать деяния «душегуба» И. Похабова с жестокостями, которые творились в то время в Европе, в виде публичных казней как источника ярких зрелищ [15], ибо на этом фоне он рискует выглядеть «агнцем Божиим». Однако может быть среди бурят царили настолько человеколюбивые отношения, что И. Похабов казался им Багаба-ханом — ханом Тьмы? Отнюдь. Как пишет всё тот же А.П. Окладников во второй части своей книги, общественно-политический строй Бурятии XVII в. опирался на князцов, к которым примыкал «род их», т. е. братья, дяди и племянники, причём братья князцов не являлись князцами. Это были «лучшие люди». Ниже стояли улусные люди, отождествлявшиеся самими князцами с ясачными. Улусный мужик находился в зависимости не только у своих князей, но и у лучших людей. Ещё ниже стояли киштымы и рабы — «холопы». Прекрасно вооружённые князья и их приближённые имели чисто княжескую идеологию, основанную на сознании собственного превосходства над «чёрными людьми». В обычаях бурят были «кровавые родовые распри и усобицы, в виде разгрома враждебного рода и захвата людей в рабство» [11].

И. Похабов, длительное время (1644–1658 гг.) наблюдавший за нравами бу-

рят в тесном соприкосновении, был прекрасно осведомлён, что добиться своих целей можно, только перенеяв поведение князцов. Причём, что интересно, даже жестокое обращение, которое вменяется в вину И. Похабову, представлялось самим бурятам в итоге не таким уж и жестоким. Оказывается, беглые от *«гнёта похабовского управления»* буряты через несколько лет вернулись из Монголии со словами: *«Наш хан провинившимся отсекает головы, а русский царь наказывает розгами. Пойдёмте отсюда в подданство к Белому русскому царю»* [11].

Стоит отметить, что восстания и разбегания ясашных в Сибири XVII в. не были событиями из ряда вот выходящими. Например, в 1650 г. от Братского острога откочевали почти все ангаро-окинские буряты из-за жестокостей, творимых приказчиком А. Оленем, да так, что в 1651 г. были практически полностью сорваны прежние показатели по сбору ясака [11]. Недовольства туземцев были вызваны многочисленными фактами вполне осознанного насилия, считавшегося оправданным средством укрепления русских на агрессивной для них территории. Излишняя же жестокость в действиях оказывала на туземцев психологическое давление, порождала у них страх и парализовала желание противостоять новой власти [16]. Кроме того, волнениям ясашных во многом способствовало соперничество казаков из разных острогов за право сбора ясака (приводившее порой даже к братоубийственным стычкам [17]). Так, повторное обложение ясаком бурят В. Колесниковым из Енисейска вслед за К. Ивановым из Якутска привело к восстанию, положившему начало продолжительной борьбе русских с этим народом [18]. Кстати будет упомянуть, что именно жалоба обьясаченного Я. Похабовым князца Яндаша в декабре 1660 г. на красноярских казаков (*«чтобы ты, Великий Государь, не велел их воевать красноярским служилым людям»*) привела к решительным действиям по строительству Иркутского острога и положила конец неразберихи с двойным взиманием ясака [19].

На общем фоне жестокостей, творившихся в Сибири в XVII в., инцидент с бегством бурят в Монголию из-за жестокостей И. Похабова был мало чем примечательным событием [16], не способным отвлечь внимание московских властей от главных завоевательских целей. Например, И.Э. Фишер пишет про И. Похабова так: *«Теперь (в 1652 г. — Ю.П.) сделал на устье реки Иркут хижину для козаков, чтобы способнее собирать ясак. Он был беспокойного и сердитого нрава, и сказывают, что в его время многие Тунгусы Баргузинского уезда разбежались, потому что сильно им были притесняемы». И буквально тут же, «через запятую», замечает: «Напротив того он и на новые Тунгусские роды дань наложил, и Тунгусов у озера Баунта первый собрал ясак и там острог построил»* [8].

В вопросе жестокости И. Похабова по отношению к пашенным крестьянам также не было ничего необычного. Наказные памяти тех лет вменяли в обязанность приказчикам не только вмешиваться в хозяйственную деятельность и личную жизнь крестьян, но и употреблять меры полицейских и судебных «смирений», градация которых позволяла наказывать виновных любыми мерами на усмотренье *«от простого “уговора” до применения штрафа, телесных наказаний и заключения»* [20]. Не представляются сверхъестественными

и жестокости в отношениях к служилым людям, что обуславливалось крайне тяжёлыми условиями жизни и постоянной смертельной опасностью со стороны туземцев, требующими от людей формирование способностей к преодолению любых трудностей. И обратной стороной этого процесса было элементарное обесценивание человеческой жизни [16].

Таким образом, исходя из челобитных, жестокости И. Похабова по отношению к простым русским людям и бурятам, если их рассматривать изолированно, безусловно, способны вызвать впечатление, но кажутся малопримечательными на фоне подобных же жестокостей, творимых военной аристократией и приказчиками в начальный период заселения Сибири (3; 11; 20; 21). Не следует также сбрасывать со счетов, что (по замечаниям Д.Я. Резуна и О.В. Слободчикова) если уж и писали жалобы в Сибирский приказ, то стремились это делать так, чтобы у приказчиков волосы на голове дыбом вставали, иначе на жалобы просто не обращали внимания [3].

Важно, и в какой-то мере даже любопытно, рассмотреть вопросы корыстолюбия и личной выгоды И. Похабова. Для историков не является секретом, что для того времени были нормой взятки воевод за ясачный сбор, винокурение и торговлю [20]. Так, воеводы брали «окуп» за назначение для сбора ясака со всех служилых людей — от приказчика до рядового по разработанной таксе. Приказчик, например, в 60-е гг. XVII в. обязан был платить до 600 руб. за право сбора ясака [20]. Чтобы понять, насколько огромными были такие суммы, нужно знать, что годовой оклад жалования, например у И. Похабова в бытность его приказчиком, был одним из самых больших в Енисейском уезде и составлял 20 руб. в год (т. е. за год службы по сбору ясака ему нужно было, если говорить по-простому, «отбить» до 30 своих годовых окладов денежного жалования). На общем фоне стяжательств обвинения И. Похабова в корыстолюбии рискуют выглядеть в известной мере наивными. При этом на вопрос, можно ли было жить по-другому, ответ даёт показательный эпизод из истории Сибири. Прибывший в 1655 г. на место А. Пашкова новый енисейский воевода И. Акинфов категорично отказался принимать взятки. В результате *«Пашков его «матерно бранил», угрожал и, наконец, осадил воеводу в городе, используя даурский полк, формировавшийся под его командованием для похода в Приамурье»* [20].

Так что прав был А.П. Окладников, ничем особым И. Похабов не выделялся в части жестокостей и корыстолюбия; он действовал сообразно «правилам игры», не им придуманным. Здесь важно понимать, как деяния И. Похабова оценивали современники — должностные лица. Оказывается, для сторонников хулы по отношению к И. Похабову существуют немалые сюрпризы — малоизвестные «улики из прошлого». После бегства бурят И. Похабова от «отъезжих служб», как известно, отстранили, но никто и не думал его судить и наказывать, как принято считать [21], напротив:

1) он оставался на службе в Енисейском остроге с окладом жалования на момент смерти 20 руб., 20 четей ржи, 16 четей овса и 3 пуда соли. Для сравнения, наиболее высокие оклады в 1669 г. (на следующий год после смерти И. Похабова) были у детей боярских А. Бершелёва и И. Галкина-меньшего — по 23 руб., 16 четей ржи, 10 четей овса и 5 пудов соли, а начинал И. Похабов

свою сибирскую службу в 1642 г. с жалования в 12 руб., 10 четей ржи, 8 четей овса и 2 пуда с четью соли;

2) оклад его жалования после смерти в 176 (1667/68) г. был выложен для заверстания только в 183 (1674/75) г., и, скорее всего, всё это время исправно перечислялся семье (жене и малолетнему сыну Ивану — невёрстанному сыну боярскому);

3) он владел однодворной деревней на Кемь с участком земли 268 десятин, который на тот период был вторым по размеру среди енисейских служилых людей (самый большой надел земли был у И. Москвитина в деревне Елагина — 306 десятин), причём это помимо пашни напротив Маклаковской деревни за Енисеем, с которой И. Похабов «служил» в счёт хлебного жалования, и трёх жеребьев на Самоделовском острове [22].

Вряд ли стоит говорить, что приведённые «улики из прошлого» не выглядят как наказание, а вот на поощрение за заслуги — очень даже походят. Тогда получается, что действия И. Похабова енисейские воеводы оценивали по какой-то иной шкале критериев, отличной от оценок его «жестокостей», данных многие-многое годы спустя. И для этого есть веские основания. Дело здесь даже не в широко известной посольской миссии И. Похабова к Цецен-хану в 1648 г., о которой А.И. Мартос сказал, что *«умный Пахабов (sic!) понимал виды Правительства, не упускающего более и более приобретать господствование над кочевыми народами, и действуя в том духе, предложил Цеценю отправить от себя посольство к Царю Московскому»* [9]. Существует высокая вероятность, что И. Похабова ценили за строительство Иркутского острога. Ибо только *«один выбор (места строительства Иркутского острога) боярского сына Ивана (sic) Похабова сокрушил все прежние невозможности (непреодолимые преграды к удержанию важного места — правого берега Ангары, где вливаются реки Иркут и Ида)»*. Острог *«явился... грозный свирепым, диким и полезный Россиянам»*, поскольку его *«построение... против устья Иркут в здешнем краю решило участь войны. Уже кочующие с прежней самонадеянностью не дерзали оспаривать победу; напротив того, в случаях несчастных Иркутск служил убежищем и твёрдою опорой утомленным воинам»* [9].

И пусть никого не смущает тот факт, что основателем Иркутска сегодня считается Я. Похабов. В глазах енисейских воевод всё могло выглядеть совершенно по-иному. Взять хотя бы такие говорящие факты: оклад Я. Похабова, на момент его смерти в 181 (1672/73) г., составлял 12 руб., 12 четей ржи, 12 четей овса и 3 пуда соли [22] и был выложен для заверстания уже через два года. Даже простое сличение посмертных записей в окладных книгах жалования само по себе является важным свидетельством разности оценок современниками масштабов личностей Ивана и Якова Похабовых.

Теперь вкратце вспомним историю, благодаря которой Я. Похабов был официально признан основателем Иркутска. До 1952 г., с лёгкой руки И.Э. Фишера (черпавшего свои материалы у Г.Ф. Миллера), И. Похабов безоговорочно почитался основателем Иркутска, как строитель зимовья на острове Дьячем. Однако в преддверии 300-летнего юбилея города советский историк А.Н. Копылов обнаружил единственное документированное подтверждение основания Иркутска — челобитную Я. Похабова о закладке острога 06.07.1661 г. (по

старому стилю). С этого момента вопрос о дате основания города был окончательно снят, а празднование 300-летия Иркутска официально перенесли на 9 лет вперёд [23]. В результате изысканий А.Н. Копылова лавры основателя Иркутска формально перешли от одного Похабова к другому. Однако никто до сих пор так и не доказал [24], что в 1652 г. на острове Дьячем не было построено зимовье, о чём так упорно столетиями твердила официальная историческая наука.

И в этой связи многое объясняет отношения енисейских воевод к И. Похабову, в глазах которых предыстория Иркутского острога [25] выглядела куда как важнее формального факта его строительства. Ведь именно И. Похабов впервые обследовал местность, где позже был заложен Иркутский острог [10]. Из его челобитных и справок Сибирского приказа следует, что в 1644 г. И. Похабов для «прииску новых земель» доходил до Иркутта. В 1646 г. в расспросных речах в енисейской приказной избе И. Похабов в числе прочих назвал Иркут в качестве стратегически выгодного места для постройки острога как опорной базы по сбору ясака. В 1647 г. И. Похабов *«ходил войною в зиме на Иркут реку на братцких людей и на тынгусов»* и *«взял на реке Иркуте в аманаты иркуцкого князца Нарая»*, улус которого располагался в среднем течении и вниз до устья реки Иркутта [24].

Не приходится сомневаться, что И. Похабов «видел» острог в устье Иркутта задолго до его строительства в 1661 г. Судьбоносным для будущего Иркутска, безусловно, стал поход И. Похабова в Забайкалье в 1652–1654 гг., в начале которого по неподтверждённым до сих пор данным на острове Дьячем было построено зимовье. В том походе участвовал и будущий основатель Иркутского острога [26], и можно с высокой долей уверенности предположить, что, пользуясь расположением и родственными связями, Я. Похабов именно тогда получил от И. Похабова все необходимые и подробные сведения о местности в устье Иркутта. В результате, когда того потребовали обстоятельства, Я. Похабов даже на миг не усомнился, где именно должен быть заложен стратегически важный форпост (достаточно вспомнить общеизвестный факт: летом 1661 г., не дожидаясь на то наказной памяти от енисейского воеводы И.И. Ржевского, острог был поставлен напротив устья Иркутта на «Верхоленской стороне»).

Наконец, стоит особо упомянуть, что по иронии судьбы строительство Яндашского (Иркутского) острога явилось прямым следствием бегства бурят в Монголию. Именно в результате розыскного похода Я. Похабова осенью 1660 г. случилась цепочка событий, приведшая к строительству острога. Словно «ниточка с иголочкой» начало Иркутска было связано с деятельностью И. Похабова в Прибайкалье, вольно или невольно сделавшего всё для становления будущего города. И никому не нужно было три столетия назад объяснять, что во многом именно благодаря И. Похабову возник новый опорный пункт по сбору ясака, с появлением которого власть русских в Прибайкалье после 34 лет (*sic*) упорной борьбы с аборигенным населением утвердилась полностью и окончательно [27].

По всей видимости, у Иркутска «на роду написано» иметь сразу двух отцов-основателей — официального в лице Якова Похабова и неофициального — Ивана Похабова, фактически сделавшего всё для того, чтобы острог появился именно там, где он в своё время и возник. И любясь сегодня великолепным

по красоте памятником Я. Похабову на Нижней набережной Ангары, не стоит забывать о человеке, без которого, возможно бы, и не было на этом месте современного города с 600-тысячным населением. Имя ему — Иван Иванович Похабов, енисейский сын боярский, человек с неоднозначной репутацией, но конкретным следом в истории Прибайкалья.

Библиография

1. *Бахмутов В.М.* Багаба-хан — одиозная личность сибирской истории // Изба-читальня: литературно-художественный портал www.chitalnya.ru/work/972203/
2. *Бахмутов В.М.* Государев служилый человек Пётр Бекетов. — Красноярск : Буква Статейнова, 2015. — 323 с.
3. *Слободчиков О.В.* Похабовы и их время // Иркутский кремль. — 2015. — № 1. — С. 59–68.
4. *Слободчиков О.В.* Похабовы: сибирский исторический роман. — Иркутск : Сибирская книга, 2011. — 432 с.
5. *Слободчиков О.В.* Великий Тёс. — М. : Вече, 2017. — 198 с.
6. *Зоркин В.И.* Иркутские градоначальники. Кн. 1. Воеводы и вице-губернаторы (1652–1764). — Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2006. — 383 с.
7. *Кречмар М.А.* Сибирская книга. История покорения земель и народов сибирских. — М. : ИД «Бухгалтерия и банки», 2014. — 418 с.
8. *Фишер И.Э.* Сибирская история с самого начала открытия Сибири до завоевания сибирской земли российским оружием. — СПб. : Импер. Акад. наук, 1774. — 631 с.
9. *Мартос А.И.* Письма о Восточной Сибири — М. : Универ. тип., 1827. — 297 с.
10. Сборник документов по истории Бурятии: XVII век / под ред. Г.Н. Румянцева. Вып. I. — Улан-Удэ : Бурят. книжн. изд-во, 1960. — 494 с.
11. *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.). — Л. : Соцэкгиз, 1937. — 431 с.
12. О происхождении северо-байкальских бурят вообще и тункинцев в особенности (по чисто народным легендарным преданиям) (рукоп. прот. Стуканова) // Памятная книжка Иркутской губернии. 1881 г. : в 3 отделах / под ред. Д.Д. Ларионова. — Иркутск : Тип. Н.Н. Сеницына. — С. 162–190.
13. *Бальжиев Б.Б.* Корни // Санкт-Петербургский Буддийский Храм «Дацан Гунзэчойнэй»: сайт <http://dazan.spb.ru/teachers/hambo-lama-etigelov/>
14. *Хамаганов Е.* Закон Степи. Сказание об Эрдэни-нойон хатан // ARD: портал деловой информации <http://asiarussia.ru/blogs/13991/>
15. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. — М. : Ad Marginem, 1999. — 479 с.
16. *Багрин Е.А.* К вопросу о насилии русских по отношению к коренному населению Восточной Сибири и Дальнего Востока в XVII в. // Ойкумена. — 2010. — № 3. — С. 100–108.
17. *Бродников А.А.* Енисейск против Красноярска: из истории борьбы гарнизонов за ясачные территории в XVII в. // Сибирь в XVII—XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Шишкина; Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск, 2002. — С. 19–30.

18. *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Сибири. Вып. 1. — М. : Имп. Моск. археол. ин-т им. Николая II, 1915. — 86 с.
19. *Терновая И.И.* Новые документы об основании Иркутского острога // Сибирский город XVIII–XX веков: сб. науч. ст. — Иркутск : Оттиск, 2011. — Вып. VIII. — С. 231–234.
20. История Сибири с древнейших времён до наших дней: в 5 т. / под ред. А.П. Окладникова, В.И. Шункова и др. — Л. : Наука, 1968. — Т. 2. — 540 с.
21. История Сибири. Ч. I / сост. В.К. Андриевич. — СПб. : Тип. В.В. Комарова, 1889. — 220 с.
22. *Похабов Ю.П.* Красноярские Похабовы: история фамильного рода. — Красноярск : Красноярский писатель, 2012. — 338 с.
23. *Копылов А.Н.* Затянувшийся вопрос (О дате основания Иркутска) // Ангара. — 1960. — № 4. — С. 143–146.
24. *Резун Д.Я.* По поводу даты основания Иркутска // Земля Иркутская. — 1994. — № 1. — С. 4–5.
25. *Похабов Ю.П.* «...А опроче того места острогу ставить негде...»: о предыстории Иркутска // Проект Байкал: информационно-аналитический архитектурный журнал (350-летию Иркутска посвящается). — 2011. — № 29/30. — С. 58–61.
26. Челобитная Якова Похабова 1654 г. // Багаутдинов А.З. Стихи и поэмы. — Ангарск : ЗАО «Рейн», 2008. — 122 с.
27. *Чудовский В.* Покорение Иркутской губернии // Памятная книжка Иркутской губернии за 1865 год. Отд. III. Приложения. — С. 24.

4 мая 2018 г.

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

Иерусалимский погост

ОЧЕРК

Христос воскрес из мертвых,
смертью смерть поправ,
и сущим во гробех живот даровав.

Пасхальное величание

Иерусалимское кладбище и Входа-Иерусалимская церковь. Фото нач. XX в. Архив ЦСН

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу;
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
[На них основано от века
По воле Бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.]

Александр Пушкин

Погост свят, яко храм

Ветер развеял сизый туман, отпахнулась небесная синь, и по-утреннему тихий, солнечный свет озарил церковные кресты и маковки. Вербное воскресение — престолье Входа-Иерусалимского храма — свершилось, и благочестивые миряне, с земными поклонами крестясь у паперти, обнимались, троекратно целовались, вроде Вербное и Прощёное воскресения ныне дивом дивным слились во единое торжество. И лица у прихожан благодатные, взгляды неземные... небесные, вроде проснулось чадо малое, но ещё горние видения заслоняют суетный дольний мир. И освящённые вербы полонили старгород, словно по деревянным и каменным улочкам и переулочкам нежно и снежно потекли вербные ручьи.

С крестным знаменем поклонившись зелёным куполам, синим маковкам, брёл через... едва не брякнул по старой привычке: парк культуры и отдыха... шёл через Иерусалимский погост, вслушивался в колокольный благовест — воскресные звоны будили город; в благовест вплеталось пение божиих птах, утаённых лиственничными, ивовыми кронами, и я, забывшись, громко пел: «Святой Бо-оже-е!.. Святой Крепки-ий!.. Святой Безсме-ертный, поми-илуй на-ас!..» В душе, небесно ясной, пока не замутнённой земными хлопотами, ещё звучала эхом Божественная литургия. Если бы о ту пору разминулся с прохожим, то пожилой глянул бы вслед с ласковой улыбкой, а молодой, обернувшись, может, и покрутил бы пальцем у виска: дескать, у мужика не все дома, к

соседям ушли. Но никто не шёл встречь по извилистой аллее, безлюдно среди бывшего парка, среди незримых могил Иерусалимского погоста. Серебрились в утреннем свете древние ивы и лиственни, у комлей опутанные белесой травой; синел в тенистых пазухах остатный снег, таинственно чернела в бочажинах талая вода-снежица.

С сухой вершины древнего лиственя пала чёрная ворона и, пролетая над голыми чёрными деревьями, так зловеще каркала, что я, прости, Господи, обмер на парковой аллее и, грешен, суеверно перекрестился, вспомнив, что в смутном простолудье ворона — вешунья, вестница смерти. Подумалось о пустоглазой с косой, коя — близок срок — явится у изголовья, и покаянно помянулась шальная жизнь, косо-криво причалившая к старости, неблагочестивой, рассеянной, растерянной... С заросших парковых аллей, с витиеватых тропинок хлынули воспоминания... Мы — долгогривые, счастливые юнцы, вчера покинувшие родные селища, городища, ныне — студенты, заселённые в общагу, — бегали в парк на «скачки»: под дикий бум шаманского бубна, под остервенелый звон гитары, под бесноватый вой лохматых лицедеев плясали до упаду, скакали козлищами... на отеческих костях. Отче, прости! — не ведали, что творили... Ладно, дурные, беспамятные, не разумели, что допрежь деялось на белом свете; но и, кичась дипломами, опоенные грешным знанием, словно настоем мухомора, не задумывались о том, что лихо пляшем и поём на отеческих могилах. Вспоминаю вечерний парк: истошно гремела музыка, и оглохшие, обезумевшие, лохматые юнцы и юницы метались на танцплощадке, огороженной высоким штакетником, прозванной зверинцем, корчились в сладких муках, словно бес корёжил, и в барабанный бой вплетались душераздирающие вопли. О безумный, безумный, безумный мир... Не ведали, что под зверинцем предки погребены; но аще и ведали бы, может, и хлеще бы запели, заплясали, а в ночных кустах с девушками бы пуще целовались, крепче обнимались. Осознание, что блудим среди могил, придавало бы страсти таинственность и волнующую остроту — запретный плод сладок; как в деревенском отрочестве репа, со страхом и риском добытая ночным разбоем, слаще той, что вызрела в домашних огородах. Какое дело до могил «красным дьяволятам», «детям орлиного племени», когда юность клокочет в крови, когда безумно бьётся в груди «пламенный мотор»!

Коренной иркутский насельник, живописец Анатолий Костовский с болью и скорбью говорил о сладострастии святотатства, поминая о Иерусалимском кладбище, кое закрыли 7 апреля 1932 года и разбойными набегами разоряли до 1957-го, когда, наконец, сравняли некрополь с землёй, срезали народную память ревущими бульдозерами. «Мы тогда учились на последнем курсе училища искусств, — вспоминал Анатолий Костовский. — Пришёл преподаватель и говорит: «Завтра все на субботник. Город будем благоустраивать, кладбище расчищать». Пришли мы, камни ворочали, оградки в кучу таскали для переплавки, землю копали. А там уже всё вверх дном перевёрнуто было. Учился у нас парень на курсе, инвалид, черепов где-то насобирали — мно-о-ого, на верёвку их наздевал и привязал на спину. Идёт, хромает. А черепа — бряк-бряк, бряк-бряк! Девчонки в стороны — визжат со страху, а парни гогочут... Не думали о смерти, другое на уме...» Да, Анатолий Георгиевич, пройдя огни, воды

и медные трубы, доподлинно ведаю, что творилось на душе: бес гордыни, бес честболюбия, бес похоти — богема же! И вспомнилось пустое и глупое: взяли со студентом-ботаником напрокат лодочку и по заболоченной ангарской старице катали шустрых городских девчат, а в сумерках рванули в парк на «скачки», так величались танцы; и когда впотьмах с девушками гуляли, приятелю в лоб дали... Поначалу с подругами плясали стильный о ту пору «шейк», подметая половицы штанами-клёшами, выписывая кренделя под дикий рёв; потом решили прошвырнуться по тёмным аллеям. Отчалили с пяточка и разбредлись парами... Шёл влюблённый ботаник по тёмной аллее... вспоминал тот, прикладывая медный пятак к синему глазу... доказывал девушке, что и «на Марсе будут яблони цвести»; но вдруг вынырнул из сумрачных кустов ухарь, может, ухажёр девушки, и не успел ботаник глазом моргнуть, как улетел в кусты... Да-а, кому грудь в крестах, кому буйная головушка в кустах. Очнулся ботаник — девушки след простыл, и карманы вывернуты... А жаль, не успел доказать, что на Марсе не токмо яблони, огурцы будут расти. Легко отделался, иной кот наскребёт на свой хребёт, еле ноги унесёт — запиная здешняя шпана. Ведая, что береженого Бог бережет, отныне по тёмным аллеям не шастали.

Полвека миновало, и хотя душа не вмещала, осознал разумом: се, Иерусалимское кладбище, где, как упокоенный Лазарь, воскреснут из мёртвых, вздымутся из гробов праведные покойники, восстанут из неведомых, некогда скрытых, вытоптанных могил, если даже в могилках прах давным-давно истлел, обратился в чернозём, суглинок и песчаник. А вдруг, ныне думаю, и нетленные мощи покоятся... Невольно вообразилось: однажды содрогнётся, вспучится ожившая земля, опрокинутся клетки зверинца, разбежится невольное зверьё, а потом разверзнутся скованные асфальтом тенистые аллеи, рухнут карусели и качели, стеклянные забегаловки и деревянный помост бывшей танцплощадки — и восстанут из гробов усопшие: некогда заснувшие, а ныне разбуженные иркутские купцы, мастеровые мещане и предместные крестьяне, государевы чиновники и служивые люди, священники, дьяконы, дьячки и пономари, девки, бабы и старухи, ибо «Христос воскрес из мертвых смертью смертью поправ, сущим во гробех живот даровав...» Недаром, «погост» — *погостить* прилегли в могилки усопшие, а после проснутся, но не все сто тысяч иркутян, погребённые на Иерусалимской горе, но лишь праведники, кои до смерти повинились пред Богом и покаянными слезами смыли с души скверну, словно копать с окошка. Господи, «...окропиши мя исопом, и очищуся; омыеши мя, и паче снега убелюся». В белом, ослепительном сиянии, в пении серафимов и херувимов явится Иисус Христос во второе пришествие и на Страшном судище будет «судить живых и мертвых...»; но... «жертва Богу дух сокрушен; сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит...» Словом, авось Царь Небесный и помилует нас, грешных, а праведники молятся за нас в дольном и горнем свете.

* * *

Воображение явило Иерусалимское кладбище девятнадцатого века, где иркутяне, отпев во Входа-Иерусалимском храме, погребали родных и близких, а потом, заказывая панихиды в сем храме, поминали усопших на девятый и

*Иерусалимское кладбище.
Фото И.М. Портнягина. Собрание Е.П. Вялых*

сороковой день, и во вселенские панихиды (вселенские родительские субботы): Мясопустная — в субботу на Пёстрой неделе, Троицкая — в субботу перед праздником Пятидесятницы (Святой Троицы). Поминались почившие и в родительские дни Великого поста, а также на Радоницу, в день Поминовения православных воинов, когда вспоминается Усекновение главы Иоанна Предтечи, и в Дмитриевскую родительскую субботу, что перед Днем Святого Димитрия Солунского. Иногда весенние поминки свершали и в другие дни, скажем,

на Красную горку или в грядущее воскресенье — в День Жен-мироносиц, приходя с красным яйцом и куличом. И перво-наперво на похоронах и поминках раздавали милостыню прощакам-христорадникам, дабы те усердно молились Христу-Богу, Святой Троице, Царице Небесной за души усопших, о прощении их грехов, вольных и невольных. Пусть домовина — кондовая, и поминки — блины да кисель, а милостыню Христа ради — перво-наперво; равно и молитвы о покойном, дабы вымолить его грешную душу у вечной тьмы, у вечной муки для вечного и блаженного покоя.

И помимо родительских дней, похорон и поминаний православные иркутяне посещали погост, словно и се храм Божий, где, спасаясь от грешной суетности, в молитвенном покое бродили по зелёным или заснеженным кладбищенским аллеям и, оглядывая тихие кресты и величавые надгробья, думали о смерти — суть о рождении души для вечности рая либо вечности ада; и на погосте, и в кладбищенской церкви отмаливали покойных родичей, замаливали и свои грехи. Жизнь человечья в руке Божией, может, завтра отпоют и погребут, и скорбеющей, перепуганной душе откроется шаткая, призрачная лестница во Царствие Божие, и ступит душа на ступеньку, и налетят бесы, дабы крючьями свергнуть душу в ад, где огонь, сера, червь неусыпный, вопли и скрежет зубовой; станут бесы обвинять в грехах, в коих искушали денно и ночью, и защитят ли ангелы Божии, коль упокоишься в нераскаянных грехах, коль мало деяний во славу Божию, во благо ближних, коль грехи на весах перевесят благодеяния?..

Даже славянские язычники, блуждающие в духовной ночи, верили в бессмертие души; и, погребая скрюченного покойника, напоминающего зародыша, чаяли о его новом рождении или воплощении в иной плоти. А сжигая усопшего, верили: вместе с дымом улетает в небо его душа. Но если христиане по слову Божию разумели: де, души возносятся на небеса, то язычники полагали, что души предков могут обитать и в небесах, и в могилах, отчего усопшему долбили домовину, похожую на дом, а в домовину укладывали нечто из домашнего скарба, авось, пригодится покойному на том свете, и в довершении над могилой возводили подобие избы. Отзвук древнего обычая до

нынешних времён стихийно сохранялся у старообрядцев, которые мастерили над могильным крестом наверхие, похожее на двускатную крышу. Наверхие мастерилось для обережения креста от дождя и снега, но отдалённо напоминало избу — приют покойника. Кладбище в несколько сотен домовин у древних славян представляло собой «город мёртвых», место поклонения предкам рода, которые незримо сидят за поминальным столом. Неслучайно, на Радоницу поминальщики «еще загодя <...> пекут пироги, блины пшеничные, оладьи, кокурки, готовят пшенники и лапшевики, варят мясо, студень и жарят яичницу. Со всеми этими яствами они отправляются на погост. <...> Христосуются с умершими родственниками, поминают их, зарывают в могилы крашенные яйца, поливают брагой, убирают их свежим дерном, поверх которого ставятся всевозможные лакомые блюда» (Максимов С. *Нечистая, неведомая и крестная сила*. СПб., 1994. С. 351). Суеверные даже и «молились» покойным предкам, прося плодородия земле, чадородия женам, дождя в засуху, солнца в затяжное ненастье, и многое иное «вымаливая» у покойников. Случалось, да и по сей день случается, люди в лихую пору идут на могилки к усопшим — будь то родители, жены, мужья, — абы побеседовать, душу отвести от кручины и лиха, посоветоваться; и, вроде, иные даже и слышат голоса в ответ.

Крепкие в православной вере возносят молитвы об усопших: «Упокой, Господи, души усопших раб твоих <...> и всех православных христиан, и прости им вся согрешения вольная и невольная, и даруй им Царствие Небесное». Молясь, православные миряне почитают за грех плач, ибо смерть — не горе, а благо, исход в Царствие вечного покоя и вечной радости, лишь «подай, Господи, прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати; подай, Господи, христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны, и доброго ответа на Страшном Судищи Христове...» Ежели по милосердию Царь Небесный услышит мольбу и подаст, то не плакать — радоваться впору. Горе, коли рад бы в рай, да грехи не пускают; горе — грехи не прощёные, горе — не спасённая душа, вот о чём скорбят близкие усопшего, вымаливая его душу в церквях. А причитания, вопли, плачи на тризне — не спасение души усопшего, а лишь долнее житьё-бытьё его, благолепным русским слогом запечатлённое плачами для грядущего потомства. Словом, грех о почившем в Бозе стенать и плакать; в народе говаривали: «Когда о покойнике сильно плачут, особенно мать, то он на том свете будет сидеть в болоте, будет являться во сне и жаловаться на свою судьбу» (Виноградов Г.С. *Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилородного населения Сибири* // Сб. тр. проф. и препод. Иркут. ун-та. Вып. 5 : Науки гуманитар. Иркутск, 1923). По народно-православным обрядам нежелательно, чтобы мать обмывала умершего ребёнка, — непременно заплачет, а сие — грех, отступление от веры в бессмертие души: по Священному Преданию усопший ребёнок непременно обретает рай, и о чём тогда стенать? В народе сложилось поверье, что материнская слеза «жжёт ребёнка». Хотя свычай сей не изжился поныне; а ещё в середине прошлого века в русской глухомани при отпевании и поминании плакали (вопили, причитали, голосили) даже и плакальщицы (вопленицы), владевшие искусством голошения. Но встарь, случалось, на Радоницу от слёз и воплей переходили к буйному веселью, к песням и пляскам, суть, языческому бес-

нованию. Недаром в Стоглаве (свод церковно-православных уложений) было осудительно писано о родительских днях: «В троицкую субботу по селам и... погостам сходятся мужи и жены на жальниках (кладбищах. — *Авт.*) и плачутся на гробах с великим кричанием, и егда учнут скоморохи в гудцы и трегудцы играти, они же, от плача преставши, начнут скакати и плясати и в ладони бити и песни сотониниские пети, а на тех же жальниках обманщики и мошенники».

Православная Церковь укротила в русских душах поминальные языческие страсти, ибо «бесам жряху», и внушила: кладбище — святилище, освящённый погост — свят во Христе, яко храм. И даже в безбожные советские времена русский народ вопреки безбожной власти оберёг спасительную святость погоста, где не токмо поминаются усопшие предки, но и душа умиротворяется и очищается, удалившись от житейской суеты, от похотей дольного мира.

* * *

С приходом большевиков древний музейный погост был разрушен... После долгих судов-пересудов 7 апреля 1932 года большевистская власть порешила: отдать Иерусалимское кладбище «Горлесземстрою» для истребления могильных памятников и устройства на искусственной пустоши парка культуры и отдыха. Беспрокло, хотя и решительно протестовал знаменитый иркутский историк-краевед В.С. Манассеин, очевидно, помяная некрополи Александро-Невской лавры, Данилова монастыря, Новодевичье кладбище, ставшие мировыми историко-архитектурными памятниками. Лидия Ивановна Тамм вспоминала: «Напрасно Манассеин отправлял слезные письма во все инстанции и местные, и центральные, пытаясь спасти наиболее ценные памятники. Все без толку. Мама рассказывала, что когда сломали громадный крест из черного мрамора на могиле какого-то профессора, Манассеин заплакал...»

Закрыть-то закрыли кладбище, но от скудости городской казны четверть века управа не могла махом обратить могилки в парк культуры; рушили стихийными набегами — субботниками да воскресниками. Иерусалимский погост, некогда похожий на святителя в златотканном, благолепном облачении, а потом ограбленного, избитого, изволоченного, уж четверть века торчал бельмом в глазу у городской власти, и в 1957 году советская управа решает с лица земли несчастный некрополь, и к сорокалетию братоубийственной революции создать здесь Парк культуры имени Великой Октябрьской социалистической революции... И вновь благочестивые иркутяне протестовали, вынудив городскую власть создать учёную комиссию, куда вошёл известный российский историк, будущий профессор Фёдор Кудрявцев. Хотя фармазоны и архаровцы некрополь изрядно разорили, но многие памятники чудом выжили, и комиссия выявила около пятидесяти могил знаменитых иркутян, каждую из коих пометив. Власти сулились сохранить памятники, но, увы, чудом выжила лишь могила писателя Михаила Загоскина, да и то лишь по причине того, что рабочие не справились с гранитным монолитом. Да, может, безбожная власть и благоволила деятелю либерально-демократического движения в России Михаилу Загоскину: сын священника, окончивший Иркутскую духовную семинарию, Казанскую духовную академию, и... можно вообразить... исподтишка и

до помрачения духа начитался безбожных книжек да и, набравшись мудрости мира дольного, коя безумие для мира горнего, от православной церкви отшатнулся, качнувшись к обезбоженным смутьянам. Не Святое Писание и Священное Предание, не жития святых, а, как признавался сам, огромное влияние на него оказали декабристы, «Колокол» Герцена, учение педагога Ушинского. Возможно, Загоскин, не утратив из души веры в Святую Троицу, в Царствие Небесное, явился предтечей революционных русских романтиков, искренних народников, кои бунтовали против фарисействующей, лицемерной власти с иконой Христа и Христовой молитвой на окровавленных устах.

Словом, уцелела надгробная плита на могиле Загоскина, когда ломами и заступами сокрушалась память о православном духовенстве и величавом купечестве, о героях Бородинского сражения, Русско-японской и Первой мировой войн, о знаменитых горожанах, кои деяниями прославили Иркутск.

Надгробные плиты с кладбища вывозили машинами: иные топили в Ангаре, иными, стесав старые надписи, выбив новые, покрывали могилы на других иркутских погостах, иные использовали в градостроении — дотошные историки «считывали» фрагменты эпитафий с новостройных домов; скажем, колонны чёрного цвета, украшающие первый этаж агентства Аэрофлота, созданы из могильных плит.

«Неправое дело вершилось втайне от людских осуждающих глаз, — писала Лилия Ладик в очерке об Иерусалимском кладбище. — Со слов старожила Игоря Константиновича Пастухова я узнала, самые приметные части надгробий — кресты с распятьями, скульптурные фигуры и тому подобное — ночью грузились в машины и вывозились зимой на лед Ангары. Это видели иркутские рыбаки. Наступала весна. Река вскрывалась и без следа топила на дне остатки нашей памяти...»

«Глаголе... Иисус... пророк без чести токмо в отечестве своем, и в сродстве и в доме своем» (Лк. 6:4). Воистину, нет пророка в своем отечестве: когда на голых иркутских улицах выли революционные выюги, лихие горожане грабили Иерусалимский погост, обращали могильные склепы в притоны разбоя и разврата; а уж «мировая» богоборческая власть, видя в старых погостах, как и храмах, напоминание о Царствии Божием, истребляла из народной души спасительную память о Православном Русском Царстве. Молились и плакали о Святой Руси её верные чада — христорадцы, а неверные — христопродавцы, искушённые князем мира сего, — отрекшись от Бога и Святой Руси, весело пели: «Отречёмся от старого мира, / Отряхнём его прах с наших ног! / Нам враждебны златые кумиры, / Ненавистен нам царский чертог». И коль в святых храмах устраивались дома, где «красные дьяволята» пели и плясали, то и на жалёниках, где православные поминали усопших с молитвенной жалью, богохульники устроили, увы, не ботанические сады...

Но с летами народ обвыкся: взмётываются над скрытыми и забытыми могилами весёлые качели, висит над городом колесо обозрения, прозванное в народе: «колесо оборзения», или «чёртово колесо»... Впрочем, грех забивать осиновый кол во вчерашнюю русскую историю, словно в могилу злого колдуна; грех и русскую судьбу мазать лишь дёгтем, словно ворота сельской блудницы; а посему грех не молвить и доброго слова о русском... советском наро-

де, который, кстати, после шестидневных тяжких трудов во благо Отечества, воскресным днём, случалось, отдыхал в городских парках. А те сплошь и рядом рождались на старинных погостах. Промыслом Божиим возродившись из пепла братоубийственной сечи и под водительством «красного царя» Сталина перемолов на русских жерновах властную нерусь и нежить, русский народ спас человечество в мировой войне, нравственно возвысился над миром, сознательно и бессознательно опираясь на евангельские нравственные заповеди, и, задумав создать рай на земле, выстроил Великую Российскую империю, где, дивя белый свет, процветало народное хозяйство, народное искусство, народная наука. Работая охотно и азартно, народ и славно отдыхал от праведных трудов: в мрачно описанном парке не токмо скакали обесившиеся стилиаги, но целомудренно влюблялись юнцы и юницы, гуляющие в тенистых либо залитых белым солнцем ивовых аллеях; здесь молодые мамы и папы либо деды и бабки выгуливали малых чад, развлекая на каруселях и качелях; здесь рождались поэтические, музыкальные, живописные произведения... Но земной «рай», что созидался без Бога, рухнул и обратился в богохульный содом...

* * *

В статье летописца Нита Романова «Иркутское Иерусалимское кладбище», напечатанной в октябрьском номере журнала «Сибирский Архив» за 1912 год, извещалось: «Иерусалимское кладбище включает в себя православное, польское, на котором похоронено много поляков, повстанцев 1863 года, немецкое, два еврейских — старое и новое. На православном кладбище старинные памятники находятся вблизи бывшей тут церкви (теперь на ее месте построена часовня) и далее по направлению к Кладбищенской улице. Давно следовало бы составить списки памятников городского кладбища...»

В очерке «Дорогие мои земляки» литератор Лилия Ладик описывает воображённую картину: «...Видишь, как среди кладбищенских берёз и могил ходит человек (летописец Нит Романов. — *Авт.*) в круглых очках и простеньком пальто. Он склоняется к надгробьям, считывает с них надписи и заносит их в тетрадку». «1770 года марта 6 дня преставился раб Божий иркутский цеховой мастер Иван Ларев, поживше 43 года... Сей памятник покрывает тело в Бозе скончавшегося Великоустюжского купца Якова Петрова Гусеева, скончавшегося 1809 года марта 30 дня. <...> 1779 год, декабря 7 дня пополудни в 4 часа скончался раб Божий Иван Дехтев, пожив 65 лет. (На фамильном кладбище купцов Дехтевых, в память которых названа улица Дехтевская. — *Н. Романов*) <...> 1809 года сентября 25 преставился в Бозе штаб-лекарь Коллежский Ассесор Андриан Иванов Любарский, пожив 35 лет...»

Возле иных могил, вообразим, летописец Нит Романов замирает в задумчивости, почтительно поминая земные труды погребённого под сим крестом, под сей мраморной плитой. Родовая усыпальница купцов Трапезниковых — величавый некрополь, и летописец Нит Романов, опять же вообразим, преклонив колена, долго и вдохновенно переписывал эпитафии с двадцати семи надгробий, чинопочтенно помечая почётных граждан и гражданок иркутских, купцов и купчих первой гильдии.

«На фамильном кладбище рода Трапезниковых находятся памятники: — 8. Коммерции Советник Почетный гражданин Иркутский 1-й гильдии купец Никанор Петрович Трапезников, родившийся 20 июля 1786 года, скончавшийся 11 февраля 1847 года»; «Иркутский 1 гильдии купец Петр Дмитриевич Трапезников 67 лет 11 месяцев 8 дней. Скончался в 1815 года 6 сентября в 7 часов дня»; «Потомственный почетный гражданин иркутский 1 гильдии купец Константин Петрович Трапезников скончался 15 января 1860 года на 70 году от рождения»...

Запечатлев надгробные надписи купцов Трапезниковых, летописец Нит Романов пишет: «На Иерусалимском кладбище покоятся фамилии купцов — граждан Иркутска XIII–XIX столетий, как-то: Забелинских, Зубовых, Шигаевых, Векшиных, Тюрюминых, Свешниковых, Чупаловых, Ланиных, Сизовых, Савватеевых, Нефедьевых, Балакшиных, Оболкиных, Харинских, Аксеновых, Верхотиных, Гуриных, Акуловых, Герасимовых, Пестеревых, Болдоновых, Логиновых, Сумкиных, Несытовых, Самариных, Белоголовых, Малковых, Курносовых, Басниных, Сказываевых, Емельяновых, Масловых и т. д.»

Могила многих купцов — своеобразные фамильные некрополи, интересные, как отмечал В. Манассеин, в архитектурном и историко-бытовом отношении. Часто памятники имели вид каменных саркофагов, скажем, на могилах семейства Трапезниковых. Более скромно, даже аскетично, выглядели надгробия Басниных.

Благодетельное, христолюбивое иркутское купечество... Вот бы память о ком иркутяне, прежде иных героев, увековечили в камне, слове, холсте... в благодарной душе, ибо купеческим попечением вырос град Иркутский с душеспасительными церквями, сиропитательными и странноприимными домами — город, благолепнее коего не сыскать от Урала до Тихого океана. Недаром благодарные иркутяне многие городские улицы повеличали купеческими именами: Баснинская (Свердлова), Ланинская (Декабрьских Событий), Малая Ланинская (Депутатская), Пестеревская (Урицкого), Большая Трапезниковская (Желябова), Малая Трапезниковская (Связи), Малотрапезниковский переулок (Богданова), Медведниковская (Халтурина), Харинская (Некрасова) и другие. Дай-то Боже, чтобы возвратились их имена в названия улиц, как, впрочем, обрели бы исторические именованья и прочие улицы, предместья и площади.

* * *

На Иерусалимском кладбище, поминалось выше, покоится прах Екатерины Ивановны Поповой-Вениаминовой, в девичестве Шавриной, супруги святителя Иннокентия Вениаминова, апостола Сибири и Аляски, митрополита Московского и Коломенского.

Напомним, братья и сестры, житие святого... 26 августа 1797 года в глухоманном селе Анга Верхоленского уезда Иркутской губернии в семье церковного пономаря Евсевия Попова родился сын Ваня, будущий великий христианский просветитель язычников, глава Русской Православной Церкви. Бедная пономарская избушка, где рос грядущий святитель, жива и поныне, прославлена, ибо — христианская святыня. Подсобляя отцу, отроче младо служил чте-

цом в церкви святого Ильи Пророка; а в девять лет поступил в духовную семинарию, где Ваню Попова нарекли Вениаминовым, в честь умершего епископа Иркутского Вениамина (Багрянского).

В 1817-м, за год до окончания семинарии, Иван Вениаминов обвенчался с поповной Екатериной Ивановной Шавриной и был посвящён в диакона Иркутской Благовещенской церкви. В Иркутске в семье Вениаминовых родилось трое детей. В начале 1823 года Иркутский епископ Михаил получил предписание от Святейшего Синода послать священника на Алеутские острова для проповеди христианства среди туземцев. Доброволец долго не находился — священники боялись тысячеверстного пути по бездорожью, страшились края земли, где вольно бродили кровожадные звери и дикие варвары, где царила долгая ночь и редко светило тёплое солнце, где птицы замерзали на лету, где месяцами выли вьюги, где голод, холод и смертельные опасности. Пугали батюшек эдакие страсти... Но, прослышав от выходца из тамошних краев об усердии алеутов к молитве и слушанию Слова Божия, молодой диакон Иоанн Вениаминов загорелся желанием ехать. Слёзы и уговоры супруги не изменили решения; в июне 1824 года отец Иоанн с матерью, женой, сыном-младенцем отправился в долгий и тяжкий путь к Алеутским островам... к святости во Христе.

В житии святителя Иннокентия Московского говорится: «Отправился он прежде всего на свою родину, в село Ангинское, а оттуда на павозке (род баржи) по реке Лене до Якутска. Из Якутска путешественники должны были ехать на город Охотск, лежащий на востоке Сибири, у побережья Охотского моря. Весь этот трудный путь в тысячу верст отец Иоанн со всей семьёй проехал верхом на лошадях. А дорога шла то узкими тропами через густые леса, то и вовсе по болоту; порой приходилось взбираться на длинный косогор или на крутую каменистую гору и двигаться по ее скользкой, покрытой снегом вершине... С помощью Божией все эти трудности были преодолены, и путешественники услышали наконец глухой рев морских волн, бившихся о высокие скалы, мало-помалу им стали показываться мачты судов, стоявших на реке Охоте, а потом и самый город Охотск. После долгого и трудного пути до Охотска, плавание оттуда до Уналашки показалось путникам несравненно легким. 29 июля 1824 года, более чем через год, они благополучно прибыли на место». Вообрази, нынешняя избалованная жена, сколь тягов и страданий выпало на долю матушки Екатерины Ивановны, что с грудным чадом год тряслась на лошади в мучительном пути сквозь дикую тайгу и свирепые болота, — в пути, что тянулся долгий год. Перед подвигом иркутской попойки смеркло путешествие жён декабристов, что из среднерусской равнины в колясках, кибитках, на перекладных от станицы до станиц, где их обильно угощали, благополучно добирались до своих мужей, государственных преступников, коих на Руси кликали ворами и разбойниками.

Велики заслуги апостола Сибири и Аляски, святителя Иннокентия Вениаминова перед Царством Небесным и Отечеством земным: православный проповедник — окрестил и облек во Христа почти десять тысяч инородцев; мореплаватель и государственный муж — принимал участие в исторических сплавах графа Н.Н. Муравьёва-Амурского по Амуру и подготовке Айгунского

договора; крупный учёный-натуралист, написавший природоведческие труды; талантливый исследователь инородческих языков, составивший словари, алфавиты и грамматики алеутского, якутского языков; знаменитый этнограф, описавший обряды и обычаи аборигенов Аляски и Сибири; а помимо духовного и светского просвещения, строил храмы и жилища, обучал американских и сибирских туземцев кузнечному и плотницкому ремёслам, научил их прививать оспу.

Через пятнадцать лет проповеднического послушания в Русской Америке отец Иоанн, взяв с собой семилетнюю дочь, отправился в Петербург для миссионерского отчёта и хлопотать об увеличении церковного штата в Русской Америке и дополнительных средствах. Отослав матушку и шестерых детей в Иркутск, в ноябре 1838 года отплыл в Петербург... Переговоры в Синоде тянулись месяцами, и дабы впустую не пролетали дни, отец Иоанн занялся сбором пожертвований, для чего поехал и в Москву, где явился к преосвященному Филарету, митрополиту Московскому. Святитель полюбил трудолюбивого проповедника: «В этом человеке есть что-то апостольское...» По возвращении в Петербург отца Иоанна ждало решение Святейшего Синода об увеличении штата священно- и церковнослужителей в Русской Америке, а за долголетние апостольские подвиги отец Иоанн удостоился звания протоиерея. Но и печаль поджидала батюшку: из Иркутска пришло известие о кончине матушки. Тяжело переживал отец Иоанн утрату, и святитель Филарет, утешая священника, убедил принять монашество. Постриг совершили 19 ноября 1840 года с наречением имени Иннокентий, в честь святителя Иркутского...

Сын бедного сельского пономаря, клиросный чтец, промыслом Божиим взшедший на престол Русской Православной Церкви, святой Иннокентий посещал родные иркутские края, непременно бывал на могиле супруги Екатерины Ивановны, упокоенной на Иерусалимском кладбище, и служил во Входо-Иерусалимском храме. По воспоминаниям протоиерея П.В. Громова, 25 апреля 1854 года владыко Иннокентий приехал из Якутска, и священник Громов «сослужил преосвященному Иннокентию в кладбищенской церкви, причем он творил поминовение о своих присных, zde лежащих, и после литургии пели мы панихиду над отмеченною памятником могилою его супруги Екатерины». Коли владыко поминал и «своих присных, zde лежащих», то очевидно, что на Иерусалимском кладбище похоронены его дети, почившие во младенчестве. Словом, сей погост и кладбищенский храм уже и тем святы и знамениты, что здесь служил наш земляк, святитель Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, святые мощи коего ныне покоятся в Троице-Сергиевой лавре.

* * *

В очерке помянута лишь малая толика даже из череды избранных, выдающихся граждан Иркутска, а сколь со святыми упокоилось в Бозе иных иркутян: юродов Христа ради или благочестивых, праведных, живот положивших во славу Божию, во благо ближних, в миру малоприметных, тихих, а в Горнем свете, может, и причисленных к лику святых. Неисповедимы пути Господни...

Алексей Дорошенко, староста Входа-Иерусалимской церкви, — старинной, некогда кладбищенской, недавно возрождённой, — создал народный фонд по восстановлению Иерусалимского кладбища, на что старосту благословил протоиерей Андрей Степанов, настоятель вышепомянутой церкви, в чём Алексея поддержали братья и сестры во Христе: иркутские писатели, художники, архитекторы, историки, краеведы и прихожане входа-иерусалимские.

«Да, мечта наша — восстановление Иерусалимского кладбища, — говорил Алексей. — И, может быть, строительства мемориала в честь выдающихся иркутян, и особенно купцов, зодчих и мастеровых, чьим попечением созидался дивный град Иркутский. Разумеется, все захоронения не изыскать, но необходимо восстановить имена погребённых на Иерусалимском кладбище, и на мемориальном памятнике, увенчанном православным крестом, увековечить. Возможно, затем попытаться устроить и частичные перезахоронения. Городские власти думают создать здесь садово-парковую зону, и мы, входо-иерусалимские прихожане, не против сего. Думаю, мы с благословения владыки Вадима, при духовном окормлении отца Андрея, настоятеля Входа-Иерусалимского храма, создадим народный фонд по возрождению Иерусалимского погоста, созданию мемориально-музейного комплекса в память о 120 тысячах похороненных там иркутян, в том числе и участников Бородинской битвы и Русско-японской войны, в память о выдающихся людях Иркутска. Народный фонд совместно с администрацией города Иркутска начнёт и работу по возвращению иркутским улицам, районам, предместьям и площадям исконных исторических названий... Словом, работы непочатый край, лишь бы труды наши были во славу Божию, во спасение братьев и сестер во Христе...»

Кладбищенский храм

Еще молимся о милости, жизни, мире, здравии, спасении, посещении, прощении и оставлении грехов рабов Божиих настоятеля, братии и прихожан святого храма сего.
Еще молимся о плодоносящих и добродетельных во святем и всечестнем храме сем, труждающихся, поющих и предстоящих людех, ожидающих от Тебе великия и богатыя милости.

Ектения сугубая

...Узревшие нынешнее благолепие храма при старинном Иерусалимском погосте, через восемьдесят два года воспрявшего из запустения, братья и сестры во Христе, простим красных богохульников — не ведали, что творили, и помолимся о почивших боголюбивых, богобоязненных предках, чьим высоким молитвенным духом, чьим трудом, смирением и послушанием воздвигся первый и второй храм в честь Входа Господня в Иерусалим. Искренно, коленопреклонно вознесём молитву к небесам: «...Молимся о блаженных и приснопамятных создателях храма сего, и о всех преждепочивших отцах и братиях, zde лежащих и повсюду православных...»

Истекала шестая седмица Великого поста, седмица вайей, в простолюдые русском величаемая Вербной, коль вайи на Святой Руси — не пальмовые, а вербные ветви. Вчера прихожане Входа-Иерусалимского храма на Всенощном бдении поминали блаженного Лазаря, по слову Христа Бога воспрявшего из гроба после четырёхдневного упокоения. «Прежде шести дней бытия Пасхи, прииде Иисус во Вифанию, воззвати умерша четверодневна Лазаря, и проповедати воскресение. Сретоша же его и жены, Марфа и Мария сестры Лазаревы, вопиюще к Нему: Господи, аще бы еси был zde, не бы умерл брат наш. Тогда глагола к ним: не предрекох ли вам: веруяй в Мя, аще и умрет, жив будет: покажите ми, где положите его? И вопияше к нему Зиждитель всех: Лазаре, гряди вон». И все четыре дня Вербной седмицы в православных храмах поминался Лазарь, по-земному возлюбленный друг Господень, брат святых Марии и Марфы. Дольнюю душу мирян умиляло: ишь, братия, сестры, и у Господа Бога, в земном обетовании, в человеческом естестве водились любимый друг Лазарь и любимый ученик Иоанн, коему Спаситель, распятый на кресте, завещал, указуя очёсами на Богородицу: «Се, Матерь твоя!», а Богородице рек: «Жено! Се сын Твой!» В истории четырёхдневного лежания во гробе праведного Лазаря мирян дивило то, что Господь, имея и земное естество, рыдает о друге своём: «Рыдаеши Иисусе, смертнаго существа: Оживляеши друга Твоего, сие Божественныя крепости». Имея Божественное естество, ведая о болезни и смерти друга, о его четырёхдневном упокоении во гробе, когда уже тело смердит, Господь свершает Божественный замысел: «Лазарем тя Христос уже разрушает, смерти, и где твоя, аде, победа; в Вифании плач ныне на тебе представляется, вси ветви победы тому принесем».

Таял апрель, по речным берегам пушилась верба, из лесного сумрака сиреневое светился цветущий багульник, на солнцепёках пробились из хвои белые, голубые, жёлтые подснежники. Но в город весна запаздывала, и, случалось, стыла капель синими сосулями, и колючий снег летел с холодных, сумрачных небес, и средь бела дня на церковные кресты опускалась сивая мгла: словно небеса замирали в скорбном раздумье: ох, скудоверы, суеверы, зябните без любви и страха Божия, по нераскаянным грехам вечную бы вам зиму с озверевшей метелью и волчьей стужей, когда и птица-ворон на лету смерзается в ледышку, когда от бескормицы-бесхлебицы дворовой скотине падёж, людям от хлада и глада живая погибель, когда уже не прилетит вешняя овсянка и не сголотит веснянку: покинь сани, возьми воз. Но... видно, живы праведники в городище, покалялись грешники: ночью ярый ветер разгонял тучи, и утром милостью Божией синели небеса, и в солнечном свете золотились поднебесные кресты, и зоревые птахи, утаённые в кустах и тополевых кронах, на все лады славили Бога, даровавшего погожий вешний день.

Спрямяя путь ко Входу-Иерусалимскому храму, шёл не Парковой улицей, встарь — Кладбищенской, а напрямиком через... хотел сказать Парк культуры и отдыха, но вспомнил: се Иерусалимское кладбище, где тысячи иркутян упокоились и ждут Второго пришествия Христа и воскресения из мёртвых. В вешнем ожидании хвои и листвы замерли старые лиственницы и причудливо крученные веком древовидные ивы, где среди сухой белесой кудели уже мерещилась нежно-зелёная мурава. Тихо на былом погосте, тихо в душе, словно с

небес тихо веяла молитвенная песнь «Свете Тихий»; тихо и покаянно озирали душу, и в сумраке души теплилась тихая свеча, и тихо зрел исповедальный плач. Небо белесо отпахнулось, робко заалело над мшистыми крышами крепких кружевных и ветхих нагорных домов; и на зоревом небе, сквозь плетевые лиственничных ветвей, сияли кресты, светился белизной воскресший из забвения Входа-Иерусалимский храм, и в душе от созвучия речевого звучала пасхальная стихира: «Красуйся, ликуй и радуйся, Иерусалиме!..»

Вчера прихожане Входа-Иерусалимского храма скорбели о праведном Лазаре, радовались его воскрешению, как воскреснут и все праведники во Второе пришествие Христа; а сегодня на заутрене — Божественная литургия, посвященная Входу Господню в Иерусалим. В сем храме Вербное воскресение будет торжественней, чем в иных храмах, ибо — престольный праздник и долгожданное освящение самого Входа-Иерусалимского храма, возрождённого через восемьдесят два года из мрака забвения. Сегодня православные с неизъяснимым умилением, ликованием освящают вайи — белые вербы, коими украсят божницы со святыми иконами, с крашеными пасхальными яйцами до будущей весны. Впрочем, иные богомольцы освятили вербы вчера.

Студентом, взлетая по лестнице, видел ворота парка, похожие на триумфальную арку, видел партизанский памятник, но сроду не присматривался к серому дому на отшибе парка; в памяти осело лишь мимолётное, смутное впечатление: сумрачное, неуклюжее, коль без колокольни, без куполов и крестов, неряшливое, осадистое здание на отшибе парка, похожее на христорадника с церковной паперти. Печальным убожеством веяло от здания, кое храмом почитать язык не поворачивался.

А ныне: светятся белизною стены и колонны, сияют золотом кресты; ныне не грех бы помолиться о православных христианах, святыми молитвами и радением коих через восемьдесят два года возродился Иерусалимский храм. Господи, сохрани их на многая лета... Забегая вперёд, скажу: на Божественной литургии в честь Входа Господня в Иерусалим, совпавшей с освящением Входа-Иерусалимского храма, митрополит Иркутский и Ангарский Вадим почитает всех поимённо, вручив грамоты митрополии.

* * *

Встарь, поминают, купцы — церковные благодетели — они же нередко и церковные старосты — выбирали столь голосистого дьякона, что от пения его испуганно звенели хрустальные люстры. И батюшки, поминают, служили столь громогласно и проповедывали столь грозно, что чудилось, вроде через священника сам Илья-пророк гремит с купола и мечет молнии в души мирян, поражая грешные помыслы, и миряне, до смерти перепуганные, от страха Божия забывали оправдания и лишь молвили мытарское: «Боже, милостив буди мне грешному...» В русское средневековье эдакие попы и протопопы, да и архиереи, когда душу грешника не прошибало Слово Божие, в праведном гневе могли и палкой по спине огреть. Но служили и тихие батюшки: кроткое, молитвенное слово коих, словно слёзы любви, лилось в души мирян, умилая и очищая от скверны. Таким увиделся мне и отец Андрей, настоятель Вхо-

до-Иерусалимского и Преображенского храмов... Хотя и подивило: сколь духовных, творческих, телесных сил в «тихом» молитвенном батюшке, настоятеле двух храмов, где в самом разгаре реставрационные работы. В Преображенском — даже и аварийные, колы стропила сгнили в труху и кровля лишь чудом держится. Батюшка от зари до зари в трудах, но воспринимает труды как дар Божий: «Пока, слава Богу, есть здоровье, силы, желание, надо потрудиться, но не во славу человеческую, а во славу Божию, не ради тленных, земных наград, а ради небесного спасения. Речено в Псалтыре: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему...» (*Пс. 13: 9*). Как раньше говорили: если не мы, то кто?! Разумеется, один в поле не воин, а рядом со мной трудились помощники, радели о храме благодетели, так что грех жаловаться на трудности».

С отцом Андреем мы беседовали задолго до памятного Вербного воскресения, задолго до освящения храма, когда в боковых приделах ещё городились леса, когда в иконостасе не хватало икон, и вместо них поблёскивали целлофановые заплаты. Но вторая беседа с батюшкой случилась почти через год, уже после освящения храма, и время причудливо переплелось.

Свой рассказ о возрождении храма отец Андрей предварил путешествием в историю его создания: «История храма тесно связана с историей кладбища и насчитывает уже более двух веков. В дореволюционном Иркутске, как правило, кладбища возникали в результате захоронений горожан в ограде церквей. Именно вопреки подобным явлениям вышел приказ Екатерины II о необходимости отведения под кладбища специальных территорий в городах, чтобы предотвратить возникновение эпидемий. В Иркутске этот указ был воплощён в жизнь в 1772 году, когда для погребения умерших было выделено специальное место на возвышенности, позже, по правилам того времени, обнесённое валом, рвом и оградой. Так появилось в Иркутске Иерусалимское кладбище, где нашли последнее пристанище более 100 тысяч иркутян. В 1793 году на средства иркутского купца М. Сибирякова на кладбище началось строительство каменной церкви, которое закончилось в 1795 году. Храм был освящен во имя Входа Господня в Иерусалим. Но, как знаем, Иркутск известен своими пожарами и землетрясениями, и если пожар для нового храма был угрозой наименьшей, так как рядом не было жилой застройки, то воздействие землетрясений было неизбежным. Именно в результате этого бедствия храм был частично разрушен. В 1820 году на этом месте началось строительство нового храма по проекту томского архитектора А.П. Деева. Это была небольшая одноэтажная церковь с одним приделом. Строительство было закончено в 1830 году, ещё пять лет делалась внутренняя отделка, иконостас был выполнен по проекту иркутского архитектора А.В. Васильева. Освящение церкви состоялось в 1835 году, повторно после ремонта — в 1890-м. Храм изначально задумывался как кладбищенский, и после освящения здесь не венчали, не крестили — лишь отпевали и служили панихиды. Поскольку хоронили на Иерусалимском кладбище много покойников, пришлось спустя время пристроить два дополнительных придела: во имя Святителя Митрофана Воронежского и в честь иконы Иерусалимской Божией Матери. Обогревался храм обычными дровяными печками, а посему необходимо было его довольно часто убирать, ремонтировать, белить,

но приостанавливать работу храма возможности не было, и когда основной придел ремонтировали, служили в боковых».

После исторического зачина отец Андрей поведал о нынешних реставрационных работах: «История восстановления храма во имя Входа Господня в Иерусалим берёт свое начало с 2000 года, когда здание передали Иркутской епархии. До этого здесь располагалось культпросветучилище с учебной сценой, общежитием; тут же размещалась и администрация ЦПКиО. Три года работы не велись, но... нависла угроза разрушения кровли, а с ней и самого храма. Ветхая кровля уже не удерживала тающие снега и дожди, в храме копилась сырость, на стенах появился злобный «грибок», способный «съесть» любое здание. И было решено прежде всего восстановить главный купол, кровлю, к чему в 2003 году и приступили. В 2007 году владыка назначил меня ответственным за восстановление этой церкви, а до этого мы с иркутским предпринимателем Алексеем Владимировичем Дорошенко, возглавляющим компанию «Нордэкс», работали над постройкой храма Блаженной Ксении Петербургской, что около Ивано-Матрёнинской детской больницы. Храм к тому времени достроили, и благодетели, которые жертвовали на его строительство, согласились материально поддержать и восстановление Входа-Иерусалимского храма. Речь идёт, прежде всего, об Алексее Дорошенко и Викторе Матяшове, на чьи средства и начались работы.

Когда благодетели пристально оглядели здание снаружи, и особенно изнутри, то у них руки опустились, в воображении не укладывались огромные расходы, которые потребуются на возрождение из мерзости запустения бывшего храма. Но, преодолев растерянность, помолясь, перекрестясь, с Божией помощью приступили к работе.

К 2010 году основные работы были сделаны, и тогда мы вплотную занялись внутренней отделкой храма. В это время и родилась идея хоров на балконе... Солея — большая, занимает изрядную площадь храма, и чтобы предельно высвободить место для богомольцев и чтобы клирос не загораживал иконостас, решено было выстроить хоры. Техническое решение, обоснование сделал грузинский строитель Мамука и воплотил идею в жизнь. Он же создал и лестницу на хоры. Вначале задумали деревянную, но за её исполнение с нас запросили 360 тысяч, а сколь бы заломили за хоры?! Пришлось от дерева отказаться, и Мамука предложил создать бетонную лестницу, которая нам обошлась всего в 25 тысяч. Даже полностью с хорами вышло дешевле, чем из дерева. Мамука же облагородил лестницу и хоры дивной лепниной. Карнизы... вообще, все лепные работы в храме он исполнил. Так вышло, штукатурку, декоративную отделку, словом, тонкую работу исполняли грузинские мастера. Это благодаря Нодари Иосибовичу Субелиани, Гию Вахтанговичу Самхарадзе, который пожертвовал средства и на изготовление распятия. Видели, какое оно у нас своеобразное — по эскизам художника-иконописца Михаила Лутаенко исполнил распятие резчик по дереву Анатолий. После освящения Входа-Иерусалимского храма эта же бригада грузинских мастеров будет заниматься отделкой главного придела Преображенского храма».

Батюшка поведал о грузинских мастерах и благодетелях, порадевших о возрождении храма, а я, в своем повествовании забегаю далеко вперёд, ска-

жу: на Божественной литургии в честь престольного храмового праздника — Входа Господня в Иерусалим — в сослужении с отцом Андреем оказался (не диво ль для Иркутска?) грузинский батюшка отец Зураб, а под сводами храма явственно звучали мотивы древних грузинских распевов. А раньше, накануне престольного праздника и освящения храма, староста Алексей Дорошенко вспоминал: «Я был наслышан, что связи с Грузией не ограничиваются грузинским землячеством в Иркутске, а тянутся дальше. В своё время отец Андрей гостил в Грузии и с назиданием поведал нам об удивительно трепетном отношении грузин к священникам, к вере, к святыням. В Грузии отец Андрей познакомился с тамошним батюшкой Зурабом и пригласил его погостить в Иркутске. И воспользоваться приглашением отец Зураб решил именно сейчас, когда со дня на день свершится чин освящения храма (беседа с Алексеем Дорошенко состоялась в неделю вайей, незадолго до Вербного воскресения, когда владыка освятил храм. — *Авт.*). Хотя, воистину, неисповедимы пути Господни... грузинский священник вовсе и не знал об освящении храма и, тем паче, о роли грузин в его возрождении...»

Батюшка с благоговением вспоминал обихоженные с любовью православные святыни Грузии, а мне подумалось... Несмотря на российско-грузинскую политическую тяжбу, православные грузины и православные русские обнимались с любовью во Христе, ибо для христорадной любви «несть ни эллина, ни иудея...». Политика, аще не оборона родной земли, то рвущие человеческие и государственные отношения гордыня, честолюбие, сребролюбие, мстительность; и в политике лукавый правит бал. Православие — страх Божий и всепрощающая любовь к ближнему: всякую вину прости брату и сестре во Христе, не прощай лишь хулу на Дух Божий; люби брата и сестру, хотя и ненавидь грехи их. Мало того, православные грузины, православные русские могли бы своим властителям повторить наставления святому благоверному князю Дмитрию Донскому, реченные преподобным Сергием Радонежским: «Аще требует чести — отдай, аще ищет золота — отдай; но за веру православную и Христову церковь нам подобает и кровь свою пролити и живот свой положить». Православное единство русских и грузин за свою многовековую историю, очевидно, воплотилось во многих совместных деяниях Христа ради; вот и ныне — в возрождении Входа-Иерусалимского храма, в сослужении священников родственных апостольских Церквей.

Конечно, отныне и довеку Входа-Иерусалимский храм уже не будет исполнять свои былые функции, не будет кладбищенским, откуда православных людей провожают на погост, ибо на Иерусалимском кладбище уже давно не хоронят. Хотя его восстановление, конечно, призвано, в том числе, сохранить память о более чем 100 тысячах иркутян, похороненных здесь... Пройдут годы, десятилетия, а прихожане храма всегда будут благодарить благодетелей и мастеров, будут молиться за спасение их душ.

* * *

Стародавний русский купец, народный благодетель, верующий в бессмертие души, в райское блаженство и адские муки, в воскресение мёртвых праведников, свято чтит евангельскую заповедь: «Итак, когда творишь милостыню,

не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою» (Мф. 6: 2)¹. И хотя понимал православный благодетель: де, твори милостыню втайне, воздастся вьяве, но и, помышляя духом о мире горнем, обитая душой в мире дольнем, утешен бывал не наградами, но добрым молитвенным словом от благодарных соотечественников. Вознамерившись изречь хвалу Алексею Дорошенко, чьими заботами-хлопотами возрождается храм, памятуя о тайной милостыне, уповаю лишь на то, что труды благодетелей должны быть ведомы и не столь православному миру, сколь русским деловым людям для подражания в боголюбии и человеколюбии, в тайном благодетельном состязании, чем, бывало, славились русские купцы. С Алексеем Дорошенко впервые мимолётно виделся в кабинете протоиерея Евгения Старцева, настоятеля Михаило-Архангельского (Харлампиевского) храма, главного редактора альманаха «Иркутский Кремль», а ранее на большом казачьем концерте, который и состоялся попечением Алексея Владимировича. И вдруг увидел его на службе в Иерусалимском храме...

Помнится, как впервые очутился в сем храме: полы — ныне мраморные, подобные тёмным старинным зеркалам, — в ту пору удручали взор бетонной серостью, алтарь завешан пеленой, в приделах Иерусалимской Божией Матери и святителя Митрофана Воронежского топорщатся леса... И, тем не менее, отец Андрей служил воскресную заутреню, а прислуживал ему алтарник, пономарь... Алексей Дорошенко. Я, помнится, оторопел: известный предприниматель, директор группы компаний «Нордэкс» (!) и вдруг — алтарник, пономарь, у батюшки в услужении...

Я пытался представить в облачении пономаря нынешних российских буржуев, и даже доморощенных иркутских... — и не мог, даже моё изощрённое писательское воображение оказалось бессильно — слишком барственно важные дельцы попадались на моём жизненном пути, глядящие сквозь меня, простолюдца, сухо и холодно либо с вымученной, выученной менеджерской улыбкой. Ох уж эти лукавые улыбочки частных торговков и торговцев, какие искушают нас, простецов, выворачивая из дырявого кармана последние гроши... Скудное, верховое, обзлётное воображение бедного простонародца, по коему разряду числюсь, создало чудовищный образ коммерсанта — эдакий мертвотушный буржуй с золотой цепью на шее, с «трудовой мозолью», распершей рубаху, грозно и грузно нависающей над брючным ремнём, с оттопыренными толстыми пальцами, где сверкают драгоценные «бульжники». Впрочем, подобные крутые тихонько уходят в тень или в мир иной, а является иной тип: компьютерно-интеллектуальный, сухой и ледяной Кашей Бессмертный с кейсом. Но и те и другие скуповаты: капитала на три поколения, а снега зимой не выпросишь, хотя на суетные и порочные утехы, случается, и сорят деньгами. Правда, публичные, честолюбивые или те, кто рвётся к политической власти, могут скрепя сердце нечто пожертвовать на храм, на сиропитательный дом, но абы покрасоваться перед публикой, искусить её накануне выборов в законодательную власть.

Зловещий образ буржуа вызрел в моём рабоче-крестьянском воображении, которое, увы, нарисовало не реальный тип, а карикатурный шарж... Есть, ска-

¹Более подробно о русском купечестве в моём очерке «Сокровище» (Иркутский Кремль. 2013 г.), откуда и взята цитата.

жем, расхожий образ художника, вечно хмельного и любодейного: дремучая лешачья борода, откуда дымит трубка, нечёсаная грива, где чудом держится малиновый берет, рубище по колено, а талантливый живописец вдруг оказывается похож на деревенского мужичка, на смиренного дьячка. Так и Алексей столь мало походил на коммерсанта, что если бы не знатьё, принял бы его за бригадира строительной бригады. И подумалось: видимо, православная душа, одолев предпринимательский прагматизм, смогла вместить Господню заповедь, поведенную грядущим апостолам и всем христианам: «Иже аще хочет в вас больший быти, да будет вам слуга: и иже аще хочет в вас быти первый, буди вам раб. Яко же Сын человеческий не приде, да послужат Ему, но послужити, и дати душу свою [за] избавление... многих» от вечного ада (*Мф.* 20: 26–28).

И, опять же, трудно было вообразить смиренным послушником, услужливым алтарником Алексея, в коем кипит, бурлит жизнь земная, коего легко вообразить отчаянным яхтсменом посреди штормового океана, лихим спортсменом, летящим на горных или водяных лыжах, яростным хоккеистом, но... внешний образ, речено выше, зело обманчив. Оказалось, не токмо смиренный, но и проповедник молитвенного смирения, отвергающий воинственное православие, о чём мы даже и поспорили...

А столь легко, несуетно, безнатурно, с благоговением и достоинством служил Алексей, что я убедился: вмещает искренняя православная душа помянную заповедь о смирении и послушании, что выше постов и молитв. И так они, отец Андрей и алтарник Алексей, на всенощных бдениях друг друга восполняли, что души прихожан и воспринимали богомолье лишь в их богодухновенном сослужении. А ещё, глядя на Алексея, дивился его труженическому подвижничеству: сложные и напряжённые предпринимательские заботы, изрядная семья (чада от мала до велика, с матушкой на службах), прорабские, снабженческие заботы на восстановлении храмов, а к сему — и пономарское служение на всенощных бдениях. Староста — ктитор по-церковному — в позапрошлом веке нередко избирался из крепкого купечества, и по старинной православной традиции не токмо нёс бремя хозяйственных забот о храме, но и радел о богослужении, да и сам служил в алтаре.

В детстве и отрочестве будущий староста и алтарник Иерусалимского храма Алексей Дорошенко любил кататься на санках с Иерусалимской горы, где на семи ветрах темнела бывшая церковь, обращённая в лицейское училище, примыкающая к парку с качелями и каруселями. Увы, редко кто из рождённых во второй половине прошлого века ведал, что гуляет, веселится, развлекается на бывшем Иерусалимском кладбище, проходит мимо бывшей кладбищенской церкви. А если иной и ведал, то забывал — молодая память ветрена: в одно ухо влетело, в другое вылетело. А посему для юного пионера Нагорный околоток слыл обычным и привычным местом детских игр и забав, не воспринимался как намоленная поколениями святая земля. И мальчишка бы рассмеялся, если бы ему в те отроческие лета вещей провидец поведал: де, вырастешь, отроче млада, окрестишься, облечёшься во Христа, и сему невзрачному, неуклюжему дому, где ныне обитают гомонящие студенты, вернёшь изначальный святой лик — возродишь православный храм. Святому — святое!.. Разумеется, не один, но с братьями и сестрами во Христе. И служить тебе в сем храме старо-

стой и алтарником. Сроду бы не поверил юный пионер в эдакое пророчество, но по Божиему промыслу сподобился и православную веру обрести, и храм возродить, и в старостах бывать, и на всенощных бдениях пономарём служить. Неисповедимы пути Господни...

Мы беседовали накануне освящения храма, кое символично свершилось в престольный храмовый праздник в честь Входа Господня в Иерусалим. Мы сидели на старинных ступенях лестницы, ведущей в храм, где когда-то умолятся и убогие христорадники, молящие о милости, даже из бывших сильных мира сего, ибо от суммы и от тюрьмы не зарекайся. Город отсюда виден как на ладони. Ещё несколько лет назад на сей храм было больно смотреть, таким заброшенным и печальным он выглядел. Ныне иначе, светится храм лебяжьей белизной, и даже дверные ручки сверкают, словно надраенные, и лишь древние каменные ступени красноречиво свидетельствуют о былом — о молитвенных временах и годах забвения. Солнце пригревает по-весеннему ласково, лёгкий ветерок перебирает листы блокнота, из-за ограды, со старинного кладбища залетают бабочки и доносятся птичьи трели.

— Путь к Богу всегда долгий, — размышлял Алексей Дорошенко. — Наверное, моим первым сознательным шагом на этом пути стало крещение детей. Я тогда, кстати, сам некрещёным был. А батюшка мне говорит: «Вы хоть крестики купили? Нет, ну идите купите и себе заодно». Я побежал, купил всем по крестику. А батюшка снова удивляется: «Ах, вы некрещёный, оказывается! Зачем же себе крестик покупали?»

Алексей улыбается, вспоминая случай, и без слов понятно, сколь спасительным стал для него «лишний» крестик. А дальше всё происходило, как ему казалось, стихийно, а на самом деле — закономерно.

— Вскоре после крещения дочери Марии к нам в офис пришёл странный гость с диковинно большой бородой. Меня тогда просто поразила эдакая борода, тем более что её обладатель оказался совсем молодой человек, не более 30 лет, то есть мой ровесник. Прямо с порога бородач заявил: «Привет, меня зовут Виктор Матяшов. Мне сказали, что ты нам поможешь построить храм...» Я рассмеялся. Что ещё за глупости, говорю, я — атеист, хотя детей недавно крестил... Виктор, однако, не обиделся на мой смех. Слово за слово, познакомились, разговорились. Оказалось, приехал из Питера, а нам как раз нужен был представитель в северной столице. Ну, я и предложил ему поработать с нами, а там видно будет...

Так Алексей познакомился со своим нынешним другом, а вернее сказать, братом во Христе. Виктор Матяшов и сейчас живёт в Санкт-Петербурге, заканчивает семинарию, недавно рукоположен во диаконы.

— Вот и пошло наше дружеское общение, — продолжает Алексей. — Со временем я и проникся идеей строительства, хотя бы часовни, которая, скажу забегаю вперёд, обратилась в храм. Потом Виктор познакомил меня с Михаилом Лутаенко, главным иконописцем Иркутской епархии. Они оба хотели построить часовню во имя Блаженной Ксении Петербургской, и обязательно — в детской больнице. Решили строить при Ивано-Матрёнинской. Наконец, настал час, когда собрались участники проекта в приёмной у владыки Вадима, чтобы просить благословения. Пришли Татьяна Ляшенко — главный врач Ивано-Матрёнинской больницы, её

заместитель Андрей Купцевич, Владимир Стегайло — главный архитектор «Иркутскгражданпроекта», его заместитель Олег Будулла, и я, ваш покорный слуга. Все некрещёные, кроме Виктора Матяшова и Михаила Лутаенко.

Владыка благословил и говорит: «Всё хорошо, я вам уже и священника приготовил, будет помогать строить часовню и духовно окормлять вас». И приглашает батюшку — молодого, худенького, тихого, в рясе, словно в робе мастерового, словно его вот-вот сняли со строительных лесов и к владыке под белы ручки привели. Так мы познакомились с отцом Андреем Степановым, с которым и начали строить храм во имя Святой Ксении Петербургской, а потом и восстанавливать Входа-Иерусалимский, где батюшка стал настоятелем...

— *И пало семя веры христианской на добрую почву...*

— Видимо... Постепенно в моей душе начал происходить переворот. Помню, мы шли с Виктором Матяшовым по рынку и разговаривали о том, что есть грех, и я вдруг чётко понял, что не вижу в себе греха, не чувствую его, и меня это просто ужаснуло. В течение полугода крестились все, собравшиеся в тот памятный день в приёмной у владыки. Олег Будулла уже второй храм и приют для сирот построил в Пивоварихе под руководством отца Александра Василенко. Покрестился Андрей Купцевич, и мы с ним в 1998 году ездили на заготовку леса для храма Святой Ксении Петербургской. Потом договаривались, чтобы заготовленный лес вывезли. Нанимать работников денег не было, пришлось самим таскать брёвна. Зато пока трудились на возведении часовни, вернее, уже храма, у нас сложилось крепкое православное братство.

— *Замыслили часовню — вышел храм?*

— Во время строительства часовня обрела цокольный этаж, и стало ясно, что нужно возводить храм с двумя приделами: основной — в честь Блаженной Ксении Петербургской, цокольный — в честь святителя Иоанна Кронштадтского. Покаюсь, засомневался я грешным делом: по силам ли нам эдакое строительство? А у меня тогда и квартиры-то своей не было... Но глаза боятся, а руки делают: помолясь, благословясь, засучив рукава, продолжили стройку, и... с Божией помощью возвели храм. Попечением петербуржца Виктора Матяшова рядом с храмом был воздвигнут памятник святителю Иоанну Кронштадтскому, копия памятника, воздвигнутого в Санкт-Петербурге. Настоятелем храма владыка назначил отца Александра Василенко, одного из самых достойнейших людей, которых я встречал в своей жизни. Батюшка действовал энергично, и прямо на наших глазах храм стал превращаться из культового сооружения в дом для большой и ладной семьи — прихода, где православные живут в мире и любви Христа ради.

Наша миссия была выполнена. Я в ту пору жил невоцерковлённо и почувствовал себя не у дел, поскольку церковная жизнь была мне непонятна. Вместе с тем пришло ощущение некой томящей пустоты. Мне не хватало радостной, азартной суеты на стройке, которая, оказывается, давала ощущение полноты жизни. И я подумал: «И зачем я всё время боялся, что денег не хватит на строительство, перестраховывался, старался сэкономить?! Пока Господь давал возможность помогать, надо было сделать всё, что мог. Но ещё не вечер, будет и ещё подобное доброе дело...»

Едва в душе и разуме созрела эта мысль, раздаётся телефонный звонок, и отец Андрей Степанов приглашает в гости. Вечером я к нему подъехал, и мы

отправились прогуляться. Как бы между прочим дошли до Иерусалимского храма, а здесь батюшка остановился и говорит: «Вот, смотри, Алексей. Теперь мы будем сей храм восстанавливать». Я оторопел и думаю: «Господи, я же столь труда не просил! Нам этого восстановления до глубокой старости хватит...» Однако справились гораздо раньше старости, всего за семь лет.

— *Как выглядел храм до реставрации? Наверное, удручающее впечатление?*

— Здание ничем не напоминало православный храм: тяжёлое, кубическое, разумеется, без куполов и крестов, без былых лепных фронтонов, с разрушенной колокольней. Приступили к реставрации, и здание постепенно обретало исконный храмовый облик: оштукатурили стены, сделали кровлю, возвели маковки, залили железобетоном центральный купол, восстановили колокольню, исполненную лёгкими материалами, хотя в основе — железобетонная конструкция. Специалисты заверяют, что колокольня простоит века. В Воронеже льют колокола и, Бог даст, к осени привезут.

— *Паперть впечатляет даже и без реставрации...*

— Паперть старинная, подобно храмовым стенам, и сложена из плитняка. Камень, казалось бы, не долговечный, на самом же деле обладает чудесным свойством: с годами обретает прочность, а в фундаментах, укрытых землёй, становится крепким, как сталь, — не отпилить, не отколоть. Из песчаника в старину возводились брандмауэрные стенки между деревянными домами, чтобы пожар не перекидывался от дома к дому. При возведении многих храмов использовался песчаник, поскольку крепче, чем любой бетон. Вот и наша паперть из песчаника — сто лет под открытым небом, тысячи людей прошли по её ступеням, и выдюжила, и ещё сто лет простоит.

Совершив обход храма по пути, где вскоре произойдёт пасхальный крестный ход, мы продолжили беседу уже в храме.

— Мы не своевольничали, мы возвращали внутреннему устройству храма исконный облик. Но храм был незавершён, недоукрашен, а посему некоторые элементы внутреннего декора пришлось решать нашим специалистам. Всё рождалось творчески в ходе работы... Скажем, так были созданы хоры: вначале соорудили нечто подобное театральному балкону, а потом пришёл художник Александр Москвитин, говорит: «Надо бы украснее, благолепнее...» — и сделал для храма эскиз лепнины на хорах, а воплощал эскиз в жизнь православный грузин Мамука, причём делал лепнину древним способом грузинских мастеров. Это была невероятно трудная задача, но он с ней справился, и вышло так, что глаза радуются, душа ликует, когда глядишь на сие лепное благолепие — воистину, лепота. Так же творчески в ходе работ решался вопрос с крещальным баптистерием... Иконостас временный, и Михаил Лутаенко прорабатывает эскизы нового, трехъярусного, а заодно — иконостасы в приделах Святителя Митрофана Воронежского и в честь иконы Иерусалимской Божией Матери. Предполагаем, что это будет оникс зеленоватого цвета...

— *Страшно было браться за столь сложный реставрационный проект?*

— Страшно, но, как уже говорил, глаза страшатся, а руки делают. Страшно было лишь вначале, потом к нам стали присоединяться другие люди, и дело пошло бодрее. Каждый вносил свой вклад, свою лепту. Скажем, Михаил Гладышев... Молодой человек, сейчас ему около 30 лет, и большой бизнес он

создал своими руками с нуля. Михаил любит море, в своё время окончил шкиперские курсы на Байкале, построил себе корабль. А теперь и вовсе переехал с семьёй на берег океана, в Австралию. Попечением Михаила, благодетеля, ныне в храме — прекрасные окна; он же помог нам чинить кровлю. Однажды Михаил сказал слова, которые мне было удивительно слышать от такого молодого человека, и я часто их вспоминал: «Строй храм так, будто строишь свой собственный дом, и даже лучше...»

Поразительно, что на восстановительных работах едва ли не каждый выступал не просто исполнителем, но сотворцем. Храм — как дерево, растёт на наших глазах, и никто не знает заранее, что выйдет. На дерево где-то солнышко посветило — и оно повернуло листочки в одну сторону, а потом ветер подул — и оно поворачивается в другую сторону, потому что оно живое, оно развивается из почвы, откликаясь на стихии небесные. Так же и храм: не просто строится по строго заданному проекту. Храм рождается, словно живой организм, и его создателями являются многие и многие люди. Никто не знает, где в этом процессе кончается творчество человеческое и начинается промысел Божий. Взять хотя бы историю с распятием, что стоит в приделе Святителя Митрофана Воронежского.

— *Да, весьма и весьма своеобразное распятие...*

— Удивительным образом, на восстановлении храма работало много православных грузин. Например, есть у нас жертвователи: Гия Вахтангович Самхарадзе и Нодари Иосибович Субелиани, оба они из Грузии, но давно уже стали иркутянами. Лет восемь назад мне довелось праздновать Пасху в доме Нодари Иосибовича. Какое это было великолепное, красивое и радостное торжество, невозможно передать словами! Так меня вдохновила пасхальная трапеза, что я на следующий день отправился поздравлять друга с куличом в руках и горящей свечой, и мне казалось, что так можно ходить по родному городу, ничего в том предосудительного нет... Но вернёмся к истории с распятием... Однажды Гия Вахтангович решил пожертвовать в храм распятие. Но не простое распятие, а скульптурное. Оказалось, что сделать его достаточно трудно, местные мастера не берутся. Нет у нас традиции создавать скульптурные изображения в храмах. Тогда Гия Вахтангович нашёл своего резчика по дереву. Мастер начал работать, мы время от времени ездили смотреть. За художественную часть у нас отвечает Михаил Лутаенко, а ему всё что-то не нравилось. В конце концов решили забрать и оттенить древесину красками, используя старинную технику, тем самым сгладить огрехи резчика. Договорились с мастером, приехали забирать, а резчик наш взял и покрыл кедровое распятие коричневой краской. Что делать, поехали в художественную мастерскую, попробовали снять краску, а краска не снимается. Думали, гадали и придумали сделать распятие зелёным, потому что это наш храмовый цвет, цвет престольного праздника.

А мечта наша — восстановление Иерусалимского кладбища и, может быть, строительство мемориала в честь выдающихся иркутян, и особенно купцов, зодчих и мастеровых, чьим попечением созидался дивный град Иркутский. Разумеется, все захоронения не изыскать, но необходимо восстановить имена погребённых на Иерусалимском кладбище, и на мемориальном памятнике, увенчанном православным крестом, увековечить. Возможно, затем попытаться

ся устроить и частичные перезахоронения. Городские власти думают создать здесь садово-парковую зону, и мы, входо-иерусалимские прихожане, не против сего. Одновременно можно подумать и о возвращении улицам, районам, предместьям и площадям исконных исторических названий. Словом, работы непочатый край, лишь бы труды наши были во славу Божию, во спасение братьев и сестер во Христе...

Слушая старосту Алексея Дорошенко, вдруг вспомнил... Однажды после Божественной литургии в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы вышел из Входо-Иерусалимского храма и, глядя на зелёные купола, золотые кресты, осеняя крестным знамением, выбрел за ворота и... уткнулся взглядом в памятник красным партизанам... Помянулось: в молодости, случалось, от рынка поворачивал к Центральному парку, вздымался по широкой, долгой лестнице, мимолётно глянув на краснопартизанский памятник и невидящим взглядом скользнув по неуклюжему, невзрачному, серому дому, не ведая, что се обезглавленный Входо-Иерусалимский храм... Коли не опаздывал на свидание, на дружескую выпивку в ивовых зарослях, случалось, оглядывал памятник красным партизанам, гордясь их героизмом, невольно напевая: «По долинам и по взгорьям / Шла дивизия вперед, / Чтобы с боем взять Приморье — / Белой армии оплот...» Ныне, глядя на позеленевших «красных партизан», не напеваю «волочаевские дни», ныне скорбею: эх, отпавшие от Бога, из ваших комиссаров вышли «красные дьяволята», от рук коих тысячи православных братьев и сестер, не предавших Христа Бога, приняли мученический венец, обрели, страстотерпцы, святость на небесах. Эх, воители красные — безбожники и богохульники, — повергая наземь благовестные колокола, ломая церковные кресты, купола и колокольни, обращая святые храмы в пристанища для любителей игрищ и забав, не ведали, что творили, прости вам Господи. Молил же Иисус Христос о распинающих его: «Отче, прости им: не ведают бо что творят» (*Лк. 23: 34*); молятся же православные испокон веку за своих мучителей и губителей, за гонителей веры христианской: «На Кресте моливыйся за распинателей Твоих и приемый в последний час разбойничье покаяние, не погуби, о Господи, отступников, хулителей и гонителей святых веры и святых Церкви Твоея, но аще возможно сие, даруй и им радость познати Тя, Божественную Любовь и Премудрость, и дни свои в истинном покаянии скончати» (*Молитва свт. Тихона Московского*).

В смутную пору безбожники и гонители обезглавили Входо-Иерусалимский храм. Но... неисповедимы пути Господни: минул век без малого, когда рядом со тьмой тихо, потаенно светила неугасимая лампада любви к Вышнему и ближнему; истёк прошлый век, иссякла великая русская попытка устроить земную жизнь по совести, по правде и даже по заповедям Божиим, но... без Бога; закатилась Великая Советская империя, воскрешается Великая Православно-самодержавная империя, и внуки, правнуки вчерашних ярых гонителей Христа ныне яро и боговдохновенно молятся Христу, словно замаливая свои и родовые грехи, и возрождают порушенные красными дедами православные храмы, подобные Входо-Иерусалимскому. Да и сами вчерашние советские богохульники... не все, но избранные... тоже поверглись ниц перед Христом Богом...

Вот так же иудей Савл был мучителем христиан ...«Савл, Савл, что ты гонишь Меня?! Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна» (*Деян. 9: 4-5*)... и вдруг промыслом Божиим Савл обращается в апостола Павла, великого проповедника христианства среди иудеев и эллинов и даже страстотерпца Христа ради.

И, может быть, нынешние потомки красных партизан, взойдя по щербатой, вышарканной лестнице, с горы Иерусалимской счастливо оглядывают старинный иркутский околоток, видимый, словно на ладони, словно с высоты птичьего полёта. И, может, привидится потомкам время царское и околоток предков: обывательские дома, благолепно и щедро изукрашенные деревянными кружевами, летом утопающие в цветущей сирени, после Покрова Божией Матери молитвенно замирающие среди голубоватых сугробов. Ещё не звонили входы-иерусалимские колокола, а стар и млад, покинув усадьбы, восходят по старинной лестнице к родному храму, где их ждёт Божественная литургия, покаяние и спасение.

* * *

Случалось, и я, грешный, молился в Иерусалимском храме, но давненько, и ныне, в храмовый праздник, радостно изумился: кажется, ещё вчера на первой седмице Великопостья, на Великом Повечерии читался Покаянный канон Андрея Критского, и стар и млад обмирали коленопреклонно, касаясь покаянным челом бетонного пола, дыша незримой цементной пылью, а ныне, в Вербное воскресение, храм воскрес из мёртвых, восстал из гроба, подобно Лазарю, другу Господню, и сверкают тёмными, таинственными зеркалами мраморные плиты. Кажется, вчера, словно плотницкие леса, городились дощатые помосты в приделе Иерусалимской Божией Матери, в приделе Святителя Митрофана Воронежского; кажется, вчера сиротливо и тускло светили одинокие лампочки, а часть икон в иконостасе были затянуты серыми пеленами, а ныне снежно белеют стены и свод, ярко и празднично освещённые диковинно большими люстрами, и во всём иконном благолепии — иконостас. Кажется, ещё вчера клирошане неприкаянно ютились в правом приделе, а ныне хоры — ближе к своду, куда надо взойти по изящно изогнутой лестнице; и слушаешь песнопения и чудится: божественное пение льётся с купола, словно с небес.

В сосредоточенном молчании теснятся православные миряне, иные — уже и прихожане, коль с первых богослужений, ещё под дощатыми лесами, зрела церковная община. Вижу знакомых братьев и сестер во Христе: вот Елена в свечной лавке, бывшая лампадница Харлампиевского храма; вот... богомольцев в храме — яблоку негде упасть: храмовый праздник — Вход Господень в Иерусалим, и великое событие — через восемьдесят два года после насильственного закрытия владыка освятит сей храм. Коль служит и причащает сам владыка, сошлись богомольцы со всего городища, что в иную пору молятся в родных церквях.

Не впервой я в сем храме на молебнах и богослужениях, но вновь и вновь радостно дивлюсь: под родительской опекой уйма ребятишек, словно в сад-ясли угодил или выбрел на майскую поляну, где солнышками желтеют цветы одуванчики, колышались, словно кружатся в хороводе; и вспомнилось реченное

Царем Небесным о детях: «Аминь глаголю вам, аще не обратитесь и не будете яко дети, не внидете в Царство Небесное: иже бо смиритесь яко отроча сие, той есть болий во Царствии Небесном; и иже примет отроча таково во имя мое, Мене примет; и иже аще соблазнит единого малых сих, верующих в Мя, лучше есть ему, да повесится жернов осельский на вые его, и потонет в пучине морстей» (*Мф. 18: 3–6*). Пока не обрастут мохом взрослых немочей чада малые, яко ангелы, — безгрешны: не случайно в Вербное воскресение под сводами Входа-Иерусалимского храма звучит кондак, где дети — «младенцы незлобивые» — величаются наравне с ангелами Божиими: «На престоле на небеси, на жребяти на земли носимый, Христе Боже, Ангелов хваление и детей воспевание приял еси зовущих Ти: благословен еси, грядый Адама воззвати...»

Не изыскал ещё отец Андрей дьякона голосистого, под стать великолепной акустике, но сегодня певучий дьякон приглашён на освящение храма и громогласно повелевает из алтаря: «...Приидите, поклонимся и припадем Самому Христу, Цареву и Богу нашему!...»

И неземные голоса тихо кружатся под куполами, о неземном славословят: «Свете Тихий святых славы Безсмертного Отца Небесного, Святого, Блаженного, Иисусе Христе! Пришедше на запад солнца, видевши свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа, Бога. Достоин еси во вся времена пет быти гласы преподобными, Сыне Божий, живот даая; темже мир Тя славит».

Звучат вербновоскресенские стихиры: «Приидите и мы днесь весь новый Израиль, яже от язык Церковь, со пророком Захариєю возопиим: радуйся зело дщи Сионова, проповедуй дщи Иерусалимова: яко се Царь твой грядет тебе кроток и спасая, и вседый на жребя осле, сына подъяремника: празднуй яже детей, ветви руками держащи похвали: осанна в вышних, благословен грядый Царь Израилев». «Честное воскресение Твое прообразуя нам, воздвигл еси умершаго повелением Твоим, бездыханного Лазаря друга Блаже, из гроба четверодневна смердяща. Темже и на жребя возшед образно, якоже на колеснице носимь, языки укротевая Спасе. Сего ради и хваление приносит возлюбленный Израиль из уст ссущих, и младенец незлобивых, зрящих Тя Христе, входяща во святыи град, прежде шести дней Пасхи».

Батюшка читает нараспев евангельские стихи о входе Господнем в Иерусалим, чтобы миряне поняли умом, осознали душой величие праздника: «И егда приближишася во Иерусалим и приидоша в вифсагию к горе елеонстей, тогда Иисус посла два ученика, глаголя има: идита в весь, яже прямо вама: и абие обряцета осля привязано, и жребя с ним: отрешивша приведита ми: и аще вама кто речет что, речета, яко Господь ею требует: абие же послет я. Сие же все бысть, да сбудется реченное пророком, глаголющим: рцыте дщери сионове: се, Царь твой грядет тебе кроток, и всед на осля и жребя, сына подъяремника. Шедша же ученика и сотворша, якоже повеле има Иисус, приведоста осля и жребя: и возложиша верху ею ризы своя, и вседе верху их. Множайшии же народи постилаху ризы своя по пути: друзии же резаху ветви от древ и постилаху по пути. Народи же предходящи (ему) и вследствующии зваху, глаголюще: осанна Сыну давидову: благословен грядый во имя Господне: осанна в вышних. И вшедшу ему во Иерусалим, потрясся весь град, глаголя: кто есть сей? Народи же глаголаху: сей есть Иисус пророк, иже от назарета галилейска...»

Увы, иные миряне мало разумеют в богослужении на церковно-славянском, но, по себе сужу, лукавые мы людишки, пусть и крещеные: можем изучать английский язык, а родной, на коем предки тысячу лет молились, ленимся изучить. Его русскому и выучить-то во сто крат легче, чем английский, а всё не сподобимся. Язык православного богослужения — божественный, и упаси Бог, ежели литургия зазвучит на суетном, мирском языке, на говоре газет — «читатели газет, глотатели пустот...»

Когда батюшка читал из Евангелия, опять, как в случае с воскрешением Лазаря, умилением оттеплили мирские души: Иисус смиренно въезжает на осле², бессловесном жеребяти, не грядет на царской колеснице, тем и показывая: Сын Божий пришел к людям не как великий повелитель, «Царство Его не от мира сего», Спаситель пришел в мир для спасения нашего от первородного греха и исполнения ветхозаветных пророчеств. Но иудеи, ждущие от Иисуса Христа благ земных, не уразумели сего...

Вот уже под куполом звучит «Херувимская песнь»; и вдруг храм наполняется слитыми воедино мирскими голосами, напевно читающими «Символ веры» и «Молитву Господню». А вот хор возгласил: «Тело Христово приимите, Источника безсмертного вкусите... Аллилуия, аллилуия, аллилуия...»

Увы, отвлекаясь от богомолья, невольно поглядывал на счастливые семейные пары, обвешанные чадами; смотрел с душевной отрадой и светлой печалью — не сподобился, с надеждой — будут молиться за нас, грешных, и моления их, смалу боголюбивых, омытые слезной жалью, узрит Господь. Наслышан: четверо — ребята старосты Алексея; видел: светло улыбались богомольцы, глядя, как смело и умело причащалась его малая дочь, коя и под стол бы пешком вошла. А их, отроче младо, к причастию выстроилась вереница, у иных — лики иконные, напоминающие отрока Варфоломея, будущего преподобного Сергия Радонежского, дивно запечатленное живописцем Нестеровым. Ох, сохранились бы их лики от рождения в мир сей до рождения в мир иной, не обратились бы в святочные, изморщиненные страстями.

Глядя на тех, что от горшка два вершка, забавно осеняющих себя крестным знамением, подумал... Иисус Христос въезжал в Иерусалим на жеребяте, и среди устилающих Его путь одеяниями и пальмовыми ветвями собрались толпы еврейских ребятишек, бескорыстно и восторженно вопиющих Христу: «Благословен грядый во имя Господне!.. осанна в вышних!..» Се вопили и отцы их, матери, старшие братья и сестры, хотя, спаленные страстями земными, ликовали не ради спасения души, не ради обретения Царствия Небесного, но лишь с ожиданием от Иисуса Христа земных благ и земного величия родному иудейскому народу. И, в отличие от детей, спустя четыре дня евреи уже кричали иное, страшное: «Да будет распят... Кровь Его на нас и на детях наших...» (Мф. 27: 23, 25). Святитель Феофан Затворник писал: «Кого не было при Сретении Господа, когда Он торжественно, как царь, входил в Иерусалим, и кто не взывал тогда: «осанна Сыну Давидову»! Но прошло только четыре дня, и тот же народ, тем же языком кричал: «Распни, распни Его»! Дивное превращение! Но что дивиться? Не то же ли самое делаем и мы, когда по принятии Святых Таин Тела и Крови Господних, чуть только выходим из церкви, — забываем

²Осёл — символ мира на Востоке.

всё, и свое благоговение, и Божию к нам милость, и предаемся по-прежнему делам самоугодническим, сначала маленьким, а потом и большим, и, может быть, ещё прежде четырёх дней хоть не кричим другому «Распни!», а сами распинаем в себе Господа. И всё это видит и терпит Господь! Слава долготерпению Твоему, Господи!

Но... вернёмся во Входа-Иерусалимский храм... Святые отцы толковали: коли христианин посвятился служению Богу, освящает все благие свои начинания призыванием помощи Божией и благословения, так как «еще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущии» (Пс. 126: 1). Тем паче, надлежит призывать Бога при основании дома Божия, где будет воздвигнут престол Божий. Вот и «чин освящения храма от архиерея творимаго» свершился в храме Входа Господня в Иерусалим.

Молитвы и обряды освящения храма обратили взоры мирян от храма рукотворенного к храму нерукотворенному, к членам духовного тела Церкви, каковыми являются все верные христиане (2 Кор. 6:16). А посему при освящении храма Высокопреосвященнейший Вадим, митрополит Иркутский и Ангарский, совершил подобное тому, что делается для освящения каждого человека в таинствах крещения и миропомазания. Из сложного обряда освящения храма не все запомнилось, но угнездилося в душе ощущение божественного величия чина, когда владыка каждением, молитвою, кроплением святой водою и миропомазанием стен обращал здание в Дом Божий, ставший отныне святым.

Вот и свершилось великое освящение храма и Божественная литургия в честь Входа Господня в Иерусалим. Впереди, как заверили батюшка и староста, скорое благословение колоколов, или, говоря по-церковному, «чин благословения кампана, сие есть колокола, или звона». Скоро издалече приедут колокола, и архиерей или отец Андрей по архиерейскому благословению после пения клирошан «Царю Небесный» и псалмов хвалиных возгласит великую ектенью, прочтает молитвы о благословении колокола, о ниспослании колоколу благодати, чтобы все «слышащие звенение его во дни и в нощи возбуждались к славословию святого имени Господа и к деланию заповедей Господних». Вознесёт архиерей или отец Андрей моление о том, чтобы «при звенении благословляемаго кампана утихли все бури ветренныя, злораствовавшия воздухи, грады, вихри, громы страшныя и молнии вредныя, безведрия, и отгнаны были все наветы вражия». А после моления окропят колокола святой водою, троекратно возгласив: «Благословляется и освящается кампан сей окроплением воды сея священная во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь».

Обомрут богомольцы, затаят дыхание, не мигающе глядя, как возносятся к небесам, словно молитвы праведников, и малые и большие кампаны, благодатно сверкающие на солнце. Укрепят их мужики на колокольне, и через семьдесят два года поплывут над зеленоватыми древними крышами Нагорного околотка звоны, перезвоны, и громогласно, набатно и ласково, переливисто напоминая обывателям о Боге.

* * *

После Вербного воскресения в храме, не чуя вешней земли, словно не бреду, а тихо лечу, улыбаясь неизъяснимому счастью, окуная лицо в вербный букет,

пахнувший речной тиной, талой водой и ныне, освященный святой водой, — ладаном и медовым воском, вспоминая: лес рук с вербными пучками вдруг вырос, когда владыка, взмахивая кропилом, освящал вайи святой водой; словно чудом-чудным, дивом-дивным очутился я в густом приречном вербнике, в пору вешнего белого пушения. Думаю, в народе храм в честь Входа Господня в Иерусалим зовут просто Иерусалимским, а могут повеличать и Вербновоскресенским... Вспомнил с улыбкой: владыка освящал вербы, и миряне подставляли лица; и потом, окроплённые святой водой лица, похожие на лики, сияли счастьем, словно цветы и травы после тёплого летнего дождя.

Подал милостыню христорадникам у церковной паперти, за воротами храма сворачиваю на Иерусалимское кладбище — бывшее, обращённое в парк; и, лаская лицо пушистыми вербышками, думаю: столь дивно живописал Вербное воскресение Иван Шмелёв, православнейший из мирских писателей, не случайно и водивший дружбу с Иваном Ильиным, православнейшим любомудром из мирских философов. «Лето Господне», где «Вербное Воскресение», и посвящено-то Наталии Николаевне и Ивану Александровичу Ильину, с коими доживал век на чужбине, как и они, поруганный, изгнанный богоборцами, ухватившими власть в Царстве Русском. Ладно, Бог им судия, а не я; пока же, не поминая лихолетье, не омрачая вербный дух, вспоминаю Шмелёвское «Вербное воскресение»...

«...Зима уходит, а уж и вербочка опушилась — Христа встречать. — Все премудро сотворено... — радуется на вербу Горкин, поглаживает золотистые вербешки. — Нигде сейчас не найдись цветочка, а верба разубралась. И завсегда так, на святого Лазаря, на Вход Господень. И деревья кланяются Ему, поют Осанну. <...> воспоем завтра Осанну святое деревцо. А потом, дома, за образа поставим, помнить год цельный будем. <...> Лазаря воскресил Господь. Вечная, значит, жизнь всем будет, все воскреснем. <...> Общее воскресение... Из мертвых Лазаря воздвиг Христе Боже...» <...> Я нюхаю вербу: горьковато-душисто пахнет, лесовой горечью живою, дремуче-дремучим духом, пушинками по лицу щекочет, так приятно. Какие пушинки нежные, в золотой пылице... — никто не может так сотворить, Бог только. <...>

«Тебе, победителю смерти, вопием... осанна в вышних!» <...> Прикладываемся к образу на аналое, где написан Христос на осяти, каменные дома и мальчики с вербами, только вербы с большими листьями — «вайи»! долго нельзя разглядывать. Тычутся отовсюду вербы, пахнет горьким вербным дымком... дремучим духом?... — где-то горят вербешки. Светятся ясные лица через вербы, все огоньки, огоньки за прутьями, и в глазах огоньки мигают, светятся и на лбах, и на щеках, и в окнах, и в образах на ризах. <...>

Росла по далекой Сетуньке, ехала по лесам, ночевала в воде в овраге, мыло ее дождем... и вот — свяченая, в нашей церкви, со всеми поет «Осанну». Конечно, поет она: все, ведь, теперь живое, воскресшее, как Лазарь... — «Общее Воскресение». <...> Смотрю на свечку, на живой огонек, от пчелок. Смотрю на мохнатые вербешки... — таких уж никто не сделает, только Бог».

2013–2014 гг.

БОРИС БАШИЛОВ

Сперанский и результаты произведённых им реформ

Предваряя статью, протицирую с некими поправками то, что я писал прежде к статье о графе Муравьёве-Амурском: «Четверть века православные иркутяне били челом, осаждали письмами губернские и городские власти, чтобы в Иркутске воздвигли памятник святителю Иннокентию, митрополиту Московскому, апостолу Сибири и Америки, уроженцу Иркутской губернии, небесному покровителю земли Русской, коего славит весь христианский мир. Четверть века я со товарищи слали челобитые здешним властям, чтобы в назидание потомкам в Иркутске был сооружён памятник Восточно-Сибирскому губернатору графу Муравьёву-Амурскому, великому сыну России, что по Ойгунскому договору с Китаем одарил Империю дальневосточными землями, основал вдоль китайской границы русские города. По сей день не запечатлены в улицах, площадях и предместьях, в скульптурных памятниках и прочие иркутяне, особо из благодетельных, богомольных купцов, чьим попечением и вырос дивный град Иркутский. Если нет улиц, площадей и предместий в память о великих иркутянах, святителе Иннокентии Московском и губернаторе графе Муравьёве-Амурском, то уж большевики, кровавые смутьяны и богоборцы — сплошь. К сим сатанаилам иркутские власти ныне добавили и Сперанского — выкроили часть центральной площади, смастерили мастеру статую и обозвали автобусную остановку «Площадь имени Сперанского». И по воле влиятельной городской комиссии по топонимии увековечили прозападного либерала столь подпольно и таинственно, что иркутские писатели, художники, историки, отечески настроенные, ни сном ни духом не ведали о том, что умыслили и утворили городские власти. Думается, власти, либо склонные к прозападной русофобии, либо искушённые доморощенными либералами, господствующими в комиссии по топонимии, лишь потому предпочли святителю Иннокентию Московскому и графу Муравьёву-Амурскому масона Сперанского, что тот был врагом православного духовенства. Но об этом в статье Бориса Башилова, историка, широко известного в России и за рубежом.

Анатолий Байбородин,
главный редактор журнала «Сибирь»

Вспомним характеристику Сперанского, сделанную Л. Толстым во II томе «Войны и мира». «Неприятно поражало князя Андрея еще слишком большое

презрение к людям, которое он замечал в Сперанском, и разнообразность приемов в доказательствах, которые он приводил в подтверждение своих мнений. Он употреблял все возможные орудия мысли, исключая сравнения, и слишком смело, как казалось князю Андрею, переходил от одного к другому. То он становился на почву практического деятеля — осуждал мечтателей, то на почву сатирика — и иронически подсмеивался над противником, то становился строго логичным, то вдруг поднимался в область метафизики (это последнее орудие доказательств он особенно часто употреблял). Он переносил вопрос на метафизические высоты, переходил в определения пространства, времени, мысли и, вынося оттуда опровержения, опять спускался на почву спора. Вообще главная черта ума Сперанского, поразившая князя Андрея, была несомненная, непоколебимая вера в силу и законность ума. Видно было, что никогда Сперанскому не могла прийти в голову та обыкновенная для князя Андрея мысль, что нельзя все-таки выразить всего того, что думаешь, и никогда не приходило сомнение в том, что не вздор ли все то, что я думаю, и все то, во что я верю».

А многое из того, во что верил Сперанский, и то, что он делал, веря в этот вздор, было совершенно неприменимо в России, то есть в конечном смысле оказывалось утопическим вздором. «Сперанский, — пишет профессор Шиман в своем исследовании «Александр Первый», — был франкмасон и возымел странную мысль воспользоваться организацией ложи для близкой его сердцу реформы русского духовенства. Его план состоял в том, чтобы основать масонскую ложу, которая имела бы филиальные ложи по всему русскому государству и принимала бы в братья наиболее способных духовных лиц». Выходец из духовной семьи, учившийся в духовной семинарии, Сперанский был врагом православного духовенства. В одном из своих революционных стихотворений декабрист Рылеев с восторгом писал:

*Сперанский попов обдаёт,
Как клопов, варом.*

М.М. Сперанский имел связь с руководителем Петербургской ложи Иллюминатов немецким профессором Фесслером, которого он выписал из Германии. Австрийский дипломат Сен-Жюльен в письме от 1 апреля 1812 года писал австрийскому правительству, что высшие представители русского духовенства возмущены покровительством, оказываемым Сперанским выпитанному из Германии члену ордена Иллюминатов проф. Фесслеру, открыто высказывавшемуся против христианства. Этот самый Фесслер и посвятил Сперанского в масоны. В близких отношениях был Сперанский и с видными русскими масонами. Известный масон Лопухин просвещал его в духе ордена Розенкрейцеров. Прежде чем стать «гениальным» русским государственным деятелем, Сперанский был домашним секретарём у главы русских масонов, князя А.Б. Куракина, занимавшего, после вступления Александра I на престол, пост генерал-прокурора. Когда Сперанский прошёл достаточную тренировку в масонском духе, Куракин постарался обратить на Сперанского внимание Александра I. Так что связи Сперанского с масонами, и то, что он сам был масоном, — это неоспоримые исторические факты. Сперанский был мистиком в

масонском духе, поклонником теософии. Наиболее даровитых представителей православного духовенства он хотел сделать слугами масонства, этой задаче и был посвящён план создания широко разветвлённых масонских лож, в которые принимались бы только представители русского духовенства. Благодаря стараниям Сперанского Фесслер был назначен в Петербургскую духовную академию профессором философии и еврейского языка»¹.

В брошюре Т. Сократовой «Наполеон в России», изданной в 1912 году в связи с 100-летием Отечественной войны, указывается, что М.М. Сперанский старался во время бесед с Александром I «пополнить образование своего царственного собеседника и прямо таки давал ему уроки по государственному праву». В каком же духе масон Сперанский вёл эти «уроки»? «Хотя Сперанский, — указывает С. Платонов, — и отрицал свою приверженность к Франции и Наполеону, однако в глазах всего общества его близость к французским влияниям была неоспорима». Столь прославленные русской «прогрессивной» печатью «гениальные государственные реформы» М. Сперанского покоятся на идеях французской революции. Идеи эти следующие: источником власти является не наследственная власть монарха, а источником власти является народ. Основой законов должна быть не воля монарха, а воля народа. Верховная власть должна быть ограничена конституцией. Если верховная власть перестаёт выполнять условия, на которых народ предоставил ей власть, — то действия её становятся незаконными и т. д. Власть царей должна быть ограничена конституцией — таков был смысл задуманных Сперанским реформ. А это, как мы знаем, была затаённая мечта русского масонства с первых дней его существования. Замена принципов самодержавия принципами европейского абсолютизма, что было уже большим отступлением от принципов классической формы монархии, уже не устраивает русских масонов, и они хотят ещё больше подорвать монархическую власть в России введением в ней конституционной монархии. Они ясно понимают, что конституционная монархия — это самый верный путь к республике. Сперанский также, как и другие масоны, прекрасно сознавал это. Ведь далеко не случайно именно его, Сперанского, декабристы прочили в первые президенты русской республики, после свержения Николая I. Настоящим автором государственных реформ, приписываемых М.М. Сперанскому, был Наполеон. В монографии «Александр I» профессор Шиман указывает, что во время свидания с Александром в Эрфурте Наполеон «не преминул обсудить с ним в подробных беседах различные вопросы управления». Результатом этих разговоров явился целый ряд выдающихся проектов реформ, из которых важнейшим был проект конституции в России. Петр I в своей революционной деятельности, при разрушении исторически сложившейся в Москве системы управления, исходил из революционного совета философа Лейбница, советовавшего ему одним ударом сломать существовавшие органы управления. «Такой совет Лейбница, — пишет известный знаток русского государственного права Казанский в своей работе «Русское государственное право», — который своей верой во всемогущество учреждений и своими воззрениями на политический строй, как на механизм, имел несомненно большое вли-

¹Пытин А.Н. Общественное движение в России при Александре I / под. ред. Н.А. Котляревского. 5-е изд. Пг., 1918. 544 с.

яние на направление реформ Петра, был прямым отрицанием исторических и национальных основ государственной жизни». Верную оценку деятельности «гениального» Сперанского даёт известный монархический идеолог Л. Тихомиров в своем исследовании «Монархическая государственность»: «...Исключительный бюрократизм разных видов и полное отстранение нации от всякого присутствия в государственном управлении, делают из якобы «совершенных» петровских учреждений, нечто в высшей степени регрессивное, стоящее по идее и вредным последствиям бесконечно ниже московских управительных учреждений»².

«При Александре I стройная французская бюрократическая централизация, созданная Наполеоном на основе революционных идей, пленила русский подражательный дух. Для России это явилось «последним словом» совершенства, и Сперанский, поклонник Наполеона, вместе с Императором, поклонником республики, создали новый строй управления, который в существе своем прожил до Императора Александра II. Учреждения Александра I завершали абсолютистское построение правительственного механизма. До тех пор самое несовершенство управительных учреждений не позволяло им освободиться от контроля. Верховная власть сохраняла характер направляющий и контролирующий. При Александре I бюрократия была организована со всеми усовершенствованиями. ...Способность бюрократического механизма к действию была доведена до конца строжайшей системой централизации. Но где при этих учреждениях оказывалась нация и верховная власть? Нация была подчинена правящему механизму. Верховная власть, по наружности, была поставлена в сосредоточии всех управительных властей. В действительности она была окружена высшими управительными властями и отрезана ими не только от нации, но и от остального управительного механизма. С превращением Сената в высший судебный орган, верховная власть теряла в нем орган контроля». Цель «гениального» реформатора масона Сперанского заключалась в том, чтобы построить такую систему государственных учреждений, при которой бюрократия сможет освободиться от контроля верховной власти в лице Царя и с течением времени незаметно подчинит царскую власть власти бюрократии. Создался опасный для независимости царской власти характер министерств, находящихся почти вне контроля со стороны верховной власти. Это понимали уже современники Сперанского. В 1803 году до начала деятельности Сперанского, гр. Воронцов писал Кочубею: «Вам очень хочется уверить Государя, что невозможен министерский деспотизм, опасения которого Вы называете химерой, потому что де министры суть лица, избранные верховной волей. Но ведь все великие визири в Турции и все министры в Персии и Марокко суть равным образом, лица избранные. Хорошо обеспечение министерского деспотизма».

Опасения Воронцова полностью оправдались. «Отстранение верховной власти от надзора за управительными властями, — верно констатирует Л. Тихомиров, — особенно быстро проявилось при Александре в отношении суда. Повторилась история Петра Великого. Жалобы на решение Сената (как высшего судебного учреждения) были воспрещены. Государь их допустил только в виде монаршего милосердия, то есть в сущности на правах помилования, а

²Тихомиров Л. Монархическая государственность. М., 1998. Т. III. 672 с.

не правосудия. К счастью, как это бывало уже в нашей истории. Государь из получаемых жалоб скоро имел случай убедиться в существовании неправильных решений даже и при «усовершенствованных» учреждениях. Ввиду этого, в 1810 году была учреждена Комиссия Прошений на Высочайшее Имя приносимых, которая принимала жалобы и на решения Сената. Это было третье воскресение челобитной избы, и замечательно, что оно совершилось силою вещей, в полную противоположность теории, нахлынувшей к нам из Европы». То есть жизнь опять доказывала правильность принципа организации многих государственных учреждений, созданных в результате многовекового опыта в Московской Руси. «...Поправкой этому новому порядку, — замечает Л. Тихомиров, — могло бы явиться только возвращение к Московскому типу, при котором самодержавие имело со стороны самой нации помощь в контроле над учреждениями. Смешение русской монархии с абсолютизмом — не допускало этого. Было и другое средство: конституционное ограничение царской власти. Но до этого не допускало монархическое сознание народа и самих царей. Не имея, таким образом, никаких сдержек, развитие бюрократической централизации с тех пор пошло неуклонно вперед, все более и более распространяя действие центральных учреждений в самые глубины национальной жизни. Шаг за шагом «чиновник» овладевал страной, в столицах, в губерниях, в уездах».

Таковы были реальные результаты тех реформ, которые удалось проделать масону Сперанскому и за которые он наравне с Петром I получил от русских историков звание гениального государственного деятеля. Превознося на разные лады «гениальность» и «прогрессивность» политических реформ, задуманных М.М. Сперанским, большинство историков обычно приписывают отстранение Сперанского и ссылку его в Сибирь непостоянству характера и политических взглядов Александра I. Это сознательно ложная трактовка. Дело с ссылкой Сперанского обстоит вовсе не так просто. Тут дело вовсе не в всегда преувеличиваемом двоедушии Александра I. Сперанский ведь был более двоедушен, чем Александр I. Ярким свидетельством двоедушия графа является его поведение после возвращения из ссылки. Он изображает из себя верноподданного служаку и в то же время не протестует против выдвижения его кандидатуры на пост президента русской республики в случае удачи восстания декабристов. Чем можно назвать подобную позицию, как не двоедушием и не изменой присяге! Александр I вовсе не принёс Сперанского в жертву консервативным кругам дворянства. В книге «Тайны Императора Александра I» профессор М. Зызыкин заявляет: «Александр решил выдать Сперанского его врагам, с грустью, с болью в сердце, со слезами на глазах, но выдал, зная, однако, что он не виновен и не предатель». Это типичный образец шаблонной трактовки причин падения Сперанского, обязательно входящий в исторический реквизит русской интеллигенции. Прославленный ею как гениальный русский деятель, М.М. Сперанский не был ни православным, ни монархистом. Это был опасный тайный враг русской монархической власти, вот поэтому-то его так и стараются возвеличить историки из лагеря русской интеллигенции. Имеется целый ряд свидетельств современников, что Сперанский был членом самого революционного из масонских орденов — ордена Иллюминатов. Полковник Полев в докладной записке, поданной Императору Александру I, утверждает,

что Фесслер, посвятивший Сперанского в масоны, Злобин, Розенкамф, Сперанский и ряд других лиц являются иллюминатами. То же утверждает бывший масон Магницкий. Магницкий сообщал Императору Александру I, что он, Магницкий, присутствовал на собрании масонов в саду Комиссии Законов, на котором член ордена Иллюминатов немец Фесслер учредил ложу «Полярной звезды» и что на этом собрании присутствовал и Сперанский. Граф Ростопчин, в представленной в 1811 году Великой княгине Екатерине Павловне «Записке о мартинистах», утверждает, что «они (мартинисты) все более или менее преданы Сперанскому, который не придерживаясь в душе никакой секты, а может быть и никакой религии, пользуется их услугами для направления дел и держит их в зависимости от себя». Александр отстранил Сперанского не только потому, что он острил на его счёт, называя его нашим воданом (Белым быком) и давая другие нелестные отзывы о нём. Сперанский со своими друзьями-масонами вёл какие-то тайные интриги против Александра I, желая подорвать его авторитет и отстранить от активного участия в руководстве государством. Сперанский хотел превратить Александра I в конституционного монарха без объявления конституции.

Саглен передаёт, например, следующий разговор с Александром I, произошедший 11 марта 1812 года. Сперанский, как сообщил Александр I, «имел дерзость, описав все воинственные таланты Наполеона, советовать собрать ему Государственную думу, предоставить ей вести войну, а себя отстранить». «Что же я такое? Нуль, — продолжал Государь. — Из этого я вижу, что он подкапывается под самодержавие, которое я обязан вполне предать наследникам моим». А то, что Сперанский действительно всеми доступными ему способами подкапывался под самодержавие, подтверждает тот общеизвестный факт, что не кого-нибудь другого, а именно Сперанского декабристы намечали быть главой временного правительства. Через пять дней после беседы с Сагленом Александр I разговаривал о действиях Сперанского против него с профессором Парротом. В письме, написанном позже Императору Николаю I, Паррот так описывает свой разговор с Александром I: «Император описал мне неблагодарность Сперанского с гневом, которого я у него никогда не видел, и с чувством, которое у него вызывало слезы. Изложив представленные ему доказательства измены, он сказал мне: «Я решился завтра же расстрелять его и желая знать ваше мнение по поводу этого, пригласил вас к себе». Сопоставьте эту цитату из письма Паррота к Императору Николаю I с цитатой из книги М. Зызыкина, и вам станет ясно, как цинично русская интеллигенция искажает в своих исторических сочинениях подлинные исторические факты. Профессор Зызыкин патетически описывает, что двоедушный Александр «не сумел создать себе опору даже в Сперанском, от которого дворянство сумело его оттолкнуть своим клеветничеством», и что «Александр решил выдать Сперанского его врагам, с грустью, с болью в сердце, со слезами на глазах, но выдал, зная, однако, что он не виноват и не предатель». А лица, с которыми Александр I разговаривал об интригах Сперанского, свидетельствуют о том, что Александр I обвинял Сперанского в подкопе под власть не на основании донесений посторонних лиц, а на основании заявлений Сперанского, сделанных им лично самому Александру. Зызыкин утверждает, что Александр I решил выдать бед-

ного масонского агнца его врагам, «с грустью, с болью в сердце, со слезами на глазах», а профессор Паррот сообщает, что Александр I описал ему действия Сперанского «с гневом, которого я у него никогда не видел». Слёзы же, о которых упоминает Паррот, были следствием не грусти от сознания того, что Александру I приходится играть роль Понтия Пилата, а следствием возмущения предательскими действиями Сперанского. Профессор Зызыкин повторяет масонскую выдумку, что Александр I расставался со Сперанским «с болью в сердце» от сознания того, что он предаёт Сперанского, а профессор Паррот, беседовавший с Александром I, сообщает, что Император спрашивал его мнение о Сперанском, которого «он решился завтра расстрелять» за измену.

Так, либеральные профессора сотни лет искажают и фальсифицируют точные показания современников, переделывая факты русской истории в удобном им духе. Профессор Зызыкин вслед за другими профессорами обвиняет Александра I в том, что он не смог найти опору даже в лице такого гениального государственного деятеля, как М. Сперанский. Но какой опорой мог быть царю масон Сперанский, мечтавший весь русский государственный строй переделывать в духе идей французской революции и которого декабристы, старавшиеся реализовать политические идеалы масонства, прочили в главу революционного правительства! «Интересна судьба Сперанского и Новикова: несомненно, оба были иллюминатами и готовили насильственный государственный переворот в России, но все следы преступления скрыты, никто не разоблачил их измены и преступлений, и они вошли в историю, окружённые светлым ореолом, — Новиков как величайший гуманист и просветитель русского народа, Сперанский как великий государственный реформатор»³. Карамзин верно указывал Александру I, что государственные преобразования совершаемые Сперанским, есть не что иное, как произвольное подражание революционной Франции, которая является очагом революционной заразы и безбожия.

«Одна из главнейших причин неудовольствия россиян на нынешнее правление, — указывал Карамзин, — есть излишняя любовь его к преобразованиям, потрясающим Империю, благотворность коих остается сомнительной». Но Александр I, находившийся в это время всецело под влиянием европейских идей, привитых ему Лагарпом, продолжал дальнейшее строительство «русской Европы».

³Иванов В.Ф. *От Петра I до наших дней. Изд-во ФондИВ, 2008. 536 с.*

АНАТОЛИЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

Кому в угоду перелопачивают Шукшина?

О книге А. Варламова «Шукшин»

В серии ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия» опубликована биография В.М. Шукшина, написанная Алексеем Варламовым. Прочитал, и голова пошла кругом. Навалилась бессонница. Мне нарисовали Макарыча совсем не таким, каким я его знал. В книге бессчётное количество эффектных случаев, фактов, сообщённых конкретными людьми, но в финале каждого случая автор опровергает его правдивость. Зачем же он их публиковал? Чтобы запутался читатель? Однако каждый эпизод, подвергнутый «зачёркиванию», *в контексте книги сочится ядом неприятия личности Шукшина и не скрывает симпатий самого автора к либеральному крылу «нашей литературы».*

Сожалею, что позволил издательству использовать мой фотоархив. Начнём с иллюстративного материала книги. Последний кадр фильма «Печки-лавочки» сопровождает фраза: «Это ещё не конец, нет. Какой, к чёрту, конец! Что ты! Нет!» Для меня эта подпись — начало переименования смыслов. Если бы в книге финал фильма комментировался! Так ведь нет этого. А за настоящий финал столько нервов было изорвано. Оглядывая родные места, Шукшин сам для себя произносил: «Всё, ребята, конец». На сдаче «Печек-лавочек» Макарыч просил художника и меня: «Громче кашляйте, может, проскочим?!» Однако в заключении Госкомиссии был отдельный пункт: «Вырезать финальную фразу “Всё, ребята, конец”». Только после смерти Шукшина её восстановили. А Варламов вырвал эту фразу из письма Василия Макаровича к своему сокурснику Виноградову, написанную совсем по другому поводу.

Подпись под портретом В.А. Кочетова «Товарищ Кочетов мне уже и пропищу в Москве устроил» не соответствует действительности. Макарыч прописался у О.М. Румянцевой, а позже вступил в жилищный кооператив. О ссоре Твардовского с Кочетовым ни одного факта в книге не приводится, и создаётся впечатление, что главным публикатором в «Новом мире» рассказов Шукшина была Ася Самуиловна Берзер, а Твардовский вроде бы и ни при чём. А ведь Шукшин перед каждой публикацией встречался с ним, и даже был разговор о сходстве их судеб, хотя Твардовский осторожничал.

Под фотографией К.С. Мельникова с Шукшиным подпись: «Беспутство — дар русской стихии творить бесценное». Это ёмкое суждение из рукописи Мельникова «Архитектура моей жизни». Без пояснения оскорбляет память присутствующих на снимке собеседников.

О фотографии на съёмках к/ф «Они сражались за Родину». Подпись гласит: «Последняя прижизненная фотография Шукшина». Я сделал её в сентябре 1974 года, за

20 дней до смерти Шукшина. Для меня это последняя моя фотография Макарыча. Но после меня его снимали Марк Дейч, Ковтун, Толчёнова (из софроновского «Огонька») и другие. Если кто из них предъявит права на действительно последнюю прижизненную фотографию Шукшина — я буду лжец.

Обратимся к тексту книги. В главе «Врать буду!» Варламов говорит о том, что на 2-м курсе ВГИКа Шукшин вступил в КПСС, и приводит рекомендацию Михаила Ромма. На самом деле Шукшин поступил во ВГИК уже будучи членом партии. А вот когда он стал партийным, есть несколько версий. И сам Варламов в книге их приводит. На с. 113 цитируется интервью В. Виноградова о том, что ещё на первом курсе ВГИКа к Шукшину приезжал из Сросток отец его первой жены с угрозами обратиться в партбюро института, если Василий не вернётся к его дочери. А в интервью Лидии Александровой-Чащиной на с. 105 говорится о том, что Шукшин вступил в ряды КПСС ещё в армии. Приведённый фрагмент рекомендации Михаила Ромма — на самом деле характеристика В.М. Шукшина, уже снявшегося в фильме «Два Фёдора», и написана она была совсем по другому поводу. Скорее всего, для отделения милиции городка Моссовета, где слушалось дело о драке Шукшина с польским студентом Ежи Тостиком. Конфликт, по версии Макарыча, произошёл из-за того, что Ежи назвал Александра Суворова палачом, а русских — быдлом.

Старейшая сотрудница музея в Сростках, автор книги о Шукшине Галина Ульянова сообщила мне, что осенью 1994 года состоялась встреча членов местной партийной организации. Тогда в музее все вспоминали секретаря райкома Доровских как разумного руководителя, взявшего на себя ответственность и принявшего в партию учителя вечерней школы Василия Шукшина.

В главе: «Я у них учусь», воздав хвалу Коробову, автору изданной в ЖЗЛ в 1984 году книги «Шукшин. Творчество и личность», Варламов целиком приводит эпизод, в котором Коробов утверждает, что Шукшин по дороге в Москву был завербован в воровскую шайку, подтверждая вывод письмом, присланным ему в 1978 году профессором Борисом Никитчановым из Казани. Варламов подчёркивает в финале своё отрицание этого факта, ссылаясь на неточность дат пребывания Шукшина в Казани и в Москве. У читающего же остаётся впечатление, что Шукшин уголовник. В своё время я спрашивал Коробова: «Встречался ли он с профессором из Казани?» Он бросил мне, негодуя: «Я сочинитель и учусь у Василия. Скажи, почему тебя Федосеева ненавидит?»... На том и разошлись... Сегодня, прочтя повторение коробовского вымысла, я попросил С.А. Уханова, живущего в Казани, найти след профессора Бориса Никитчанова. Он через две недели сообщил, что в университете и двух казанских вузах такого преподавателя он не обнаружил. И сам Шукшин до мая 1970 года в Казани не был (поезда из Сибири на Москву ходили по северной ветке через Кунгур на Ярославль, минуя Казань). Пожалуй, пора закрыть «коробовскую версию» для будущего тиражирования. Однако Варламов цепляется за мысль о принадлежности Шукшина к уголовному миру и пишет следующее: «Таким образом, хронологически он не имел возможности долго находиться в уголовной среде, но то, что он мог с ней так или иначе соприкоснуться, как мы увидим дальше, исключать нельзя».

В главе «И я решил побороться с ним» расцветает другая, запущенная по-

сле смерти Макарыча сплетня о том, что Евтушенко посоветовал Шукшину поступать во ВГИК. Дословно привожу текст Варламова: «В книге Владимира Коробова даже называется, хотя и предположительно, имя опытного студента — Евгений Евтушенко. Для романа версия отменная, тем более что самый молодой член Союза писателей СССР Е.А. Евтушенко действительно в те годы в Литинституте учился, и правильно делает наш большой поэт, что этот слух не опровергает. Тут даже скульптурная группа напрашивается: Евгений Евтушенко, указующий Василию Шукшину путь во ВГИК (и будет замечательная перекличка с установленным возле ВГИКа памятником Шукшину, Тарковскому и Шпаликову!)». У Коробова байка приведена для живинки, чтобы увлечь читателя, у Варламова усилена почтительностью перед «большим поэтом». Очевидно, Варламова восхитила композиция у ВГИКа, где Шукшин в обличении «бомжа» сидит на ступенях «альма-матер», соображая, куда метнуть папиросу. Над ним Тарковский рукой сжимает себе горло, другой указывает на сидящего. Представьте перекличку: у Литинститута Евтушенко жестом указывает (охотнорядцу) Шукшину путь во ВГИК, а может, в Америку, где сам ночует и лечится. Рядом юный Варламов — весь внимание.

От опеки маститых творцов Шукшина, бывало, спасали чиновники. Утверждаю, если бы не Николай Трофимович Сизов, генеральный директор Мосфильма, «Калина красная» никогда бы не увидела свет. В книге Варламова у Сизова отчество — Фёдорович, и часто упоминание его в тексте без фамилии. Однако именно благодаря Сизову Тарковский переснял «Сталкера» дважды, Сизов же поручился за его выезд в Италию. Когда отделом культуры ЦК КПСС Сизов был отправлен возвращать его на Родину, Андрей даже не захотел с ним встретиться. По возвращении Сизов был уволен и через полтора года умер. Урна с его прахом в стене Новодевичьего кладбища, напротив могилы Бондарчука. Он был государственным человеком, с ним считались Косыгин и Байбаков, сохраняя его от кляуз «именитых творцов». Он руководил Мосфильмом два десятилетия, а выброшен был в одночасье, с появлением капитализма в России. Шукшин говорил о нём: «Иду к нему как к родной душе. Его замечания всегда вменяемы». Мои слова может подтвердить редактор «Калины красной» И.Н. Сергиевская, она продолжает трудиться в Союзе кинематографистов.

Вернёмся к первой главе, озаглавленной «Не на того напали». Кто на кого нападал? Перечитал, чтобы понять, кому адресовано обвинение. Автор заявляет: «Историю жизни Василия Макаровича Шукшина можно рассказать по-разному. Можно написать героическое сочинение о том, как парень из далёкого алтайского села сумел по-гагарински (или, учитывая фактор землячества, по-титовски) чудесным образом взлететь на высоту своего времени, стать великим писателем, режиссёром, актёром и стяжать прижизненную народную славу, не так часто выпадающую на русскую долю, когда «любить умеют только мёртвых». А можно изложить этот сюжет совсем иначе, обнаружить за всеми шукшинскими удачами и достижениями жёсткий и точный расчёт, нацеленность на успех, ломание чужих судеб — особенно женских. Можно увидеть в Шукшине удачливого конъюнктурщика, прошедшего по самой грани дозволенного, можно — русского советского патриота, а можно — скрытого антисоветчика, лишь прикидывавшегося коммунистом и ловко использовав-

шего преимущества социализма. Можно опознать в нём слово и дело, которые предъявила русская деревня в ответ на то, что с ней творили горожане, чужаки. Можно найти изысканную месть, умное хулиганство в духе его героя из рассказа «Срезал» Глеба Капустина или безобразную антиинтеллигентскую выходку и сослаться на высокомерные слова писателя и киносценариста Фридриха Горенштейна в адрес Шукшина: «В нём худшие черты алтайского провинциала, привезённые с собой и сохранённые, сочетались с худшими чертами московского интеллигента, которым он был обучен своими приёмными отцами. В нём было природное бескультурье и ненависть к культуре вообще, мужичья, сибирская хитрость Распутина, патологическая ненависть провинциала ко всему на себя не похожому, что закономерно вело его к предельному, даже перед ликом массовости явления, необычному юдофобству. И он писал, и ставил, и играл так много, что к концу своему даже надел очки, превратившись в ненавистного ему “очкарика”». Сразу после цитаты — заявление Варламова: «Это высказывание принято называть “некрологом”. Опубликованное много лет спустя после смерти Василия Макаровича и Фридриха Наумовича, оно было обнаружено в архиве последнего и теперь трудно сказать, желал или нет соавтор Андрея Тарковского, чтобы эти строки увидели свет...» Здесь Варламов намеренно неточен: рукопись «Вместо некролога» появилась сразу после смерти Шукшина, и весь год густо распространялась в самиздате и радиоголосах. На сороковинах Шукшина В.И. Белов назвал «Некролог» провокацией и больше нигде не писал об этом. Я в своей рукописи «Шукшин в кадре и за кадром» процитировал Горенштейна ещё в 1976 году без комментариев, как мерзость, говорящую саму за себя. Варламов же сообщает, что на публикацию «Некролога» гневно отреагировали друзья Шукшина, не приводя ни одного слова «гнева», потому как его нет текстуально, а приводит цитату из статьи нью-йоркской газеты «Новое русское слово» от 27 февраля 1972 года писателя-эмигранта Виктора Некрасова под заголовком «Вася Шукшин»: «Многие считали его “почвенником”, русофилом, антиинтеллигентом. Подозревали и в самом страшном грехе — антисемитизме. Нет, ничего этого в нём не было. Была любовь к деревне, к её укладу... Человек он был кристальной... честности. И правдивости... И талант заставлял эту правду глотать. Даже тех, кому она претила. Глотали ж, глотали...» Белов знал это мнение Некрасова и был согласен с ним. И оно же подтверждает, что уже в 1972 году Шукшина сопровождали нападки, которые так ярко сконцентрировал Фридрих, а если учесть, что Некрасов вспоминает о шестидесятих годах, значит, обвинения преследовали Василия всю его творческую жизнь.

Размышляет Варламов и о том, как повёл бы себя Шукшин, проживи он дольше, «на чьей стороне был бы в августе 1991-го, а на чьей — в октябре 1993-го, подписался бы под “Словом к народу” вместе с Василием Беловым или же оказался бы с Беллой Ахмадулиной... которая подписала в октябре 1993 года так называемое “Письмо 42-х”, поддерживающее расстрел Белого дома...». И финал: «Шукшина... невозможно выбросить из русской истории, объявить устаревшим, ненужным, лишним. Не получится, не на того напали».

Но никто, кроме Горенштейна, и не нападает на Шукшина. Варламов внушает читателю, что вместе с Горенштейном на Шукшина нападаю и я, обна-

родовав цитату из рукописи «Вместо некролога». По тексту всей книги видно, что автор перелопатил изрядно материала, но использует только тот, который соответствует его взглядам.

Для чего-то Варламов возвеличивает роль Беллы Ахмадулиной в биографии Шукшина. На самом же деле после фильма «Живёт такой парень» они практически не общались. Я был свидетелем того, как в ЦДЛ он намеренно избегал с ней встреч. А об отношении к Белле — я вспоминаю его афоризм: «Белла — цветок, пробивший асфальт. На большее её не хватит...» (И эти мои слова приводит Варламов на стр. 171, дорисовывая картину своим воображением.) Разве он побрёл бы за ней одобрять расстрел Белого дома? По-своему самоубийственно упоминание имени Василия Белова среди подписавших «Слово к народу». Не было там его подписи — была подпись Валентина Распутина. Такого рода судьбоносные документы отечественной истории надо знать — или вовсе не касаться этой темы.

Чрезвычайно лукаво написана глава «Наш сотрапезник» — о сотрудничестве Шукшина с «Нашим современником». Сделать вид, что подобного журнала не было в литературной судьбе Шукшина, попросту невозможно — и пришлось упомянуть и о публикациях в журнале рассказов, «которые побоялся либо не пожелал печатать “Новый мир”», и о «Калине красной» (первая публикация киноповести в этом журнале), и о его членстве в редколлегии... Но все эти факты обставляются массой оговорок. Сам по себе выбор заголовка для главы (это издевательское наименование дал «Нашему современнику» Ю. Нагибин) говорит о многом. А дальше идёт постоянное педалирование «самости» Шукшина (в чём ему, кстати, никогда никто не отказывал). «...Пытаться привязать Шукшина к какому-либо одному журналу — значит, не учитывать его собственной, автономной линии поведения». К «Нашему современнику» привязал себя сам Шукшин — самые значимые его публикации последних лет связаны именно с этим журналом, и значимость этих его публикаций не идёт ни в какое сравнение со значимостью публикаций в «Сибирских огнях», «Звезде», «Севере», «Авроре» и «Сельской молодёжи», о которых упоминает Варламов. В то время многие авторы печатались в самых разных журналах, но при этом для каждого существовал определённый ориентир, определённый приоритет. И «Наш современник» стал таким приоритетом для Макарыча. Ведь никакой другой журнал, куда он обращался, не принял судьбоносную для него «Калину красную».

Поэтому лишь с недоумением можно воспринять такие фразы Варламова, как «теперь его позвали на этот пир, но едва ли Василий Макарович приглашением сполна воспользовался и сделался завсегдатаем русского клуба». Приглашением Василий Макарович воспользовался как раз сполна. Если бы дело обстояло так, как пишет Варламов, Шукшин стал бы одним из авторов журнала, но не вошёл бы в редколлегию. Этот «вход» стал его выбором, его судьбоносным поступком. И сомнения его перед тем, как дать окончательное согласие (как пишет в своих воспоминаниях С. Викулов), продиктованы были именно мыслью — сможет ли он, вечно занятый в кино, принести полноценную пользу журналу.

«Русофильство» Шукшина — игра», — цитирует Варламов Евгения Попова. Конечно, либералам крайне необходима такая интерпретация личности

Макарыча — по-другому его к себе не привяжешь. Даже ссылкой на предисловие к подборке своих рассказов в «Новом мире». В главе «Земляки» о Пырьеве ничего не придумано. Шукшин действительно встречался с Пырьевым на набережной Яузы по Божьему провидению в 1947–1951 годах, когда работал в Подмосковье, скорее всего, в Щербинке. Осенью 1967 года мы встретились с Макарычем в коридоре Госкино в Гнездниковском переулке, когда Пырьева шельмовали везде, но особо — мосфильмовские «творцы». Вася с горечью наблюдал глумление над бывшим генеральным вершителем мосфильмовских дел. Искал случая обнаружиться и поддержать ошельмованного Ивана Александровича. Тогда говорил: «Вот сделаю последний фильм и приду к нему».

7 февраля 1968 года Пырьев, придя со студии, лёг и умер во сне. Врачи констатировали шесть инфарктов, перенесённых на ногах во время работы. А я ведь волею провидения в 1954 году бывал на Котельнической набережной в квартире Пырьева. Он в то время был депутатом Верховного Совета, избранным от Хакасии. Я не поступил на операторский факультет, не набрал проходной балл. Студент-общественник, обучающийся по направлению из Хакасии, Василий Кирбижеков, будучи на производственной практике, трудился в съёмочной группе у Пырьева. Он насильно потащил меня на квартиру. Конец июля. Когда мы шли по набережной, случился ливень, вымокли до нитки, добежав до подъезда. Вася сразу уговорил консьержку впустить нас. Мы позвонили в квартиру, с нас текло... Иван Александрович поздоровался с Васей за руку и пригласил в кабинет. Он выслушал его бодрые и мои с дрожью сказанные слова... И сразу стал отговаривать идти в киношную артель... «Вот я, — говорил он, — два года сидел над фильмом об Иване Грозном, который поручил мне Иосиф Виссарионович Сталин, а вот он умер. И никому теперь не нужен Иван IV и я — Иван Пятый. А тебя, землячок, если в следующий год не поступишь, а интерес не потеряешь, я устрою ассистентом к оператору, с которым я работаю, кино увлечённых пользуется с удовольствием...» Мы ушли, оставив у его стола лужицы стекавшего с нас дождя. Во всяком случае, в меня вселилась надежда... И на улице сияло солнышко, отражаясь в лужах и мокром асфальте.

Любопытно «внедрение» Варламовым в шукшиноведение Льва Аннинского: «А по-настоящему открыл Шукшина-писателя молодой, острый, внепартийный критик Лев Аннинский. Он его не расхваливал, не приглаживал, не лил елей, но был первым, кто Шукшина запеленговал как Шукшина, не просто как одного из подающих надежды молодых писателей, не просто ещё одного “деревенщика”, сибиряка, бытописателя — он увидел в нём явление неслучайное, ожидаемое, “специалиста по межукладному слою”, представителя и выразителя той массы крестьян, которая покинула деревню ради города и на себе испытала весь драматизм этого перехода. И хотя позднее мама Шукшина сокрушалась, что есть-де в Москве такой зловредный ядовитый Лёв, который про её Васю и пишет и пишет, а что пишет, не понять, хотя были очень недоброжелательны Василий Белов и Анатолий Заболоцкий, относившиеся к Аннинскому как неприятелю или диверсанту, проникшему на их суверенную территорию, на самом деле не пиши Лёв про Васю, не будоражь общественное мнение, не провоцируй критиков и критикесс, на Шукшина и вовсе могли бы не обратить

внимания в 1960-е годы, пропустить как этнографический казус и лишь потом опомниться: это где ж мы все были?»

Мамы в живых уже не было, когда явился Лев Аннинский, она упоминает о другом «Лёве» — Кулиджанове. Зловредный и «ядовитый Лёв», который пишет и пишет про Васю, — Лев Александрович Кулиджанов, у которого Шукшин снимался, и все телеграммы о переделках «Печек-лавочек» подписывались худруком Студии им. Горького Львом Кулиджановым. Суверенной территории ни у Белова, ни тем более у меня не было, потому как территория целиком была у Федосеевой и её фаворитов — от Миши Аграновича до Бари Алибасова...

Шло время. После смерти Шукшина у Лидии Федосеевой не хватило усидчивости и филологической грамотности, и она пригласила Льва Аннинского разбирать рабочие записи, архивы, варианты романа «Любавины», писать предисловие для издания публицистики и записных книжек вышедшей в 1979 году книги. Положительно оценивая публицистику и фильмы Шукшина, в разделе архивных записей Аннинский оставляет только те, которые согласуются с его взглядами. Жаль, не включены письма Л.М. Леонова, Г.В. Свиридова, многие из писем В.И. Белова, а также письма читателей, особенно после статьи в «Правде» о фильме «Калина красная» от бывших и свежих сидельцев тюрем.

В своём письме Леонид Максимович Леонов просил его сосредоточиться только на литературе: «Бог дал тебе талант владеть словом, — писал он (а Шукшин мне это не раз читал). — Перестань заниматься мотыльковым искусством кино».

Я помню первую встречу с Аннинским в 1975 году в кинотеатре «Уран» на Сretenке, которого уже в помине нет, на встрече со зрителями. Встреча шла скучно, пока Аннинский, резко приблизившись к краю сцены, наклонившись над залом, критикуя киноязык шукшинских фильмов, не заявил: «Шукшин — враг интеллигенции». Из зала раздался возглас, как гром: «Сам ты враг!» Лев Аннинский закусил удила: «Кто кричал, что я враг?» Молчание. Лев повторил вопрос... Молчание. «Трус всегда действует втёмную!» Мужик среднего возраста и роста поднялся с места. Аннинский с ленинским жестом вытянутой руки произнёс: «Вон из зала!» Мужик недвижим. Лев повторяет: «Вон из зала». Дежурные тётки вывели мужика из зала, открыв дверь на улицу. В зале воцарилось неловкое молчание. Вопросов больше не последовало. За кулисами я спросил Аннинского: «Ну что, победил?» Мы с ненавистью посмотрели друг на друга. С того времени, изредка пересекаясь на мероприятиях, мы проходим мимо друг друга молча по сей день.

При жизни Шукшин как писатель был не слишком известен, четыре тоненькие книжечки вышли малым тиражом, а публикации в периодике до широкого читателя не доходили. А за пять лет после смерти опубликовано больше сотни массовых изданий, и спрос на них рос, часто измерялся килограммами сданной макулатуры или покупкой лотерейных билетов. Сегодня Аннинский в предисловиях ко многим книгам нигде не называет Шукшина врагом интеллигенции, а расплывчато ценит его писательское дарование и обаяние актрисы Федосеевой. За прошедшие годы и до сего дня суверенной территории Шукшина ни Белов, ни тем более я не топтали. И это не потому, что Лев Аннинский хозяйничает в архивах Макарыча, а потому что не хотели вторгаться в личную и семейную драму Шукшина.

А ещё страшнее слух идёт, что Варламов в прессе объявил, что собирает материал для биографии В.И. Белова. Помнится, какой была оголтелой критика на роман Белова «Всё впереди», и только единственный отзыв самого Варламова в «Литературной газете» звучал в его защиту. А теперь в книге о Шукшине Варламов утверждает, что именно Белов влѣк Шукшина к ксенофобии в главе «Пил и антисемитствовал». Господи, не попусти осуществить фарисейский труд!

А о том, как сегодня «будоражится общественное мнение и провоцируются критики и критикессы» по поводу творчества Шукшина, можно судить из выступлений на научно-практической конференции на тему «Герой Василия Шукшина как воплощение национального характера», которая состоялась во ВГИКе 15 октября 2004 года. Все должностные профессора-киноведы, говоря о Шукшине, до сих пор непременно адресуются к Тарковскому, впрямую или подтекстами подводя: «Он-де кинокультура, а кино Шукшина — лапотный натурализм, и говорить-то не о чем». Завкафедрой драматургии Ю.Н. Арабов, кроме «розового» фильма «Живѣт такой парень» (спасибо, что не голубого!), во всѣм творчестве выделил «алкогольную» вину Василия Шукшина перед репрессированным отцом и Родиной со ссылкой на «комплекс Павлика Морозова». Правда, по мнению мэтра киноматематики, светлое отношение всё-таки проявлено к женщине-матери. Остальные персонажи так, мол, или иначе ущербны. Своим творчеством Шукшин и, не в меньшей степени Николай Рубцов, по его мнению, констатируют угасание русской нации. Спасут только многомиллиардные дотации какого-нибудь международного сообщества для двух-трѣх поколений русского люда, а также сильная кровь и организованность еврейского племени. Вопиюще звучал приговор доктора искусствоведческих наук Кирилла Разлогова, что феномен Шукшина равновелик группе «Тату»: «Стоит подумать о создании международного семинара, пригласив на него авторитетных критиков, где-нибудь в центре Помпиду или в другом Еврограде, а может быть, в Японии, и проанализировать природу долговременного интереса зрителя к криминальной романтике кинофильма “Калина красная” и группе “Тату”...»

Но вернусь к теме статьи. За годы, прошедшие после смерти Василия Шукшина, вышли две его биографии в серии ЖЗЛ и несколько биографических сборников. Авторы в основном пользуются наработками друг друга. Фантазии, домыслы и мифы переходят от одного автора к другому. Изменить эту ситуацию, на мой взгляд, может полный личный архив Шукшина, который доступен сегодня не всем. Улучшило ситуацию барнаульское издание 9-томного собрания сочинений В.М. Шукшина 2014 года. Только государству по силам к 100-летию Шукшина озаботиться полным изданием личного архива писателя и режиссѣра без купюр!

И, наконец, о своей скромной персоне. Приведа большой отрывок из моих воспоминаний «Шукшин в кадре и за кадром» в главе «Кому дают читать протоколы — не жилец» и указав на то, что я якобы перепутал художника Петра Нилуса и писателя Сергея Нилуса (подлинного художника слова), Варламов снабдил цитату «успокаивающим» примечанием: «...Ошибка... не в укор меуаристу, а как свидетельство того, что Анатолий Дмитриевич не принадлежал на момент своего высказывания к профессиональным конспирологам и борцам с масонским заговором». Спешу успокоить биографа: к профессио-

нальным конспирологам я не принадлежал и не принадлежу по сей день. А что касается «заговора», то пусть лучше он попробовал бы опровергнуть самого Шукшина — его впечатление от чтения «Протоколов сионских мудрецов» («Жизненная сказочка — правдивая. Наполовину осуществлённая»).

В заключение приведу интимно-личное письмо матери Шукшина ко мне. Даже по этому небольшому документу читатель сможет ощутить, в какой тревоге она существовала в своей «однушке» в Бийске. В живом прочтении от Шукшина я слышал много дневниковых записей и писем, которых сегодня в обороте нет. Письмо Марии Сергеевны послужило толчком к созданию фильма «Слова матери». Поддержки в Москве я не нашёл, а помог мне «Беларусь-фильм» получить камеру и плёнку на четыре дня и снять Марию Сергеевну, записать её живое слово, дающее представление, откуда вынырнул Шукшин. Увидеть фильм она не успела.

Письмо мне Марии Сергеевны Шукшиной (Куксиной) (через год после смерти сына)

Добрый день, дорогие мои Толя и жёнка Ваша! Толя, получила я твоё письмо, спасибо, милый, спасибо за заботу, за добрые слова. Толя, насчёт зубов я тоже думаю весной. Да погодить бы. Толя, говоришь, с Лидой говорил. Толя, милый, да я всё понимаю, ну, как-нибудь устроимся, разве я не вижу. Ну, Толя, большое спасибо за заботу. Толя, милый, будь ты мне родным сыном. Помоги, ради Бога. Да как ещё у меня здоровья хватит загадывать, ну, там Бог подскажет. Увидим, может, сами к весне приедете. Василия Белова тоже надо, но адреса не знаю, а он сам не напишет. Толя, может, когда отпуск будет, приехал бы. Слава сулил письмо написать, ан нету, всё на работе некогда. Как у него там дела идут? Толя, я, когда была в Москве, Лида мне говорила, Вас к премии и Васю посмертно. Но получила или нет, охота узнать. Она нам не пишет. Я ей писала, писала и сейчас написала, я, наверное, думаю, надоела. Ну, ладно, Толя, спасибо. До свидания. Будьте здоровы. С уважением и любовью Мария Сергеевна. Толя, только весной будем с зубами. Пока всё. Будет время, напиши.

Слава Богу! Несмотря на негатив пророчеств для русских «авторитетной» профессуры ВГИКа, смыкающейся с выкладками Фридриха Энгельса о русском мире, опубликованными ещё в XIX веке... Жив курилка! Редко случаются знаковые события. Совсем недавно на Страстном бульваре появился полноценный памятник А.Т. Твардовскому, на постаменте которого почерком поэта нацарапаны четверостишья. Одно из них в далёкой Тимонихе и в Москве всегда было на слуху у Василия Белова:

*С тропы своей ни в чём не сступая,
Не отступая — быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая,
И чью-то душу отпустила боль.*

Разве это не чудо, держащее Русь на плаву! Как и чудо Осляби и Пересвета в одном лице Фёдора Конюхова, облетевшего Землю на воздушном шаре

скорее всех в мире с первой попытки и с мировым рекордом!.. Воодушевимся и судьбой Валентина Григорьевича Распутина, весь земной срок не сослужившего с Русского национального поля. Выживем!

P.S. За последние годы А. Варламов стал одним из основных авторов, обильно чуть ли не ежегодно снабжающих серию ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия» жизнеописаниями исключительно известных русских людей: Г. Распутина, М. Пришвина, А. Грина, М. Булгакова, А. Платонова, А. Толстого, В. Шукшина. А сейчас он не покладая рук работает над книгой о Василии Ивановиче Белове. Его необыкновенную плодотворность и важные мировоззренческие устои высоко оценил бывший ректор Литературного института им. А.М. Горького Сергей Николаевич Есин, мнение которого для наших читателей и для отечественной истории особенно важно, потому что и сам Есин, до того как Варламов стал ректором Литинститута, руководил этим прославленным заведением более 15 лет.

Позвонил мне народный «шукшиновед» Сергей Рехтин и обратил моё внимание на «Дневник» Есина за 2014 год (М. : Академика, 2017). «Весь день получал удовольствие и читал прозу Варламова. Начал, как подхалим, закончил, пожалуй, как поклонник. Очень мы с ним похожи в одном — у обоих важной компонентой является такой актуальный в России еврейский вопрос. Разве я мало об этом писал? Прекрасные собеседники, люди, как правило, интересующиеся литературой и общественной жизнью. Меня уже довольно давно заинтересовало, почему так отчаянно несколько лет назад М.Е. Швыдкой похвалил А.Н. Варламова. Собственно, ответ нашёлся — дело даже не в упоминаниях, а в акцентах. В варламовской «Еврейке» — русский-то мальчик рядом с ней оказывается говнюком, в «Вальдес», где действует девушка-полукубинка, русские мальчики, а их трое, тоже оказываются слабаками. К этим моим поверхностным соображениям можно присовокупить и содержание очень большой документальной повести «Ойоха». Это о семимесячном, кажется, пребывании Алексея в Америке, в некоем интернациональном доме творчества. Америка страна богатая, ухоженная, её службы финансируют многое. Много там и наших соотечественников, многие, естественно, с еврейскими корнями. Ну, а здесь уже прёт наша минувшая действительность с её лагерями, сроками, войной, но и с чудесной еврейской сплоткой. Здесь Варламов, как Горький. Наверное, объективно, я ведь тоже очень многим обязан и Борису Иоффе, и Семёну Беркину, который брал меня на радио, и я их, как моих спутников, люблю и высоко чту, и память о них храню. Продолжать не стану, буду читать дальше и получать удовольствие — проза умная, добрая, расчётливая, интеллектуальная и по письму традиционно-русская» (с. 409).

Мне остаётся только добавить, что бывший министр культуры, а ныне специальный представитель Президента по международному культурному сотрудничеству М.Е. Швыдкой, «хваливший Варламова», в своё время прославился тем, что организовал и выпустил на телевизионном канале «Культура» передачу на тему «Русский фашизм страшнее немецкого?»

ВЕРА ХАРЧЕНКО

ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ЗАВ. КАФЕДРОЙ ФИЛОЛОГИИ БЕЛГОРОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Идеал семейного уклада

О РАССКАЗЕ В. РАСПУТИНА «ЖЕНСКИЙ РАЗГОВОР»

Сначала — о жанре. Жанр рассказа у нас, что называется, не в чести. Библиотекари признаются, что сборники рассказов читателями берутся хуже всего остального. Но, может быть, в этом немного виноваты и мы, филологи, не создавая вокруг того или иного рассказа необходимую инфраструктуру, зону интереса и притяжения, то напряжённое, заряженное поле, которое бы побудило и прочесть, и потом не единожды возвратиться к столь короткому тексту? Недостаточное внимание социума к жанру рассказа иногда объясняют «родными просторами» (Россия — океан суши!), но как тогда объяснить, что и суперобъёмный, сверхпротяжённый текст, в частности бытовавший во Франции «роман-река», также не задействован по принципу: нет спроса — нет предложения? Кстати, «инфраструктуру» рассказа хорошо поддерживает киноиндустрия. По «Урокам французского» В.Г. Распутина снят замечательный фильм, а после просмотра возникает стойкое желание прочитать (или перечитать) сам рассказ, поскольку зрителю, оказывается, мало видеоряда, ему подавай ещё и внутреннюю оптику — слово с его художественной бесконечностью и глубиной, подавай по той причине, что наше подсознание структурировано словами, а не образами.

Теперь о тематике. Перестройка будто бы сняла запрет на изображение интимной стороны любви. Появились довольно откровенные тексты — не для чтения вслух. Казалось бы, что проще? Здесь каждый пишущий считает себя специалистом, однако язык описания может сыграть злую шутку с автором. В. Новиков справедливо сетует: «Ох уж эти медицинские термины! Они порой шибают в нос ещё больше... Всё-таки название вещей своими именами — это только первичный уровень письма, речь же художественная, как ни крути, есть система переименований»¹. Нельзя умолчать и о на шумевшей не так давно трилогии «Пятьдесят оттенков» ЭЛ Джеймс². Один читает с интересом, удивляясь, что бесконечно повторяющиеся постельные сцены при чтении не приедаются, а другой, открыв и прочитав пару страниц, тут же закрывает книгу и даже выбрасывает её подальше от детей на мусорку (именно там мы и обнаружили этот трёхтомник!). Между тем разгадка популярности — в богатыйшем языке описания, хотя это переводной текст, а значит, какая-то часть смыслов невозвратно утрачена³.

¹Новиков В. Роман с языком, или Сентиментальный дискурс // Роман с языком. Три эссе. М. : Аграф, 2001. С. 286.

²Джеймс ЭЛ. Пятьдесят оттенков серого. Пятьдесят оттенков темнее. Пятьдесят оттенков свободы: трилогия. М. : Эксмо, 2012.

³Справедливости ради отметим, что в литературе бывают случаи, когда перевод оказывается лучше оригинала, как получилось с переводами романов Александра Дюма на русский язык.

Мы пишем об этом потому, что речь у нас пойдёт тоже о языке, но о языке нашем, русском (Максим Горький называл русскую литературу самой целомудренной в мире!), о том удивительном языке, на котором написан рассказ Валентина Распутина «Женский разговор».

Сюжет рассказа предельно прост. Шестнадцатилетняя внучка, сделавшая аборт, привезена в деревню к бабушке на перевоспитание⁴. И в одну прекрасную ночь у Вики с бабушкой разговор заходит о самом интимном. О таинстве брака, о ценности целомудрия, об умении женщины стать для мужа солнышком, светом. Здесь Валентин Распутин нащупал белое пятно, требующее разъяснения, тонкого и глубокого отображения, писательского света в промежутке между священным требованием *«Вопросы пола должны быть закрыты от обсуждения»* (о. П. Флоренский) и чрезмерной подчас откровенностью современной литературы (А. Кабаков, М. Вишневецкая и др.).

Вместе с Викой будто бы и мы задаём бабушке Наталье непростые и жгучие вопросы: *А как у вас было с дедушкой? А что, раньше не случилось, чтобы без свадьбы? А что говорили?* Но каким же дивным языком отвечает своей бедовой внучке на всё это старая женщина! Это тот самый народный, «распутинский» язык, который не то что превосходит, но необходимо и прекрасно дополняет изыски профессиональных художников слова.

Были, были, Виктория, внученька ты моя бедовая, — с истомой, освобождая грудь, шумно вздохнула Наталья. — Были такие нетерпии! И замужж потом выходили. А бывало, что и жили хорошо в замужестве. Но ты-то с лёжи супружьей поднялась искриночкой, звёздочкой, чтоб ходить и без никакой крадучи светить. Ты хозяйка там, сариса. К тебе просят, а не ты просишься за-ради Бога. А она — со страхом идёт, со скорбью. Чуть что не так — вспомнится ей, выкорится, что надкушенную взял. Будь она самая добрая баба, а раскол в ней, терния...

Золотыми словами Наталья выправляет душу юной девушки — и про «надкушенное яблоко», которое при ссоре вспомнется, и про то, что слова со стороны мужа, которых так жаждет любая женщина, и не нужны вовсе (есть же взгляды, касания), и про слияние (ср. библейское: *и будут они одно целое*).

...К нему прижаться потом надо, к родному-то мужику, к суженому-то, — и подчеркнула «родного» и «суженого», поставила на подобающее место. — Прижаться надо, поплакать сладкими слезьми. А как иначе: всё честь по чести, по закону, по сговору. А не по обнюшке. Вся тут, как Божий сосуд: пей, муженёк, для тебя налита. Для тебя выросла, всюю себя по капельке, по зёрнышку для тебя сневестила. Потронься: какая лаская, да чистая, да звонкая, без единой без трещинки, какая белая, да глядистая, да сладкая! Божья сласть, по благословению. Свой он и есть свой. И запах свой, и голос, и приласка не грубая, как раз по тебе. Всё у него для тебя приготовлено, нигде не растеряно. А у тебя — для него. Всё так приготовлено, чтоб перелиться друг в дружку, засладить, заквасить собой на всю жизнь.

⁴Тема абортотражена в рассказе Н. Сухиной «Делос», в рассказах Марины Арбатовой «Аборт от любимого», «Меня зовут женщина», не говоря уже о классическом описании криминального аборта, приведшего к смерти героини, в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон».

У нас в заводе не было, чтоб нежности друг дружке говорить. Взгляда хватало, прикасання. Я его до каждой чутельки знала.

Колоссальная энергия смыслов заложена в этом небольшом распутинском рассказе, который хочется перечитывать и, что мы сейчас и делаем, переписывать.

Выходили в деревне и в шестнадцать годочков, как тебе... Так выходили доспевать в мужниных руках, под прибором...⁵ <...> У людей пожеланье, угаданье друг к дружке должно быть. Как любиться, обзаимность учит. Тяготение такое. У бабы завсегда: встронь один секрет, а под ним ещё двадцать пять. А она и сама про него знать не знала.

Когда он прикасался ко мне... струнку за стрункой перебирал, лепесток за лепестком. Чужой так не сумеет.

В этом рассказе художественно выражено то, о чём писал К. Леонтьев в письме В.В. Розанову: «Да убоится жена мужа своего». Не то чтобы, значит, коленки тряслись, а чтобы не обидеть ненароком, чтобы муж чувствовал себя главой семьи⁶. Хорошо об этом же пишет в своей статье С. Михайлов: когда мужчина главный в семье, то и в государстве царит порядок⁷. Вот небольшой эпизод из жизни. Мне давно хотелось при приезде в Тверь побеседовать с Аней, женой священника, в свои-то 37 лет ставшей матерью уже 9-х детей. Когда моя знакомая позвонила Ане и попросила о встрече, то та сказала, что спросит разрешения у мужа. Эка невидаль — небольшой разговор! Но и какое уважение к главенствующему в семье! Заметим, что о. Сергей разрешил, и наша беседа 20 марта 2016 г. состоялась. «Муж жене — отец, жена мужу — венец». К сожалению, позабыта нынче эта пословица.

Мы не можем говорить о «тайнстве брака» без разговора о психологии брака, а это по определению драматическая психология, влияющая на интимные отношения, подчас искажающая их.

Содержательная ценность, или, как принято в сугубо научных исследованиях писать, актуальность этого небольшого рассказа видится ещё и в том, что шестнадцатилетняя внучка уже выработала в себе не без влияния глянцевого журналов и СМИ образ сильной, независимой, целеустремлённой женщины. Этот будто бы вынужденный, востребованный идеал женщины присутствует в «коллективном бессознательном» в стране, где лучших мужчин продолжают выкашивать войны, впрочем, не только войны. Бабушку Наталью этот уверенный в себе образ совершенно не привлекает: *Да не надо сильнее. Надо любее. Любее любой.*

*Как есть гончая на задних лапах. Ни кожи, ни рожи. Выдохнется при такой гоньбе — кому она нужна?*⁸ *Нет, Вихтория, не завидуй. Баба своей, бабьей породы должна быть.*

⁵Уместно напомнить здесь и старинную пословицу: *Молодой месяц не всю ночь светит.*

⁶Мы давно уже привыкли к улыбочкам и шуточкам при чтении свадебного апостола, когда диакон возгласит: «А жена да убоится мужа своего!» А шуточного и «несовременного» тут нет ничего. Хорошая жена должна хоть вид подчинения показывать, если у неё и нет настоящей боязни. Разумеется, и у апостола Павла тут дело идёт не о том, чтобы у всякой жены ноги подкашивались от страха при взгляде на мужа, но о духовном страхе, о страхе согрешить не только изменой, но и всякими мелкими сопротивлениями и словесными оскорблениями, на которые так падо большинство женщин» К. Леонтьев. Письмо В.В. Розанову от 24 мая 1891 г. // Волга. 1990. № 1. С. 121.

⁷Михайлов С. Вперёд к Домострою. Размышления о семье и вере // Москва. 2013. № 8. С. 153-159.

⁸О том же и пословица: Муж любит жену здоровую, сестру — богатую. Баба скачет задом-передом, всё у неё станет своим чередом.

И ещё один диалог о лидерстве женщины.

— *А живёт-то она со своим мужиком, нет?* — *Всё равно ничего не понять, но хоть это-то понять Наталье надо было.*

Вика споткнулась в растерянности:

— *Когда ка-ак... Это не обязательно.*

— *Ну, прямо совсем полная воля. Как у собак. Господи!*

Отношение к мужу, получается, это ведь тоже творчество. Школу такого отношения раскрывает Джек Лондон в романе «Лунная долина»: «Жена должна воплощать в себе многих женщин. И если вы хотите, чтобы ваш муж вас любил, вы должны воплотить в себе всех женщин на свете. Будьте всегда новой, иной. Пусть на вас всегда сверкает утренняя роса новизны, будьте ярким цветком, который никогда не раскрывается вполне и потому никогда не вянет. Будьте целым садом, полным всегда новых, всегда свежих, всегда неожиданных цветов, и пусть мужчина не воображает, что в этом саду он сорвал последний».

А вот как о творческом отношении к суженому в рассказе Валентина Распутина говорит Наталья.

Работой я в ту пору не избита была, из себя аккуратная, улыбистая. Во мне солнышко любило играть, я уж про себя это знала и набиралась солнышка побольше.

Обратимся теперь к некоторым другим характеристикам рассказа. Всё повествование (далеко не только народная речь Натальи), как всегда у Валентина Распутина, строится на хорошем языке, который художественно воплощает и когницию (знания), и эмоции, и ощущения — перцепцию в совокупности всех пяти её модусов.

День отстоял на славу — солнечный, яркий, искристо играли тугие снега, берущиеся в наст, звенькало из первых сосулек, загорчил первым подтаем воздух. За Ангарой, после заката, долго горело растекающееся зарево и долго томилось, впитываясь внутрь, долго потом уже новым, не зимним мягким пологом лежала по белому полю нежная синева. Но ещё до темноты вошло и разгорелось звёздное небо с юным месяцем во главе и пролился на землю капельный, росистый сухой свет.

О да, здесь и слуховой образ (звенькало), и вкусовой с обонятельным (загорчил... воздух), и тактильный (тугие снега, сухой свет) при ведущей роли, конечно же, ослепительных зрительных образов. Причём высокоточная передача фенологических, погодных характеристик именно в это время в этой географической точке, чем славился И.С. Тургенев и что отмечали у классика специалисты-географы⁹, делает честь автору. Но и это ещё не всё. В приведённом только что отрывке имеет место концентрация всех четырёх стихий: воды (Ангара), огня (зарево солнца), воздуха, который загорчил подтаем, земли: *искристо играли тугие снега, пролился на землю.*

А вот горестный пейзаж умирающей деревни на берегу Ангары:

...Прошли те времена, когда электричество всякую минуту было под рукой. Сковырнули за-ради него ангарские деревни, свалили как попало в одну кучу, затопили поля и луга, порушили вековый порядок — всё за-ради электричества, а им-то и обнесли ангарские деревни, пустив провода далеко в стороне.

⁹Михайлов Н.Н. Чёрствые именины // Новый мир. 1974. № 2. С. 142-181.

Разруха вокруг — разруха в семейном укладе. А ведь традиции очень энергоёмки. Утрачены традиции — убывает энергия на главное дело. Листаю альманах «Возвращение», издаваемый в одном из районов Белгородской области. Больше всего удивляет эпизод, когда пятнадцатилетняя школьница публично заявила выношенное в себе: она собирается нарожать столько детей, сколько Бог даст¹⁰. А вот признание женщины доцента, которой врач-гинеколог поведал: *«Если женщина любит мужа, у неё никогда не будет гинекологических заболеваний!»* (сент. 2008 г.) Приведём сентенцию другого врача-гинеколога из выступления перед будущими мамами: *Половая жизнь женщины не должна прекращаться никогда. Это наша молодость, это здоровье!* (окт. 1979 г.) Сентенция эта соотносима со старинной пословицей: *Живот на живот — все заживёт!* Получается, мы болеем... от страха забеременеть? Денег нет? Но ведь бытовало уверенное: *Бог даст ротик — даст и кусочек*. Сил нет? Но ведь говорили же: *Бог по силам крест налагает!* Или ещё короче, универсальное: *Господь управит!*

Да, Павел Флоренский прав: вопросы пола должны быть закрыты от обсуждения. Этот рассказ предназначен для тихого, «личного» чтения, вчитывания и перечитывания. Этот рассказ необходим как невидимая эстафета добрых традиций, тех самых, сумму, совокупность, гармонию которых частично разрушили политики, частично — мы сами.

Всё это мы пишем к тому, чтобы всенепременно рекомендовать молодым девушкам, старшеклассницам, подросткам прочитать этот рассказ, но обсуждать его, расспрашивать о впечатлении вряд ли стоит. В третий раз повторим: «Вопросы пола должны быть закрыты от обсуждения», хотя и сюжет рассказа «Женский разговор», и материалы нашей, посвящаемой этому рассказу статьи будто опровергают этот лейтмотив. Вообще, не лишне ставить вопрос не только о закрытых элитных учебниках, в которых бы увлекательно отражались тайны профессионалов своего дела¹¹, но и о закрытом списке рекомендуемых для подростков текстов, но без проверки прочтения и, тем паче, без обнародования мнений. Рассказ В.Г. Распутина «Женский разговор» как раз и относится к этому списку.

¹⁰Возвращение: духовно-просветительский альманах. Белгород — Губкин — Ракитное. 2016. Вып. 1. С. 131.

¹¹Думается, мы несколько переборщили с требованиями передачи опыта, доставившегося его обладателю подчас слишком дорогой ценой. Кому, когда и что именно передавать — это прерогатива интеллектуальной собственности.

ВАСИЛИЙ КОЗЛОВ

«Цыганочка» с выходом

НЕ СОВСЕМ ИРКУТСКАЯ ИСТОРИЯ

В газете «Московский комсомолец» (МК Байкал 12281) (14–21 марта 2018 г.) опубликована беседа Светланы Михеевой с Виталием Диксоном под названием «Почётный интеллигент Монголии». О провинциальном поэте Анатолии Кобенкове, не прочитанном в провинции.

Беседе предшествует вступление: «На прошлой неделе исполнилось бы семьдесят Анатолию Кобенкову, большому провинциальному поэту, который наряду с Распутиным и Вампиловым в среде литераторов опознается как символ иркутской литературы. Он приехал с Дальнего Востока, обосновался сначала в Ангарске, а затем, по приглашению старых писателей, перебрался в Иркутск — и прикипел к нему. Вынужденно, под давлением обстоятельств покинувший Иркутск в середине двухтысячных (он умер в 2006-м, это в начале 2000-х. — *В.К.*). Кобенков очень скоро умер в Москве. В последние иркутские годы Кобенков подвергался настоящей травле со стороны «патриотически» настроенной общественности — совместно и одновременно с режиссёром Вячеславом Кокориным, писателем Виталием Диксоном. Об этом вспоминает Виталий Диксон, многолетний друг Кобенкова».

Попробуем расшифровать сказанное. «Большой провинциальный поэт» звучит иронично, примерно так же, как «широко известный в узких кругах», но «наряду с Распутиным и Вампиловым в среде литераторов опознается (т. е. не опознан ещё? — *В.К.*) как символ иркутской литературы».

Ряд выбран высокий, но хочу уточнить, и с этим трудно спорить: и Распутин, и Вампилов принадлежат мировой литературе, а иркутских символов за годы можно выбрать с десятков, и может, не один.

1

Я знал Анатолия Кобенкова с самого начала его жизни в Ангарске и до отъезда в Москву. Мы были друзьями, но со временем наши отношения охладели.

Творческая судьба Анатолия Кобенкова складывалась удачно. Его поэтический талант был рано замечен и отмечен. Стали выходить сборники. Его приняли в Союз писателей СССР, в то время общий для всех. В Ангарске — Иркутская писательская организация принимала в этом участие — Анатолий получил роскошную по тем временам четырёхкомнатную квартиру, я бывал у него в гостях, иногда, мы излишне увлекались литературными разговорами и засиживались за столом, я оставался у него ночевать.

Мне нравились его юношеские стихи, его еврейские мотивы, где искренность детского восприятия сливается с национальным мироощущением, некоторые другие. Истинная поэзия возникает и живёт только в национальном ядре, потому и непереводаема. Я и сейчас помню давние его стихи наизусть.

Замечу, что мы общались и после тех событий, о которых пойдёт речь, я приходил в Дом литераторов им. Марка Сергеева, где в то время располагалось отделение Союза российских писателей, и он изредка заходил в Дом литераторов на Степана Разина, мы, несмотря на разногласия политические, идеологические, литературные, могли говорить о чём угодно и сохраняли общение до его отъезда в Москву. Но, естественно, оно не оставалось таким же дружеским, как вначале.

В Иркутск он переехал после того, как разошёлся с первой женой, и легенда Диксона о «мастодонтах» не имеет отношения к правде. Причина была банальной: с молодой женой он поселился в квартире, за которую для него хлопотал, между прочим, Ростислав Филиппов, бывший в то время, секретарём Иркутской писательской организации, или главным редактором Восточно-Сибирского книжного издательства, человек уважаемый, его-то Виталий Диксон и производит в ранг чуть ли не главного «гонителя фараонов»: «Когда доставалось Кокорину, то прилетало и Кобенкову. Когда власти и местная интеллигенция в лице Ростислава Филиппова попытались осадить Кокорина после спектакля «Каин», подключили прессу, Кобенков жёстко встал на его позицию, чтобы защитить право режиссёра на свободу творческого высказывания».

Подаётся так, что против Кокорина «восстали все силы зла», да нет же, были и защитники. Шёл откровенный спор, в котором каждый отстаивал свою точку зрения. И начался он не с «Каина» и «Каином» не закончился. Вот что писал Ростислав Филиппов в статье «Какой театр нам нужен?»:

«За последние месяца полтора и в «Советской культуре», и в местных газетах появилось несколько статей по поводу ухода из Иркутского ТЮЗа его главного режиссёра. Причём уход этот преподносится нам, читателям, таким, что он сродни, пожалуй, не меньше, чем уходу самого Льва Толстого из Ясной Поляны. Светлана Жартун так и начинает свою статью в «Восточке» стилем трагически-эпическим, что ли: «Из Иркутского ТЮЗа ушёл Вячеслав Кокорин».

Вообще говоря, провинциальные главные режиссёры редко работают в одном театре по гроб жизни. Но тут дело подаётся так: административная наша система, как ей и положено, согрешила в очередной раз — изгнала из театра режиссёра-новатора».

За Кокорина стеной встали и ответственный секретарь Иркутской организации Союза театральных деятелей С. Жартун, и отдел культуры этой газеты, и бывшая заведующая литературной частью ТЮЗа О. Баталина. Понятно, и авторы эти, и отдел культуры «Восточки» — давнишние и верные апологеты бывшего главного. Из года в год мы читаем их разнообразные материалы и о самом главном, и о его взглядах на театр в разнообразном же положительном духе.

Но даже из этих, открыто давящих на общественное мнение статей, которые объявились залпом, словно по сговору, выясняется, что наш герой, которого газеты выставляют мучеником своего новаторства, в общем-то от административной системы (имеется в виду областное управление культуры) не много и претерпел. Заявления об уходе у него не просили и не требовали. Сам подал. А когда подал, то, по свидетельству О. Баталиной, «пытались удержать его всеми способами». Вот даже как! Так в чём же коварство администрато-

ров? Выписываем из той же О. Баталиной: «не выполнили только одно условие бывшего главного режиссёра: отказались сменить в театре директора».

Вот так. Никто не ограничивал «право режиссёра на свободу творческого высказывания», пресса поддерживала. Конфликт был внутри коллектива и упирался в непримиримость характера самого режиссёра.

2

В писательской среде в те годы шла жёсткая, жестокая полемическая борьба, но разве можно сравнить её с расстрелом Белого дома с реальными человеческими жертвами? Разве Распутин, если пользоваться диксоновской терминологией, не травили? По всей стране, а не только в Иркутске. Приведу несколько примеров, но не для того, чтобы спустя десятилетия обвинять и призывать к отпущению, а как документ эпохи, показатель накала страстей и ненависти, до которой может опускаться человек (цит. по: Гурулёв А. Остановиться... и оглянуться. Воспоминания о Распутине. Иркутск, 2017).

«Не избегал подобных ярлыков и Валентин Григорьевич. Особенную лёгкость стиля обрели либеральные издания, попутно овладев редкой прозорливостью и широтой ума в девяностые — нулевые годы, когда толпы забугорных племён и наших окраинных республик, ставших в одночасье гордыми и независимыми государствами, вместе с отечественными «борцами за свободу» с азартом шарились по карманам обездвиженной России, попутно пиная её, теперь уже в полной уверенности в своей безнаказанности.

Вот что писала тогда иркутская газета «СМ — номер один», являющаяся вроде бы преемницей «СМ — Советской молодёжи», в редакции которой в своё время работал Валентин:

«Оторванный от земли-матери Распутин испытывает тягу к стерильной чистоте нравов и помыслов. Эта тяга к стерилизации, по данным науки, есть проявление некрофилии. Из этого же корня вырос гитлеризм — из желания сделать мир чистым и правильным, без неправильных евреев, славян, негров». Или «Распутин понятен в своем сострадании к умирающему миру деревни. Но страшен в ненависти к людям, за которых молился Саровский»¹.

Каково, а? Какое разоблачительное проникновение во внутренний мир писателя, ошибочно любимого народом. Не народный заботник, а продолжатель дела гражданина Шилькгрубера. <...>

Уже на третий день после смерти большого писателя «Новая газета» разродилась статьёй Д. Быкова под названием «Жертва. Уроки Распутина». Я приведу несколько цитат из этой статьи без всяких комментариев.

«А теперь — почему бы не назвать вещи своими именами? Распутин является собой пример того, как ложная, человеконенавистническая идея сгубила первоклассный талант, как следование навязанной концепции изуродовало гуманиста, психолога, интеллектуала». <...>

Распутин впадал в нещерный антисемитизм, поносил городскую безнравственность, говорил, что у патриотов есть поле Куликово, а у либералов

¹СМ Номер один. 2004. Симиненко. «Распутин как русофоб».

«Поле чудес». Он всю жизнь писал о жертвах и сам был жертвой страшной болезни, настигающей русских — и не только русских — писателей. Повторявший читателю «Живи и помни», «Век живи — век люби», он выбрал мировоззрение, не позволяющее ни любить, ни жить, ни помнить».

3

Мне показалось странным, что беседа памяти Анатолия Кобенкова была опубликована не к его юбилею, а неделю спустя, к очередной годовщине со дня рождения и со дня смерти (по иркутскому времени это произошло в один день) русского писателя Валентина Распутина, странно и то, что выпады против Распутина и писателей того духовно-нравственного направления, которое наиболее ярко и сильно представлял Распутин, и являются центральной и главной темой этой беседы, а о самом творчестве Анатолия Кобенкова, о его жизни говорится путано и вскользь, а имя его используется как фон для высказываний Диксона о спорах тридцатилетней давности. Сегодня и сами эти споры утратили актуальность, и большинства из их участников нет в живых. И вообще беседа какая-то бессвязная, бездоказательная, нет ни цитат, ни свидетельств, ни дат, это похоже на воспоминание человека, забывшего, что было когда-то на самом деле и блуждающего в нетях или повторяющего давнюю неправду.

«Вампилов и Распутин — вот две опробованные лошадки, которых можно знать, осваивать на них бюджет и так далее. Тут неожиданностей никаких нет — всё идет по одному и тому же сценарию. А почему не Владимир Гуркин, автор пьесы «Любовь и голуби», и почему не Кобенков?» — вопрошает Диксон.

Может быть потому, что если продолжить сравнение Диксона, пристязные, в отличие от коренников, выполняют второстепенную роль, двигаясь в одну сторону.

Если задаётся такой вопрос, значит, у человека нет понимания, что никакие влиятельные лица не способны создавать искусственные величины в культуре, иерархия существует вне зависимости от политической конъюнктуры, и сегодня может возникнуть вопрос, почему Пушкин, Гоголь, Достоевский, а скажем не Сенковский, Булгарин или Греч? Отвечу коротко — потому. Именно потому первые своим художественным и пророческим гением сделали то, чего до них и кроме них не сделал никто, и на долгие годы определили направление и развитие русской литературы и русской критической мысли. Только и всего.

Пьесы Владимира Гуркина — это поствампиловская драматургия, без Вампилова не было бы и Гуркина. Не понимаю, каким боком он втянут в эту историю, его-то чем власть имущие или антисемиты обидели? Он жил в Москве, приезжал в Иркутск, его здесь встречали с почестями, и до сих пор память о нём сохраняется.

«Новая скульптура появилась накануне в городе Черемхово Иркутской области. В память об известных драматургах на площади перед театром Драммы установили скульптуры трем землякам, прославившим свою родину. На лавочке вольготно расположилась бронзовая статуя Владимира Гуркина, ря-

дом здесь же, опираясь на ее спинку, стоят Михаил Варфоломеев и Александр Вампилов. Монумент — это подарок горожанам к 240-летию Черемхова», — сообщала газета «КП» Иркутск».

Воздвигнут и персональный памятник под голубятней в 130-м квартале Иркутска, фильм и пьесы в стране показывают, юбилеи отмечаются не без помощи «официальных кругов», в журнале «Сибирь», в газетах выходят юбилейные статьи. И имя Анатолия Кобенкова запечатлено в ежегодных «Днях поэзии на Байкале». А вот, скажем, памяти Ростислава Филиппова и Анатолия Горбунова, известных и в России поэтов, в Иркутске нет даже на мемориальных досках.

Время — единственный объективный критик, расставляющий всё по своим местам, а национальная культура — старательский лоток, в котором остаются золотые крупицы из уносимого рекой времени песка.

«В Иркутске имя Кобенкова в официальных кругах стараются не упоминать. Его не переиздают, хотя поэт он признанный», — говорит Диксон.

Какие официальные круги? Вы о чём говорите? Госструктуры — это прописано в законе — сами издательской деятельностью не занимаются, только от инициативы и пробивной способности пишущих зависит вопрос издания за государственный счёт. Стучитесь — и откроют вам. Или вы считаете, что и «официальные круги» сплошь «антисемиты» и «патриоты»? Это что за город такой! Не надо заводить рака за камень, с обратной стороны его всё равно видно. В спорах истина не рождается, зато часто рождается взаимная неприязнь, но Диксон преувеличивает масштабы неприязни. Кобенков до сих пор не прочитан, потому что сегодня поэзия, вообще, мало кому интересна, кроме самих сочинителей стихов, и то по большей части своя собственная. И «травля» не может быть причиной забвения.

*Растаяли при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о них хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.*

Е. Баратынский

А что, Валентина Распутина в те годы, воспользуюсь «словарём Диксона», «травили» меньше? Во много раз больше, потому что это происходило по всей стране, во всех «демократических» СМИ, для них это было правилом «хорошего тона». Но это не помешало ему остаться выдающимся русским писателем.

Семь лет у меня ушло на издание книги избранных произведений Ростислава Филиппова, поэта, на мой взгляд, глубокого и сильного, и не менее известного, чем, скажем, А. Кобенков. Рукопись пять лет ждала очереди в издательском отделе при министерстве культуры Иркутской области и была опубликована к 80-летию со дня рождения поэта, когда у министерства появилась возможность финансирования. Но ни у кого не возникло мысли обвинять министерство культуры за то, что Филиппов не был издан раньше.

Отрывки из беседы в газете «МК» Байкал»:

«Мы сходились в том, что писатели «патриотического» направления в Иркутске как один равнялись на Валентина Распутину, который им покрови-

вительствовал. Он тогда уже вошел в силу, был Героем Соцтруда, набрал огромный вес, его называли классиком, пророком. Иркутская писательская организация стройными рядами шла за Распутиным, которого несли как хоругвь впереди себя. Но мы расходились в следующем: Кобенков все время пытался смягчить свое отношение к Распутину: может быть, прозорливей, грамотней меня, он все же отдавал должное литературным достоинствам — не везде, но фрагментарно. Я стоял на позициях того, что если взвесить фигуру Распутина, то отрицательное его воздействие перетянет чашу с плюсами: поскольку эта колонна, которая шла за Распутиным, стала позволять себе многие вещи, которые у Распутина были только вскользь или намеком. (Замечу, что идти с хоругвью в крестном ходе — большая честь для православного человека. — В.К.)

<...>Те, с кем он раньше общался, вдруг оказались монстрами, воспитанными на «распутинщине», которая взяла на вооружение «зубатовщину».

— **Под словом «распутинщина» вы подразумеваете слепое поклонение?**

— Конечно, это связано с его именем, с его личностью — но «распутинщиной» я называю не самого Распутина, а то явление хоругвенности, которое появилось и от которого пострадало имя самого Распутина. Впрочем, он видел, как все развивалось, и мог пристукнуть кулаком по столу, остановить это. Но не остановил.

— **Распутинщина и подвела к травле Кобенкова?**

4

Реальных свидетелей и участников тех событий остаются единицы, и вот на сцену выходит Диксон, который выдвигает свою версию, имеющую мало общего с происходившими в то время событиями, к тому же берёт на себя сразу две роли: прокурора на пенсии и танцора, запутавшегося в собственных ногах.

«Когда журнал «Сибирь», печатный орган писательского союза, начал публиковать «Протоколы Сионских мудрецов», из Союза сразу вышли Марк Сергеев, Дмитрий Сергеев и другие. Кобенков вышел одним из последних. Он пытался наладить с оппонентами какой-то разговор. Объяснял тогдашнему редактору «Сибири» (с которым они до того приятельствовали, обменивались стихами и о котором Кобенков писал хорошие отзывы), что эти «протоколы» давно получили заслуженную оценку, что это продукт российского политического сыска позапрошлого века, инструмент для провокаций, зубатовщина чистой воды. Но оказалось, что его никто не хочет слышать».

Хочу для точности заметить, что «выход» произошёл в начале 1989 года, а публикацию книги А. Нилуса «Близ есть при дверях» я начал в «Сибири» в 1991 году с четвёртого номера, то есть более двух лет спустя. В подтверждение добавлю, что о произошедшем расколе писала Любовь Сухаревская по горячим следам (Разлад в благородном собрании // Сов. молодёжь. 1989. 20 мая), так что произошёл он до публикации «Протоколов» и уже после выхода некоторых писателей из редколлегии «Сибири» и из Союза писателей России, но об этом ниже.

Диксон иногда принижает значение и роль Анатолия Кобенкова в литературных кругах. И наши дружеские отношения сводит к «обмениванию стишками». Понятно, меня Диксон относит к тем, «с кем он (Кобенков) раньше общался, вдруг оказались монстрами, воспитанными на «распутинщине», которая взяла на вооружение «зубатовщину».

Что тут скажешь, круто! Как будто автор учился журналистике по учебнику истории ВКП(б) и не удосужился уточнить термин «зубатовщина» в связи с изменившейся политической и общественной атмосферой. Оч-чень эффектно, ну чем не образчик РАППовских обвинителей образца 1930-х годов! У меня ощущение, что текст, который приводится как ответы Диксона на вопросы, родился в те далёкие годы — уж больно знакомым ветром веет от него.

Если говорить по фактам, то иркутское размежевание только эпизод общесоюзного. Надежда Степановна Тендитник напоминает об этом: «Когда «Апрель» (всесоюзная организация писателей в поддержку перестройки. О создании организации было объявлено в 1989 году. Учредительный съезд состоялся в апреле 1990 года (Википедия). Замечание моё. — В.К.) принимал свои «Уставные принципы»... остановить новых реформаторов было уже невозможно. А дальше всё покатилося как по накатанной колее.

«Протоколы Сионских мудрецов» кроме Иркутска были опубликованы после отмены цензуры во многих изданиях. Здесь не было эффекта разорвавшейся бомбы. Для обиды был найден другой повод. В начале 1989 года «Сибирь» напечатала диалог писателя и критика о массовой культуре под названием «Дети Арбата или дети России?». Именно он и объявлен был причиной выхода из Союза писателей РСФСР».

5

Товарищ Диксон, повторяя изначально искажённую информацию, наверное, считает это «позицией отстаивания независимых суждений и свободы творчества». Конечно, повторение за другими неточных фактов, ошибок не является ложью, но лживыми оказываются выводы, которые из этого делают, рушится карточный домик, построенный из неверных посылов.

Стремление некоторых журналистов упростить ситуацию, свести её к примитивному бытовизму — это издержки суетности профессии и неспособности взглянуть на явления жизни пристальней и глубже.

Диксон утверждает, когда, сам того не ведая, передвинул напёрстки с места на место, что «именно антисемитизм послужил причиной раскола между писателями. А уж потом — отношение к Горбачеву, к либерализации». Здесь или полное непонимание происходящего, или попытка ввести других в заблуждение. Выходит, что до перестройки, до публикации «Протоколов сионских мудрецов» антисемитизма не было? А что за тема объединяет два тома «Двести лет вместе» Александра Солженицына?

Придётся напоследок огорчить Диксона: нет никакой «распутинщины», она живёт только в его изобретательном сознании. И в Союзе писателей России разные писатели по-разному смотрят на творчество Валентина Распутина,

и в этом нет ничего странного — сколько людей, столько мнений. Но то, что Распутин — выдающийся человек, общественный деятель, писатель, произведения которого будут жить, пока жив русский язык, пока жива Россия, это бесспорно. Вряд ли в современной ему России найдётся писатель, который повлиял на нравственное возрождение русской души сильнее, чем Распутин. Общество ещё в полной мере не осознало этого, но его влияние продолжается даже после его ухода в мир иной, потому что его мысли и чувства живы в его прозе, полной поэзии, в публицистике, в многочисленных письмах, написанных учителям, библиотекарям, школьникам, случайным знакомым. Его значение как учителя жизни будет увеличиваться по мере утверждения в нас принципов совести и ответственности.

Союз писателей России в то тревожное время принял почвенническую, можно сказать, народную сторону, «апрелевцы» — линию и опору на Запад, «заграница нам поможет» — о чём говорит и издание ассоциацией «Апрель» одноимённого альманаха совместно с британским издательством «Интер-Версо», этот факт на фоне провокации с отравлением «нашего британского разведчика» с его дочерью в Англии звучит, по меньшей мере, многозначительно.

Дальнейшие действия команды Ельцина при поддержке его Западом и «передовым» отрядом советской интеллигенции, вдохновлённой тезисами апрельского пленума ЦК КПСС, привели к развалу СССР, величайшей трагедии для советского, а особенно, подчёркиваю это, для русского народа.

Не всегда надежды на лучшее сбываются. Новой власти оказалось не до культуры и литературы, в конце концов, и «апрелевцы», и другие писательские содружества за ненужностью были отделены от государства и питаются случайным подаянием с барских столов и остаточным государственным вспоможением. А мы, задним числом, продолжаем выяснять наши отношения до сих пор, хотя мало кто помнит о том давнем противостоянии, и стёрлась мудрым временем острота «извечных», по выражению Пушкина, наших споров.

К 70-летию писателя Владимира Максимова

ИРИНА ПРИЩЕПОВА

Счастье быть писателем

Владимир Максимов пришёл к писательскому труду дальней, непростой, а местами и тернистой дорогой. На жизненном пути он многое увидел, испытал, повстречал немало интересных людей, и это даёт ему богатейший материал для творчества. Сюжеты для своих произведений ему не приходится выискивать и выдумывать. В книгах он рассказывает о том, что сам пережил, что сохранилось в

памяти навсегда, что его волнует. И говорит об этом словами Арсения Тарковского: «Все, что сбыться могло, мне, как лист пятипалый, прямо в руки легло...»

Главный герой произведений Максимова Игорь Ветров — это он сам, писатель, любящий свежий ветер, зимние вьюги и не терпящий постоянства.

Родился Владимир в посёлке Кутулик Иркутской области. Драматург Александр Вампилов, тоже уроженец Кутулика, так сказал о своей малой родине: «Деревянный, пыльный, с огородами, со стадом частных коров, но с гостиницей, милицией и стадионом, Кутулик от деревни отстал и к городу не пристал. Словом, райцентр с головы до пят».

Раннее детство Володи Максимова прошло в посёлке Забитуй Аларского района Иркутской области. А затем их семья переехала в посёлок с названием «Четвёртый», что находится недалеко от города Ангарска, получивший своё имя от реки Ангары, широкой лентой стремящейся из Байкала в неведомые северные дали. В рассказах и повестях Максимова живут его детские впечатления, его отчий дом, посёлок, где пролетела весёлая пора детства, где он получил свои первые жизненные уроки.

Володя на руках у отца

*Володя с собакой Шариком
в тележке-коляске*

Владимир Максимов окончил школу в Ангарске. Впоследствии городу на Ангаре Владимир посвятит стихи, полные любви:

*Я люблю этот город заснеженный.
Морем ласковым он не изнеженный.
Две реки — Ангара и Китой —
Две руки, в их кольце город мой...*

Композитор Евгений Якушенко написал к стихам музыку. Так родился гимн города Ангарска.

О школьном времени Владимир Павлович поведал в повести «Морозный поцелуй». Он говорит, что учился не очень

хорошо, и называет себя «не совсем твёрдым ударником». Юноша думал, что он, видный спортсмен школы, свяжет свою жизнь со спортом и учиться хорошо вовсе не обязательно. Он участвовал во всех соревнованиях, принёс много побед, и его фотография висела на Доске почёта с названием «Лучшие спортсмены школы».

В школьные годы появилась у мальчика тяга к писательскому труду. Бабушка, происходившая из знаменитого казачьего рода Любимовых, сосланных в Сибирь за участие в восстании под предводительством Емельяна Пугачёва, подарила ему трёхтомник Сергея Есенина. Стихи мальчику так понравились, что он стал с увлечением сочинять свои и написал их несколько сотен. Поняв, что это не настоящая поэзия, он всё сжёг. Спустя годы он напишет стихи о светлых годах своего детства:

*Памяти солнечный зайчик
В раннее детство вернёт.
Мама там, маленький мальчик
К бабушке в гости идёт.
Домик окрашенный, печка...
Мирно лампадка горит.
Бабушка Ксения: «Дочка!» —
Маме моей говорит.
И так уютно, спокойно
В горенке тихой сидеть.
Пить молоко, есть горбушку
И на иконы глядеть.*

Отработав год, Максимов поступил в Иркутский сельскохозяйственный институт на охотоведческий факультет. Учёба в институте дала юноше возможность увидеть мир. Во время практик он объездил Иркутскую область, побывал в Хабаровском крае, на Чукотке, Командорах, Сахалине, Камчатке, в Закарпатье, в Канаде и Японии, посмотрел Тихий океан. Эти путешествия он запомнил на всю жизнь. Они ему дали богатейшую пищу для творчества, и спустя годы он напишет интереснейшие произведения о том незабываемом времени: «Загон», «Ненаписанный рассказ», «Не оглядывайся назад».

После института Владимиру посчастливилось работать стажёром-исследователем Лимнологического института. Он попал в первую подводную (и подлёдную!) комплексную экспедицию, о чём написал в повести «Мы никогда уже не будем молодыми». Захватывающе рассказал писатель о своих двух погружениях под воду Байкала, скованного крепким льдом. Он никогда ещё не был под водой с аквалангом и немного волновался. Поначалу ему предстояло просто «погулять», осмотреться, освоиться на небольших глубинах. В тёплой одежде, гидрокостюме, в ластах было очень неудобно, и он завидовал байкальским подводным обитателям, которые обходятся под водой без трубок и акваланга: «Улитка, сидящая на гладком круглом красивом камешке, кажется с любопытством разглядывает меня. И не только она. Из-под ближайшего ко мне и к песчаной «полянке» плоского, темного, средних размеров камня, раздувая жаберные щели, на этот «цирк» с удивлением взирает одним глазом, видимым мне, яркой расцветки бычок-подкаменщик». Выручили его из беды товарищи, когда он подал сигнал об аварийном всплытии. Они долго смеялись, увидев его, растерянного, сжимающего загубник акваланга, делающего шумные вдохи и выдохи.

Шли дни, и привыкал Владимир к подводному царству. Набирался опыта, становился увереннее. Погружался он в байкальскую бездну до пятидесяти метров. Он жил «в согласии с природой, наблюдал размеренную, выверенную на протяжении миллионов лет подводную жизнь». Владимиру Максимову запомнилось, как однажды здоровенный гаммарус упёрся в стекло его маски и долго его разглядывал. «Так мы и стояли оба в толще вод, замерев, взирая друг на друга, словно пытаясь разгадать извечную загадку жизни, такой разнообразной во всех ее проявлениях. И только плеоподы рачка да мои ласты плавно двигались, нарушая эту застылость. Однако задерживать дыхание надолго было не в состоянии, а бурливые пузыри воздуха, вырвавшиеся с шумом из акваланга спугнули моего визави».

Прошёл не один десяток лет после байкальской экспедиции. О ней забыли. Но осталась она в повести «Мы никогда уже не будем молодыми», которая с головой погружает читателя в глубины семидесятих годов, в байкальские глубины.

На Байкале неоднократно устанавливались рекорды, о которых, к сожалению, не знает никто. Герои устанавливали их «не на показ», и потому в Книге рекордов их имена не значатся. О водолазе Николае Резинкове и его рекорде, почти никем не замеченном и нигде не отмеченном, Владимир Павлович поведал в рассказе «Рекорд в подарок». «...Досада и пристыженность не давали покоя и мне до тех пор, пока я не начал писать этот документальный рассказ...» — говорит писатель о цели своего повествования.

Зимняя экспедиция 1974 года, участником которой был автор и во время которой и был поставлен рекорд, в прессе освещалась мало. В одной из статей мельком говорилось, что аквалангисты-лимнологи погружались в глубины на сорок-пятьдесят метров, а один сибирский «ихтиандр» погрузился на 96 метров. Приводя в рассказе это сообщение, у отметки 96 Владимир Павлович ставит восклицательный знак, потому что он на собственном опыте знает, как опасно погружаться в толщу байкальских вод на сжатом воздухе. Запас та-

кого воздуха ограничен. А с каждым метром погружения его требуется всё больше. На больших глубинах недостаёт кислорода и начинается кислородное голодание. Водолазы называют воздух, используемый на больших глубинах, «коктейлем для самоубийц». На глубине ниже шестидесяти метров — пишет Максимов — «воздух превращается в опасный наркотик, вызывает так называемое глубинное опьянение, и человек теряет над собой контроль. Радостное возбуждение распирает его! Он погружается все ниже и ниже... Бездна манит его, и он может забыть и о возвращении, и о том, где он находится, кто он такой и что делает. Не остается ничего, кроме радостного полета. Человек может вынуть изо рта загубник акваланга, чтобы предложить подышать медленно проплывающей мимо рыбе, развязать или обрезать страховый конец...» Резкий перепад давления приводит к тому, что во время быстрого всплытия кровь «закипает» подобно шампанскому в откупоренной бутылке, и образовавшиеся пузырьки закупоривают кровеносные сосуды.

Владимир Павлович сожалеет, что в той статье о сибирском «ихтиандре» не было ни имени, ни фамилии замечательного водолаза. А не мешало бы их назвать, ведь ему под водой было тяжелее, чем Ихтиандру, у которого помимо лёгких присутствовали на теле жабры...

Чтобы восполнить досадный пробел, Владимир Максимов уходит в воспоминания 1974 года, в то суровое зимнее время, когда инструкции не рекомендуют погружаться под лёд в одиночку. Владимир Павлович говорит, что лёд сверху, который видят все, и лёд снизу, недоступный взору, — два совершенно разных льда. «Лёд сверху похож на толстое (когда к его хрупкой прозрачности привыкаешь) темновато-серое стекло, кое-где с белыми тонкими трещинами. Лёд снизу — это грозное небо, потому что там, где на нем лежит снег, свет не проходит в воду и видно лишь темное пятно, похожее на тучу». Владимир Павлович пишет: «Это вам не лето красное, случись что, где попало не вынырнешь. Нужно искать майну, пробитую во льду, а это не так просто. Водолазы в шутку называют деньги, полученные за работу в таких условиях, «гробовыми», конечно же, рискуя собой, конечно же... Клянусь страховым концом!» — так звучит самая страшная клятва водолаза, так как от страхового конца зависит жизнь, «страховой конец — это нить Ариадны, выводящая из лабиринта».

Николай Резинков был мастером своего дела. Вот как Владимир Максимов говорит об этом: «Резинков был старше меня лет на семь, а в водолажном деле — лет на сто». Быть водолазом — трудно, а на Байкале, озере непредсказуемом, труднее во много раз.

В незабываемый день рекорда был день рождения у жены друга-водолаза. Подарка взять было негде: в местном магазине купить было нечего. И дорогим подарком стали два невзрачных камешка, которые достал Николай с глубины 96 метров. «Мы вертели по очереди глубиномер с зафиксированной предельной глубиной и четко видели цифру 96. Глаза видели, а мозг отказывался верить. Слишком уж невероятной казалась эта цифирь», — рассказывает о тех минутах Владимир. Когда такой же глубины достиг Ганс Келлер (и не на сжатом воздухе, а на азотной смеси, то есть не испытывая кислородного опьянения) — имя его узнало полмира. О рекорде Николая до появления повести «Рекорд в подарок» знал только круг друзей и знакомых.

*Николай Резинков. Фото В.С. Маслюкова
(из личного архива В.А. Фиалкова)*

Уехав с Байкала, Владимир поступил в аспирантуру Зоологического института Академии наук СССР в Ленинграде. Учился хорошо, и ему предложили остаться работать в лаборатории. И вдруг на третьем курсе он решает бросить аспирантуру и пишет заявление с просьбой об отчислении. Он понимает, что не хочет заниматься наукой. Его всё сильнее влечёт труд писателя. Потом о своём решении он жалел, говорил, что нужно было защититься. После отчисления из аспирантуры его уже не взяли работать в Лимнологический институт: там нужен был остепенённый научный сотрудник.

Затем жизненная дорога привела Максимова в сибирскую глушь, на буровую, где он начинал простым рабочим, потом стал мастером. Долбя шурф в со-

рокаградусный мороз, с теплом вспоминал свою академию. И в то же время был благодарен судьбе за то, что она дала ему узнать цену обычному теплу, минутам отдыха после тяжёлого труда.

Свободного времени для литературной работы почти не оставалось. И всё же Владимир написал в этот период несколько рассказов, которые вместе со стихами отправил на конкурс в Литературный институт имени Горького. И выиграл конкурс. И удивился тому, что победили его стихи, а не проза. Вскоре он поступил в Литературный институт и попал в семинар поэта Владимира Цыбина.

В 1987 году Максимов окончил Литературный институт, после чего работал корреспондентом в газетах. Ему не давало покоя загрязнение Байкальским целлюлозно-бумажным комбинатом (БЦБК) любимого озера Байкал, и он изучал влияние комбината на обитателей озера. Работая в Лимнологическом институте, он написал статью «Влияние сточных вод БЦБК на интенсивность обмена байкальских амфипод». И сделал неутешительные выводы: рачки, чистильщики Байкала, живущие в водах, напичканных отходами БЦБК, страдают от загрязнения, их жизненные процессы замедляются. Статья была опубликована в научном сборнике для служебного пользования. Но статью заметили и в области. И Максимова привезли на территорию БЦБК, чтобы на месте убедить в обратном, то есть в том, что заводские стоки не чинят вреда озеру. Устроили обычную демонстрацию, которая была известна миру ещё по фильму «У озера». Владимиру показали постепенное очищение воды, которую на последнем этапе предложили попробовать. Сначала стакан с водой выпил некто, предназначенный для подобных экспериментов. А потом его дали Максиму, он пить отказался, протянул стакан своему «экскурсоводу» из обкома партии сказал: «Вы выпейте». «В другой раз!» — резко сказал тот, отстранив стакан.

*Валентин Распутин и Владимир Максимов
в Байкальске у БЦБК*

Несколько лет работал в институте экологической токсикологии, который был создан для «прикрытия» губящего чистейшее озеро Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Руководство комбината ждало от Максимова статей, восхваляющих работу комбината. Но Максимов давал объективную информацию. Он успел написать пятнадцать экологических статей в местных газетах «Байкальский целлюлозник» «Ленинское знамя», после чего был уволен по несоответствию.

Когда власти города Байкальска травили Владимира Максимова, он вспомнил, как будучи совсем молодым оказал-

ся среди охотников на волка, который нужен был для зоопарка. Произошло это в Лазовском районе Хабаровского края. В непосредственной поимке взрослого крупного волка Максимов не участвовал. Этот «матёрый волчище», который легко мог убежать от собачьего преследования, дал себя затравить, спасая волчицу и волчат. Тело волка стянули капроновой сетью, в пасть ввели и закрепили короткую крепкую палку. Он пытался грызть палку, но вскоре присмирел, оставив тщетные попытки, после чего стал казаться мёртвым. Живыми оставались только его глаза. Охотники, зная, какова бывает жизнь зверей в зоопарке, говорили, что взрослый волк, попав в неволю, выживет не больше недели.

Владимир Максимов, один из четверых, не участвовавший в таком жестоким деле, очень жалел волка, неустанно наблюдал за ним, за жизнью его глаз и даже очеловечивал его. Владимир видел, что волк, несмотря на смирение, не сломлен, не покорён. «Лучше бы он умер!» — думал Максимов. Ранним утром, когда все спали, он пошёл к волку с желанием его освободить и, в то же время, боясь хищного зверя. Морда зверя была облеплена комарами. «Вот так всегда, стоит только сильному упасть, как всякая дрянь, всякая мелочь пузатая из щелей повылазит», — подумал он. Он накинул на волка тулуп, навалился на него и быстро разрезал верёвки. Потом отскочил. Но волк был не опасен. Он не смог подняться на отёкшие лапы, сначала пополз, а потом, спотыкаясь, как ребёнок, который учится ходить, стал продвигаться в сторону леса. Писатель уверен, что волк сумел добраться до своего логова и восстановиться после жестокого к нему людского отношения.

В этом рассказе всё является правдой, кроме одного: Владимир Максимов «облагородил» охотников. Он написал, что утром они, не найдя волка, ничего ему не сказали, а впоследствии не брали с собой на охоту. И эти строки явились художественным вымыслом. На самом деле охотники, поняв, что он освободил волка, сильно его ругали, используя при этом лексику, далёкую от русского литературного языка.

В 1998 году Владимир Максимов был принят в Союз писателей России только лишь за один рассказ «Загон», написанный так мастерски, что было

понятно: писатель состоялся. А иркутский писатель Ким Балков ему сказал: «Всё, старик, можешь помирать: лучшую свою вещь ты уже написал, и выше неё тебе будет трудно подняться».

«Загон» дал название книге, куда, кроме него, вошла новелла «Ненаписанный рассказ», публиковавшаяся в журнале «Юность». В захватывающей новелле рассказано о том, как героя рассказа от смерти спасла собака, а потом он, в свою очередь, спас от гибели верное животное. «Ненаписанный рассказ» произвёл большое впечатление на Валентина Распутина, он пристроил его в журнал «Юность» и написал предисловие к произведению, которое потом появилось и в книге «Загон».

1993 год стал для Владимира Максимова особенным, запоминающимся. С 3 мая по 4 октября он участвовал в международном велопробеге «Пекин — Париж». В то время ставился вопрос о включении Байкала в список объектов Всемирного наследия, и для международного сообщества было важно привлечь внимание к этой теме. Участники пробега должны были доказать, что можно преодолевать большие расстояния, не загрязняя окружающую среду. Владимира Павловича пригласили на велопробег в качестве журналиста, но вскоре он, прекрасный спортсмен, тоже сел на «железного коня» отечественного производства и стал участником. Ему предстояло проехать шестнадцать тысяч километров! Какое замечательное испытание для писателя, какая возможность увидеть мир и своими ногами проехать такое великое расстояние! В дороге Владимир Павлович вёл дневник, куда заносил путевые впечатления. Многие спортсмены сошли с дистанции, но сибиряк-писатель оказался в единственной четвёрке, добравшейся до финиша, и с радостью отметил для себя, что трое из победителей оказались сибиряками.

Промежуточный финиш в Варшаве

Участие в велопробеге оставило много впечатлений, дало пищу для творчества. Владимир написал стихи, которые вскоре вошли в его книгу «Парижская тетрадь». В Париже Владимир брал интервью у Алена Делона, и они «обнаружили родство душ». Здесь же он встретил своего знаменитого тезку писателя-эмигранта Владимира Максимова, человека с интересной трагической судьбой, лишённого гражданства собственной страной.

Сибирская проза Максимова заинтересовала немцев. В результате в Германии вышла книга, на гонорар от которой он смог купить сыну небольшую квартиру.

В начале девяностых Максимов своими руками начал строить дом на Байкале. Он был счастлив, когда в 1991 году ему выделили участок для строительства в Порту Байкал. Строительство дачи оказалось испытанием не менее сложным, чем велопробег. Оно затянулось на десяток лет. Строить приходилось в основном одному. Было очень тяжело. Но Максимов подбадривал себя

так: «Насколько мне плохо сейчас — настолько хорошо будет потом в новом доме». И теперь же ему действительно хорошо живётся в двухэтажной даче, стоящей среди молоденького леса. Из его окон, особенно со второго этажа, как на ладони виден Байкал.

Здесь привольно дышится, легко пишется. Однажды во время отдыха на даче сложились прекрасные строки:

*Славно слушать шум дождя,
Треск в печи поленьев.
Славно также потакать
Летней своей лени.
И смотреть себе в окно
На Байкал, весь чёрный,
Мощь почувствовав его,
Нрав его просторный.
Пить густой горячий чай
С молоком и мятой.
Видеть, как плывёт туман —
Плотной белой ватой.
А потом лежать, читать
Дона Аминадо
И мечтательно вздыхать:
«Вот писать как надо!»*

Владимир Павлович сохранил первозданный вид лесного участка. Он ничего у себя не выращивает, дары природы растут здесь сами. На мягких кочках здесь вызревает брусника. У самого дома после летних дождичков появляются среди травы белые грибы, и в грибной сезон писателю не нужно ходить за грибами далеко. Он собирает боровики, не выходя за пределы участка, порой у самого крыльца. На участке Максимова восемь густо заселённых муравейников. Муравьишки, трудолюбивый, неустанно хлопочущий народ, не только не мешают хозяину работать и отдыхать, но и приносят большую пользу: избавляют от клещей, в чём писатель убедился на собственном опыте. Максимов любит подолгу сиживать в задумчивости у своих окон, глядящих в лесные просторы, в байкальские дали.

Впоследствии, прожив множество мгновений, подаривших ему разнообразие чувств, Максимов напишет в предисловии к своему роману-параллели «Не

Владимир Максимов

оглядываясь назад»: «Наша постоянная ошибка в том, что мы не принимаем всерьёз данный, протекающий час жизни, что мы живём прошлым или будущим, что мы всё ждём какого-то особенного часа, когда наша жизнь развернётся во всей своей значительности, и не знаем, что она утекает как вода между пальцами, как драгоценное зерно из дырявого мешка, не понимая, что самым драгоценным

является нынешний день... Прав был Конфуций: «Прошлого уже нет. Будущего — ещё нет. Есть только настоящее». Роман этот будет опубликован в выдающейся московской серии «Сибириада», попасть в которую очень непросто. Затем в этой же серии выйдут байкальские повести Максимова.

На даче написано много книг, среди которых: рассказ «Сияние снежных вершин», «Унылая пора!..», «Туман», «Никто не приехал». Герой

рассказа «Сияние снежных вершин» Василий — житель Порты Байкал — вызывает большую симпатию. Всю жизнь он добывает воду, роет для людей колодцы. А колодцы — глаза земли. Он любит любую работу, даже самую тяжёлую, — лишь бы она была полезной. Он очень любит Байкал — великий земной колодец. Когда Василий сильно заболел, не мог встать и думал, что умирает, он попросил передвинуть его кровать к оконцу, чтобы увидеть синь озера и далёкие горы на противоположной стороне, белеющие снежными вершинами. И байкальские картины возвращают к жизни Василия, дают ему силу. Значительны слова героя: «В глубоком колодце и днём звёзды светятся. Так и душа человеческая, чем глубже она — тем больше в ней света. Хотя, казалось бы, вглубь — это ведь совсем в другую сторону от высоты! Ан нет, почти одно и то же получается. Я вот в детстве мечтал: если такой глубокий колодец вырыть, чтоб всю землю проткнул. Он ведь всё равно где-то наружу выйдет... И снова звёзды в нём отражаться будут... Значит, глубина после какого-то предела в высоту превращается...»

Думается, что многое из того, о чём говорится в рассказе, относится к самому Владимиру Максиму. Он живёт Байкалом. Он любит своё дело. Владимир Павлович говорит: «Если любишь своё дело, то ты счастлив». И он один из немногих людей, кто считает себя по-настоящему счастливым. Быть писателем — это для него и есть счастье.

*К 80-летию со дня рождения писателя
Леонида Бородина*

ЛЕОНИД БОРОДИН

«Считаю себя русистом»

БЕСЕДА С КРИТИКОМ ВЛАДИМИРОМ БОНДАРЕНКО

Леонид Бородин

Леониду Ивановичу Бородину 14 апреля исполнилось бы 80 лет. Но с 24 ноября 2011 года этого замечательного человека — мыслителя, писателя и общественно-го деятеля — уже нет с нами на этой грешной земле. Он пребывает в иных ипостасях... В архиве «Дня литературы» сохранилась запись беседы главного редактора Владимира Бондаренко с Леонидом Бородиным. Беседы, состоявшейся ровно 16 лет тому назад. Странно, но практически всё, что

обсуждалось в этом диалоге, актуально и для русской литературы, и для нашего государства по сей день. Темы, поднятые в нём, — не устарели. Но главное здесь даже не это, а звучание живого голоса Леонида Бородина, биение его светлого совестливого сердца.

Редакция газеты «День литературы»

В.Б.: Как ты думаешь, что входит в понятие «русская национальная литература»? И что не может входить в это понятие?

Л.Б.: Вся наша классика — это и есть русская национальная литература. В том числе и наши нигилисты, и тот же Чернышевский. Мне Чернышевский не нравится, кажется скучным. Но это — русская литература. Так же, как и

«Мать» Максима Горького. Такие книги можно ругать, критиковать, пенять за малохудожественность, но тем не менее всё это тоже русская литература. Я не в восторге от Салтыкова-Щедрина, но и он — классик русской литературы.

— Тогда и Барков — тоже русская литература...

— Нет, по уровню Барков — уже не литература. Это окололитературное явление, ближе к графоманству.

— Кто из писателей повлиял на тебя?

— Два разных больших писателя. Фолкнер и Лихоносов. Совершенно необъяснимо. Почитав Фолкнера, сразу начинал писать под Фолкнера. Если сейчас посмотреть внимательно на «Третью правду», увидишь, что первые страницы — чистый Фолкнер. Перед этим я кончил читать его «Город» и стал автоматически писать в его интонации. То же самое после чтения Виктора Лихоносова. Я тогда работал над «Годом чуда и печали» и вовремя спохватился. Забросил написанное и взялся заново. Необъяснимо, почему на меня так влияют эти два писателя. Их мне просто нельзя читать, когда я что-то пишу. Хотя залыгинский и распутинский язык не слабее, чем язык Лихоносова, но они меня так не завораживают. Был ещё случай, когда я уже напечатал «Женщину и море», абсолютно не думая о Лермонтове. После школы «Тамань» ни разу не перечитывал. Видимо, что-то лермонтовское так запало, что я написал свой, как нынче говорят, ремейк. После публикации в «Юности» звонит мне приятель и говорит: «Здорово ты в «Тамань» врезался!» Помню, я аж в трубку покраснел. Действительно, такая параллель во всём. Видимо, какое-то лермонтовское влияние есть.

— Думаю, романтизм в тебе сидит изначально, поэтому на твой характер так легко легли и Лермонтов, и Джек Лондон, и даже «Овод» Войнич... Всё одно к одному: ты по жизни воинственный романтик, и потому в чём-то жизнь была предопределена. Не было бы лагерей, было бы что-то другое, и обязательно с выходом на литературу...

— Это, конечно, так. Безусловно, я воспитан на романтической, в том числе на западной, литературе. Когда мы с женой уходили в тайгу, я с собой взял томик Гегеля, три тома Джека Лондона и свои конспекты по философии русского Серебряного века.

— Закончился XX век, можно подводить его итоги. Можешь ли ты сказать, что такое литература XX века? На мой взгляд, в целом она никак не ниже века предыдущего. Горький, Шолохов, Платонов, Булгаков, Блок, Гумилёв, Есенин, Твардовский... Несмотря на все войны и трагедии, революции, а может быть, и благодаря им, в литературе было очень много яркого.

— Я тебе, Володя, отвечу по аналогии. Однажды мы с Ильёй Глазуновым рассматривали советскую картину «Праздник урожая». Я стоял и хихикал, а Илья мне говорит: «Ты посмотри, как у этой бабушки рука выписана! Кто сейчас из современных мазил сумеет так руку нарисовать? Она же живая». Вот такой контраст — заказная, казённая работа и высочайшее качество письма. Первое достоинство советской литературы — это то, что в лице лучших та-

лантливых представителей она сохранила русский язык. Греша против правды, умалчивая о многом, сохранила высочайший стилистический уровень. Это, может быть, самое главное её достижение. А сравнение с литературой XIX века мне кажется некорректным. Русская литература жива. У меня стол журнала «Москва» ломится от хорошей прозы. И это русская проза. Пусть не Толстой, не Чехов, но будущее покажет. Я сейчас ощущаю медленный, но подъём русской литературы. Лет шесть назад было гораздо хуже: или сумбур авангардистский, или кирпичи от советского времени, не принятые цензурой по пустякам. Мол, вот меня коммунисты не печатали, а вы тоже печатать не стали. А сейчас масса молодых имён. Вячеслав Дёгтев сегодня превзошёл многих наших маститых рассказчиков. Олег Павлов, Алексей Варламов, Михаил Лайков, Александр Давыдов. В Саранске, в Иркутске, в Смоленске, в Оренбурге. Не знаю, как будет с экономикой, но с литературой всё в порядке. Сейчас прислал отличную повесть Пётр Краснов из Оренбурга.

— Ты сказал, Леонид Иванович, что литература в XX веке сохранила свой уровень. Ты мог бы назвать лучших писателей XX века? Обычно говорят: Шолохов, Платонов, Булгаков, Леонов, дальше, минув двадцатилетний период, добавляют Солженицына и мастеров деревенской прозы. Может, у тебя есть свой список?

— Боюсь, что нет. Булгакова я принимаю не целиком. «Мастер и Маргарита» я читал с интересом, ибо ересь всегда интереснее догмата. Она увлекательнее. Но в сознании моём даже во время чтения возникал протест. Недопустимо покушение на святыни. Читал и боялся за Булгакова, что он вообще свалится в пропасть. К счастью, он какую-то важнейшую грань не переступил. Я приветствовал Чингиза Айтматова, когда он писал о Христе, но приветствовал потому, что это писал человек другой веры. Там тоже господствует ренановский вариант Христа, но мне было интересно: надо же — со стороны, из других народов и вер писатель пишет о Христе!.. Я с интересом читал ранних Леонова и Эренбурга. О «Русском лесе» у меня осталось неплохое впечатление. Я советскую литературу знал очень хорошо. Читал всё. У Фадеева «Разгром» никогда не нравился. Это обличение гнилого интеллигента мне было чуждо. Ну, а «Молодая гвардия» — это просто часть моей жизни. Впервые я прочитал о Краснодоне книгу двух журналистов «Сердца смелых», мне было всего шесть лет, я был тогда в детском доме. Нам читали книжку вслух, а потом я сам перечитывал. Когда вышла фадеевская «Молодая гвардия», я уже всё это знал. Тем более читал взахлёб и первый вариант, и поздний, исправленный. Конечно, то, что Фадееву Иосиф Виссарионович посоветовал, я воспринимал с иронией, но имена для меня так и остались на всю жизнь, как герои. Я и сейчас могу назвать половину из молодогвардейцев — до полусотни — по именам. У меня мечта была — попасть в музей Краснодона, но так и не довелось...

— А как ты оказался в детдоме?

— Случайно. У меня мама работала в детдоме, но раскопали что-то из её биографии — и уволили. Она год батрачила на какого-то колхозника, свиней кормила. Потом за неё заступились, она в 1945 году уже вернулась в детдом, даже работала завучем. И отчим мой в том же 1945 году перешёл работать в детдом...

— *Расскажи немного о своих родителях. Кто они? Где ты родился?*

— Мать окончила библиотечный техникум, потом — учительские курсы. Она — коренная сибирячка. Ворожцовы — четыре поколения сибиряков. Купцы были средней руки. Отчим мне был как отец, у нас были самые замечательные отношения. Он орловский мужик, окончил учительские курсы, потом работал директором школы. Бабушка тоже была учительницей.

— *Из тебя хороший учитель вышел бы... Такая династия.*

— Я и был учителем, даже директором школы. А сейчас у меня дочка — учитель, четвёртое поколение учителей.

— *А что случилось с отцом? За что он был репрессирован?*

— Мой отец — литовец. Он был командиром партизанской роты во время литовско-польской войны, вступил в конфликт со своим начальством, ему советовали скрыться в России на короткое время, иначе его могли и убить. А ему всего 24 года было. Он бежал сначала в Латвию, оттуда в Россию, его на границе и взяли, отправили на Соловки. Отсидел, был сослан в Сибирь, работал в областной иркутской библиотеке, и в числе разоблачённой троцкистской группы был вновь арестован, получил десять лет, потом — снова пересуд и расстрел. Его расстреляли в 1939 году. Ни к каким политическим партиям он не принадлежал.

— *А к какой политической партии мечтал принадлежать ты? Что за государство вы с вашей ВСХСНовской организацией хотели построить?*

— Сейчас в России уже опубликованы все наши документы, в том числе и программа. Это должен был быть переходный вариант от советской империи к российской империи. Не монархия, потому что все мы понимали: народ к монархии не готов, но достаточно жёсткий государственный строй. Как говорил и Александр Солженицын позднее: в случае краха коммунизма Россия должна побыть в авторитарном режиме, чтобы не развалиться. В целом наша программа сводима к трём тезисам: христианизация экономики, христианизация политики, христианизация культуры. Это не создание теократического государства, а ориентация, направление поисков. В нашем верховном органе предполагалась одна треть священников, и они имеют право вето. Любой закон должен быть удостоверен основными положениями Православия.

— *Можно такой проект считать вариантом христианского социализма?*

— Нет. Я не верю в христианский социализм. Это сладкая селёдка. Достоевский чётко сказал: социализм не прав, потому что есть Бог... Добавить нечего. А если Бога нет, тогда прав социализм. Ещё раз повторю: если Бога нет, то единственная правда на земле у социализма. Всё остальное не право...

— *Вот почему они и воюют с Богом. Дабы оказаться правыми. Но сегодня с Богом воюют не столько социалисты, сколько наши правые либералы. Как ты думаешь, сегодня в душах русских людей есть Бог? Или мы настолько уже наказаны Богом за свои грехи, что у нас нет будущего?*

— В течение семидесяти лет было выстроено для людей НАДБОГОУБЕЖИЩЕ, через которое почти невозможно было пробиться к Богу. Увы, в зна-

чительной части нашего народа сегодня нет места вере... Но есть уже тяга, тенденция, нескрываемый интерес. Движение в сторону Бога.

— *Ну а что бы ты, Леонид, выбрал из двух безбожных вариантов: социалистическую Россию или нынешнюю коррумпированную Россию?*

— Как говорится, оба хуже. Коммунизм был запрограммирован на саморазрушение. Мы подорвались на праве наций на самоопределение. Но многие до сих пор не понимают, что мы подорвались на атеизме. Это главная мина, которая и взорвала государство. Ни у одного народа не отнимали на семьдесят лет его тысячелетнюю национальную религию. Поэтому даже не с кем сравнивать. Сегодня у нас состояние смуты. А смута — это и есть повреждение пониманий. Смута XVII века не затронула православие. Безусловно, ей предшествовали ереси того времени, но всё-таки основная часть народа оставалась православной. Перелом той смуты наступил не с Мининым и Пожарским, а намного раньше, когда присягнули польскому королевичу Владиславу. Присягнули единому закону. Кончилась эпоха самозванцев. Владислав был представителем мировой династии, он обещал принять православие, и русский народ не виноват в том, что он оказался мошенником. Он присягал уже как бы законному государю.

— *Может быть, и сейчас присягают Путину в надежде на конец смуты, а не только корысти ради?*

— Я это и имею в виду. Могу допустить, что сейчас мы имеем дело с феноменом Владислава.

— *Только сумеет ли он отделиться от своего Сигизмунда-Ельцина, или тоже окажется мошенником?*

— Народ проголосовал за тот образ, который ему подали, и он должен ему в какой-то мере соответствовать. Ведь каждого лидера раскручивали по-своему. И народ проголосовал за подачу именно такого, державного, боевого образа. Другое дело, насколько он способен соответствовать приглянувшемуся народу образу... Представляю, в каком он окружении и с какими проблемами столкнулся. В какую ужасающую реальность окунулся... Через какие компромиссы он должен проходить...

— *Может быть, когда он сумеет пройти все компромиссы, от России уже ничего не останется?*

— Может быть... Но я оптимист.

— *И что делать русскому писателю, чтобы помочь своему народу? Писатель в России всегда играл важную роль, был больной совестью народа, его ценили, уважали и боялись. И репрессии, гонения на писателей лишний раз доказали это. Если бы не боялись чекисты твоего влияния на русское общество, вряд ли тебя стали бы трогать. Либералы решили убить писателя иным способом, сделав его не нужным никому. Слово правды становится бесполезным, летит в пустоту, что бы ты ни написал. Ты веришь, что роль писателя в России изменится?*

— Я лично унижения не чувствую. То, что меня дальше кольцевой дороги не знают, не удивляет. Сейчас другое время. Литература выполняла не свои функции. Особенно в советское время...

— *Здесь я с тобой категорически не согласен. А Пушкин, Толстой, Достоевский, в конце концов, Солженицын — они тоже выполняли не свои функции? Они пытались влиять на общество, воспитывать его, пророчествовать, «глаголом жечь сердца людей». Уверен, любое государство обязано проводить свою культурную политику, и серьёзную литературу надо насаждать в обществе, как картошку при Екатерине. Ребёнок тоже не любит лекарств и предпочитает есть одни конфеты, но почему-то родители не потворствуют его прихотям, если по-настоящему заботятся о нём и любят его. В конце концов, надо создать моду на хорошую литературу, чтобы было стыдно не читать классику. Писатель должен быть желанным гостем на любой программе телевидения, в любой газете. Вместо прокладок надо рекламировать новые книги Леонида Бородина и Владимира Личутина. Навязывают не то, так другое. В конце концов, Бориса Акунина и Виктора Ерофеева нам тоже навязывают.*

— Я бы не возражал, Володя, чтобы навязывали меня. Но это дело мировоззрения писателя. Писатель сам говорит о себе своими книгами. Кто всерьёз воспринимает Акунина как писателя? Никто. Это занимательное чтиво. Он и сам не претендует на большее. Чему ты удивляешься? В нынешней смуте возобладал либерализм. Соответственно, и телевидение принадлежит людям этого мышления. Они свою литературу и пропагандируют. Чего ещё от них ожидать? Это отражение общей ситуации. Смута...

— *Значит, надо менять эту ситуацию...*

— Конечно, надо менять. И мы все так или иначе этим занимаемся. Ты — в своей газете, я — в своём журнале... Мы в своём журнале упорно издаём русских консерваторов. Возвращаем народу частицу национального сознания, которая была забыта и перечёркнута. Так мы работаем на возрождение.

— *Ты веришь в консервативную революцию? В новую консервативную культуру? Традиционно консерваторы определяли прорывы в русской культуре. Достоевский, Лесков, Чехов, Розанов, Булгаков и далее вплоть до Солженицына и Твардовского... Может, и сейчас смута завершится консервативным прорывом в будущее?*

— Русский консерватизм — это православие. Вычлени православие из консерватизма — и ничего не останется. Сейчас консерватизм так же популярен, как и патриотизм. Консерватизм без православия обернётся очередным уродством. Это не значит, что все должны быть воцерковлены, но должна быть ориентация на идеалы. Ничего мудрее о сути жизни человечество не придумало.

— *А как в русской литературе соединить консерватизм и православие? Как соединить богословие и художественность? Как собрать вместе литературу и христианство?*

— Никак. Это вообще сложный вопрос. Но давай упростим эту проблему. Не поминай имени Бога всуе... Обращение к Богу — это молитва. Политизированная литература — слабая литература, мы уже говорили о «Матери» Горького. Так и христианизированная литература — это тоже слабая литература. Если писатель пишет книгу для торжества православия, у него наверняка не получится. У меня самая православная книга — «Год чуда и печали». Там слово Бог не произносится ни разу. Сами проблемы вины, ответственности, страдания, смысла жизни, как мне кажется, подняты в ключе православном. Это моё мнение, но мне так говорили и люди, мнением которых я дорожу. Я об этом совершенно не думал, когда писал, но очень рад, что так получилось. Я совершенно не воспринимаю стихи о Христе. Не смог прочитать более трёх строк Юрия Кузнецова. Не понимаю даже, как это поэту приходит вдруг в голову написать православное стихотворение. Ты покажи своё отношение через живые образы, через чувства свои, не называй всуе.

— *Ты говоришь о русском православном крыле. Как бы ты охарактеризовал это деление русской мысли на западническую космополитическую ветвь и на почвенническую православно-государственную ветвь?*

— Об этом хорошо сказал в своё время Юрий Андропов в докладной записке, назвав нас русистами. Это, конечно, не политический и не литературный термин, но, тем не менее, это именно так — русисты.

— *Ты и сегодня себя считаешь последовательным русистом?*

— Да, безусловно. Кем же я могу ещё себя чувствовать?

— *Это понятие, очевидно, объединяет людей разных политических, эстетических и социальных взглядов. Это шире, чем, к примеру, консерватор, или реалист. Наверное, русизм и объединяет таких советских писателей, как Михаил Алексеев и Юрий Бондарев, с такими несоветскими, как ты или Игорь Шафаревич. Объединяет тебя и Александра Проханова.*

— Общее есть одно. Когда мы с группой писателей были в Иркутске, кто-то из журналистов задал вопрос, почему я, бывший зэк, выступаю вместе с маститыми советскими писателями? Я тогда и сказал: «Есть одно, что нас объединяет независимо от политических пристрастий — любовь к России». И это очень существенно. Немотивированная, ничем не обоснованная, естественно органичная, как любовь сына к матери. Это иррациональное чувство. Политика вынуждает рефлексировать на эту тему. Зачастую это звучит не очень хорошо, напыщенно и приторно. Но иногда ситуация вынуждает объяснять свои иррациональные, глубинные чувства. В нормальной обстановке никаких разъяснений не требуется, люди сами чувствуют свою любовь, и этого им хватает. Это состояние души и роднит многих из нас. Мы можем принципиально не общаться по разным политическим позициям, но, безусловно, человек, любящий Россию, для меня в любом случае близок, особенно если рядом есть люди, а их немало, не любящие Россию, презирающие её, считающие её историческим недоноском.

— *Полностью солидарен с тобой. Собственно, я и стараюсь в своей га-*

жете объединять всех литераторов разных эстетических и политических направлений, но любящих Россию. А значит — русистов... Что из своих книг ты ценишь больше всего?

— То, что никем не понято. Не считая книги «Год чуда и печали», глубоко личной моей книги, я очень ценю из написанного «Ловушку для Адама». Вещь эта не была принята и понята никем. Я не в обиде. Может, не сумел убедить читателя... Если во мне есть боль православия, то она вся — в этой книге. А проскочила совершенно незаметно для всех.

— *Может, время было такое, не до книг, самые разрушительные годы перестройки. Прочтут позже, я уверен, что у нас уже скоро вновь начнётся литературный бум. Люди захотят читать хорошую литературу. Вот и к тебе придёт новый читатель... Ты как считаешь, твоя жизнь в целом удалась?*

— Трудно сказать, удалась или не удалась. А то, что я везучий, — безусловно. Мне в жизни фантастически везло. С тем же писательством. Я никуда никогда не ходил. Ни разу в жизни. Рукописи не носил. Всё шло мимо меня. Я был то в одной, то в другой конъюнктуре. Когда писал в лагере и между лагерями, рукописи, не спрашивая меня, перевозили на Запад и там печатали, премии давали, в ПЕН-клубы принимали. Та диссидентская конъюнктура кончилась — Запад меня наглухо забыл. Я это понимал уже тогда. Пользовался, пока печатали, и знал, что когда-нибудь это кончится. В начале перестройки у нас началась конъюнктура: политический заключённый, лауреат международных премий — тоже начали активно печатать, и «Наш современник», и «Юность». Книги выходили сами собой. Но и это кончилось... Мода на эзков прошла.

— *Тем более и Запад, и либералы раскусили твоё русистское нутро. Думаю, если бы ты не поехал с группой русских патриотов по городам США — с Куняевым, Лихоносовым, Олегом Михайловым и другими, — может, какое-то время ещё и пользовался бы на Западе режимом наибольшего благоприятствования в издательствах. Как Максимов или Владимов. А так тебя занесли в печально знаменитый «десант советских нацистов в Вашингтон». По сути, умелая провокация американского посла в России...*

— Может быть, ты и прав. Но продлилось бы моё издательское счастье ещё ненадолго. Вскоре и Максимовы Западу оказались не нужны. Помню, глава английского ПЕН-клуба леди Антонио Фрезер в одной из крупнейших английских газет была обвинена в либерализме. В левизне. Их упрекали, что они с мужем сколачивают левое лобби в литературе. Отвечая на эти упреки в другой газете, леди Фрезер сказала, мол, у меня недавно в гостях был русский националист и консерватор Леонид Бородин.

— *А ты считаешь себя русским националистом?*

— Нет. Не люблю это слово. В большом народе нет национализма. Почему я должен быть националистом? Я просто русский — и всё. Русский националист — это масло масленое.

— *Ты прав. Сегодня в наших интеллигентских кругах провозглашение себя «просто русским» уже неприлично, попахивает фашизмом. Объявить себя*

русским, а свою литературу и культуру не российской, а русской — значит, выйти за черту политкорректности.

— Так сложилось исторически. Слово «национализм» употреблялось по отношению к малым народам. Шотландский национализм, фламандский национализм — звучит, а русский национализм — какое-то принижение для нас. Мы просто русские, и это здорово.

— *А что тебе, Леонид, не удалось в жизни сделать? О чём мечталось, но не получилось?*

— В детстве я мечтал быть штурманом дальнего плавания. Мечтал быть моряком. До сих пор даже слабенький фильм о море меня привлекает.

— *Как же при этом ты уподобил море чему-то мёртвому и недвижному в книге «Женищина в море»?*

— Это такой литературный выверт. От противного.

— *А как ты попал в школу милиции? Тоже мечтал ловить бандитов?*

— Нет, по призыву партии. В полном смысле слова. После школы, когда была амнистия и последующая криминализация всех городов. А я был сознательный комсомолец и решил пойти работать в милицию.

— *Почему же не закончил школу милиции? Из тебя бы крутой офицер получился.*

— После XX съезда КПСС открылись новые истины. Мне нужны были библиотеки, новые знания, и я решил стать студентом.

— *В юности ты с друзьями решил изменить порядок в стране. Уже в лагере ты решил попробовать себя в литературе, стал писать прозу и стихи. В начале перестройки ты возглавил журнал «Москва». У тебя была своя программа журнала, своя задача? Удалось ли тебе задуманное?*

— Нет, не удалось. Мне стыдно называть зарплаты, которые мы платим сотрудникам. Стыдно называть гонорары, которые мы платим нашим авторам, тому же Александру Панарину. Если бы он публиковался в каком-нибудь «Мегаполисе», получал бы раз в двадцать больше, чем у нас. Поэтому у меня нет чувства удовлетворения. Есть ощущение вины, что не сумел сделать задуманное. Я, конечно, могу оправдываться: так во всех литературных журналах любой ориентации. От этого не легче. Выживут ли толстые журналы? Думаю, выживут. Конечно, не будет советских тиражей. Но вспомним, какой был тираж у пушкинского «Современника»? Или у Некрасова? Всегда тиражи были небольшие, а значимость у журналов была. То, что было при советской власти, — это феномен, который требует особого разговора. Больше никогда таких тиражей не будет. А русская литература — будет. Наши журналы становятся по-хорошему элитарными, и в этом качестве они выживут. Это одна из наших русских национальных традиций. Любой побывавший на Западе писатель знает, что такие журналы есть только у нас, в России. Там журналов — завал, но иные, с иными целями. Наша литературная традиция — толстые литературные журналы. Сохранить её — уже важная задача.

— *Кто тебе близок в журнальной политике? Какие журналы считаешь своими конкурентами в хорошем творческом смысле?*

— У каждого журнала свои авторы. Конечно, наши авторы печатаются в «Нашем современнике», их авторы печатаются у нас. У нас есть с этим журналом определённая близость. Есть какие-то сближения с другими журналами. Олег Павлов, к примеру, печатается в «Октябре», печатается и у меня. Я против лютой литературной борьбы. Не возражал бы и против Маканина у нас. Буду рад любому автору, если он не похабник и не халтурщик. Я готов печатать любого талантливого русского писателя, где бы он до того ни печатался и в каких бы коалициях он ни состоял. Но, конечно, если он пишет в рамках традиций русской литературы. Хотя тот же Виктор Ерофеев тоже считает себя русским писателем. А я думаю, что это просто вывих русской литературы. Может быть, интересный, может быть, талантливый. Думаю, что талантливый.

— *Сегодня вывихов набирается довольно много, особенно в молодой прозе; что делать будем, вышвыривать за борт? Тот же Сорокин, тот же Пелевин... Тебе не кажется, что сегодня эти вывихи осознанно культивируются нашим государством? Такова наша культурная политика...*

— Нет. У нас государства пока ещё нет. Пока ещё царит смута. Государство не может рыть себе яму. Как только государство начинает стабилизироваться, оно начинает отсекал от себя все разрушающие моменты, какое бы государство ни было — левое, правое, ещё какое-либо. Так все абстракционисты в двадцатые годы потихонечку выплыли из России. Они не нужны были в строящемся государстве. Кончился процесс разрушения. Так же изменился слог русских литераторов в конце двадцатых годов, того же Леонова, Эренбурга. Ломаный, с причудами — оказался не нужен. Любое государство — не есть обязательное добро во всём. Но это бытие народа.

— *Значит, мы по нашей литературе увидим, как и когда начнёт возрождаться государство. Когда и Пелевин, и Ерофеев или уедут куда-либо, или станут писать по-другому. Но ведь Ерофеев уже пишет по-другому и воспекает Павку Корчагина. Может, он опять опережает время?*

— Вот где я вижу возрождение государства — так в молодой русской прозе. Я недавно руководил семинаром молодых прозаиков. Мы с Золотцевым вели группу, у нас было десять человек в первый день и двадцать в последний. Из других семинаров к нам перешли. Крепкая традиционная проза. Идёт стабилизация. Человек упорядочивает свой стиль. Стремится к чистоте жанра, к определённости бытия героя. Это значит, эпоха начинает разворачиваться. Государство — это способ самоорганизации народа. И эта самоорганизация должна происходить на всех уровнях — и в науке, и в армии, и в культуре. Заканчивается хаос. Трагедия в том, что мы ассоциируем государство с властью, то есть с конкретными людьми и властными структурами. Это от нашей неграмотности.

— *У тебя есть очень интересная повесть «Правила игры», о которой я писал. У тебя есть и свои правила игры: как в жизни, так и в литературе. Связано ли это ещё и с тем, что ты сам по натуре игрок? Помнишь знамени-*

того «Игрока» Достоевского? Тот и сам был игроком, потому так гениально сумел описать психологию игрока. Как ты устанавливаешь свои правила игры?

— Понятие «правил игры» для меня связано с нравственной позицией человека. Какова нравственность, какова порядочность, таковы и правила игры. Но говорить о нравственном поведении как-то высокопарно, а «правила игры» — звучит нейтрально. Они для меня существовали всегда, в самые жёсткие времена, и я старался их не нарушать, чего бы мне это ни стоило. Но в литературу я не играю. Я же пишу очень медленно. По две-три страницы в день. Повесть — за два года. И в самом процессе писания для меня есть интересные моменты, а есть — не очень. Мне один молодой автор признавался, что пишет всегда с удовольствием. Я — нет. Не могу так сказать. Для меня удовольствие — читать законченную вещь.

— *Может быть, ты лишь сейчас к этому пришёл. Помнишь, ты рассказывал, как в камере стремительно написал детектив...*

— Тогда это был момент отдыха для меня. И потом, всё равно в свой «Таёжный детектив», который с твоей помощью был опубликован в журнале «Слово» в начале перестройки, я вносил и важную идейную нагрузку. Просто детектив я бы написать не смог, хотя я и учился в школе милиции, у меня были какие-то знания о криминалистике. С другой стороны, в молодости я сам знал все эти уличные шайки, знал их правила. Но чистый детектив написать не получается.

— *А что хочется ещё написать?*

— Сказать не могу. Скажешь — не напишешь. Сейчас закончил повествование, претендующее на исповедь. Нечто вроде мемуаров. Наверное, заразился у других. Вот Куняев написал свои. Я решил тоже поразмышлять о своём жизненном опыте. Какие-то критические оценки событий, людей... Хотя мемуары — это же воспоминания. А я принципиально ничего не вспоминаю. Что сейчас помню, то и пишу. Какие-то моменты в жизни забылись. Могу припомнить, но не хочу этого делать. Это как стихи: если сочинилось, но не запомнил, значит, оно плохое.

— *Были ли какие-то события, которые перевернули твою жизнь?*

— Конечно. То же вступление в подпольную организацию. Это ли не переворот? Это был трагический переворот в моей жизни. Ни в какую нашу победу я не верил, как и многие из нас. Мы знали, что мы погибнем. Мы не знали, кто стоит во главе организации, — может быть, какой-нибудь авантюрист, который пошлёт нас на заклание. С другом как-то рассуждали: где погибнем, как... При этом никакими героями мы себя не чувствовали. Может быть, потому что всё обязательно чем-нибудь омрачалось. Я не могу чувствовать себя героем, если я по первому своему делу признал себя виновным. Значит, справедливо осуждённым. По второму своему делу я ужасно недоволен своим судом, хотя со стороны мои друзья чуть ли не гордились моим поведением, не признал за собой ничего, ни одной фамилии не назвал. Но я-то лучше знаю: тут-то про-

махнулся, там-то неверно себя повёл. Конечно, я никого не заложил, а от меня требовали показаний о людях. Но удовлетворения от суда не было. Потом меня очень обрадовало признание оперативника, что КГБ считало моё дело проигранным. Для меня это была такая радость! Полкамня с души свалилось. Есть моменты в жизни, которыми я горжусь. Некоторые удачи.

— *Вернёмся к литературе, к твоему творчеству. Какое место у тебя в книгах занимает любовь?*

— По-моему, большое. Я не пишу любовных романов. Может быть, потому, что у меня самого так жизнь сложилась. Никогда не был воздыхателем. Но любовь — это же не просто описание любовных страстей, она может пронизывать всю прозу, даже о войне, о мировых трагедиях... «Год чуда и печали» — это тоже книга о любви. Я и на самом деле в детстве пережил ни с чем не сравнимую любовь. И в «Третьей правде», и в других моих книгах — везде есть любовь, но это не любовные романы. Вот сейчас нам дал Пётр Краснов свою чудесную повесть о любви. Кстати, там у него идёт на нескольких страницах сцена любви. Я рекомендую прочитать, как можно русским языком, без грязи, сказать всё. Ерофееву до такой глубины никогда не дойти.

— *А что для тебя свобода творчества в литературе?*

— Я сам — пример свободы творчества. Всю жизнь писал лишь о том, о чём было интересно писать. В лагере я писал свои повести, не рассчитывая ни на какую публикацию. А потом — тем более.

— *Ограничителем является твоя совесть?*

— Скорее, собственное видение мира. Совесть — это уже рефлексия.

— *Значит, просто видение мира у Ерофеева, Сорокина и других — иное, чуждое тебе?*

— Это если предположить, что у них всё написано честно. Может быть, у них ещё и конъюнктура. Вспомним сцену на телепередаче, когда мальчик из «Идущих вместе» предлагает Ерофееву: «Прочитайте вслух это место из вашего романа». Прекраснейший момент. Ерофеев мнётся, что-то мямлит, зал уже хохочет... Жаль, что я не записал, такая поучительная вещь. С трудом заставили его прочитать вслух, он это матерное слово как бы выпихнул из себя. Не верю в его искренность. Неприятно ему было это читать. И я просто рад, что молодые уже пишут по-другому. Перешагнули навязываемую им похабщину. Понимают, что литература — это иное, и задачи у неё — иные. За будущее русской литературы я спокоен.

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА

ЧЛЕН АССОЦИАЦИИ ИСКУССТВОВЕДОВ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КРИТИКОВ,
ЧЛЕН МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ПЕДАГОГОВ-ХУДОЖНИКОВ

Вселенная художника Александра Москвитина

Александр Москвитин, потомок казаков-первопроходцев, родился в городе Улан-Удэ, бывшем городе Верхнеудинске, острог которого заложил в XVII веке русский казак-первопроходец Иван Юрьевич Москвитин. Улан-Удэ — столица Республики Бурятия, расположена в красивейшем лесостепном Забайкалье на слиянии рек Уды и Селенги. Детство, проведённое в тайге, на реках, полных рыбы, в горах и на Байкале, формировало у Александра особое художническое мировоззрение: с горных вершин открывались леса и степи, и это огромное жизненное пространство рождало в душе художника чувство красоты, свободы и счастья.

Александр рос в творческой среде. Дед был музыкально одарённым человеком, отец — художник, поэт, кузнец. Дар к рисованию у мальчика обнаружился рано. Отец, Морис Константинович, вспоминал, что «маленький Саша рисовать начал раньше, чем ходить. Он ещё на пузе ползал, а уже рисовал, лежа на полу». И неудивительно, что Саше Москвитину устроили первую выставку в центре города, когда ему было всего 6 лет.

После этого маленький «маэстро» входил в классы изостудии Дома пионеров героем, он — единственный, кто обладал правом брать ключи в любое время. И с педагогами-наставниками ему повезло: это были Герой Советского Союза Георгий Константинович Москалёв, Генри Константинович Купцов, Елена Алексеева-Барановская. Рядом с изостудией находились музеи, театры, Союз художников, мастерские тогда ещё молодых классиков бурятского искусства Д.Н. Дугарова, А.В. Казанского, Г. Васильева и других. Они стали Саше Москвитину старшими товарищами. Их двери всегда были открыты для юного дарования. Заинтересованное дружеское общение, творческий задор,

картины, этюды приводили подростка в восторг и многому учили. Это было время, когда организовывались частые поездки художников на пленэр по бурятским улусам и русским деревням, к берегам рек, к горам, лесам, в тайгу. На пленэр брали Сашу Москвитина, и это укрепляло в юном живописце любовь к природе, развивало наблюдательность. Необходимо было учиться быть терпеливым, внимательно следить за полётом птиц, за изменением пейзажа в зависимости от освещения и времени года.

Александр был увлечён историей и культурой степных кочевников, а также его интересовал жизненный уклад семейских (старообрядцев Забайкалья). В отрочестве собирал коллекцию археологических артефактов и палеонтологических останков — бивни, зубы мамонта и шерстистых носорогов, кости, рога и черепа современных животных, благородные камни, минералы, кристаллы и прочее.

Четырнадцатилетним юношей приехал Александр в Иркутск, где в один день, по причине опоздания, сдал экзамены и поступил в училище искусств. Учился вместе с известными иркутскими художниками, такими как Сергей Коренев, Борис Десяткин, Николай Гох, Сергей Бухаров, Елена Киселева, Наталья Рубцова и другие. Учёба в училище проходила неровно, в постоянной полемике с педагогами. Беспокойство духа, жажду самостоятельного творческого труда ощущал Александр всё время. Его влекли иные задачи, ему уже была не интересна живопись этюдного характера, хотелось всеобъемлющей надмирности.

И в это время его другом и соратником стал Вячеслав Шичков, который оказал большое влияние на формирование стиля молодого Москвитина. Их сблизила художественная концепция, где важны точность и подлинность в передаче монументального образа, где декоративно-изысканные ритмы полотен дополняет изысканная грация формы, где в каждой детали, как говорит сам художник, «чувствовалось живое ощущение Сибири». Даже разговор о последних тенденциях современного искусства и философии давал небывалый импульс в развитии, появлялось непреодолимое желание творить, создавать что-то новое и неповторимое. После окончания училища Александр Москвитин едет в Ленинграде и поступает в Высшее промышленно-художественное училище имени В. Мухомовой.

Мощь мысли и сила обобщения, выражаясь в новой пластической форме, превратили работы художника в явление большого искусства. В 1970-е годы молодой художник активно вовлекается в художественную жизнь страны, участвует в городских, областных, республиканских, всесоюзных и международных выставках.

В 1980–1990-е годы Александр Москвитин, не оставляя живопись, занимается и административной работой. Являясь членом Комиссии по работе с молодыми художниками Союза художников СССР, руководит семинарами, возглавляет творческие группы во Всесоюзном Доме творчества «Сенеж», на творческой даче имени Константина Коровина в Гурзуфе, Доме Батор творчества «Старая Ладога», организывает международные симпозиумы, участвует в подготовке и проведении всесоюзных и зарубежных выставок.

Вовлекаясь в административные заботы-хлопоты, художник, как говорили раньше, не забывает творчество. С большим успехом проходят его вер-

нисажи в стране и за рубежом. Вместе с другими художниками Александр Москвитин участвует в выставках, которые проходят не только в России, но и за рубежом: Париж, Нью-Йорк, Милан, София, Улан-Батор, Лондон, Сеул, Мюнхен, Франкфурт-на-Майне и другие города.

С 1990 года художник живёт в Москве. Это время драгоценного общения с маститыми художниками, искусствоведами, реставраторами, писателями, поэтами, режиссёрами, актёрами, музыкантами, учёными, врачами, спортсменами, космонавтами и, просто, чудиками, мечтающими о создании «перпетуум-мобиле». Среди его друзей Вячеслав Клыков, Андрей Васнецов, Иван Николаев, Николай Андронов, Татьяна Соколова, Гурий Захаров, Валентин Сидоров, Виктор Калинин, Леонид Баранов, Николай Мухин, Валерий Башенин, Никита Медведев, Владимир Брайнин, Георгий Кичигин, Татьяна Назаренко, Николай Рыбаков, Элеонора Жаренова, Владимир Васильцов, Анастасия Васильцова, Виктор Грачёв, Анатолий Зверев, Михаил Шварцман, Анатолий Чашинский. Творческая судьба сводит художника с известными русскими писателями и драматургами, среди которых Валентин Распутин, Владимир Личутин, Александр Проханов, Егор Исаев, Владимир Бондаренко, Тимур Зульфикаров, Валентин Устинов, Михаил Ворфоломеев, Владимир Карпов, Владимир Гуркин и многие другие. Перечислить всех друзей не представляется возможным, иначе повествование о художнике закончится, а начнётся бесконечная вереница имён и фамилий. Александр всех помнит, память у него феноменальная; к тому же друзья — известные писатели, художники, искусствоведы. — высоко оценивая москвитинскую живопись писали о творчестве Александра статьи, публикуя их в столичных и губернских журналах.

А теперь хотелось бы продолжить рассказ о том, какие размышления были переработаны в уникальный творческий опыт, как воображение перешло в мир таинства его холста. В Москве Александр живёт и работает в прекрасном художественном окружении. У него большая мастерская на Знаменке, напротив Кремля, рядом Музей изобразительных искусств имени Александра Пушкина, недалеко бульварное кольцо, Замоскворечье. Работая в мастерской, которая находилась на последнем этаже, откуда можно было выйти на крышу, художник ощущал чувство полёта над миром. Величие и грандиозность отличают энергично написанные картины «Съёмочная группа на Красной площади», триптих «Москва», полиптих «Памяти Вампилова». Особенное трепетно-личное отношение чувствуется в «Портрете дочери Вари» и «Насте», выполненных с духовной глубиной и человеческого проникновения, с особой романтической «русскостью».

В это время возрождается Русское Православие с его идеалами Святой Руси. Подобно исследователю, художник изучает памятники древнерусской архитектуры Москвы и других крупных городов России с их уникальными памятниками русского зодчества. Москва вдохновляет, но и пугает. Социально-политическая жизнь страны конца 1980-х — начала 1990-х годов, вовлечённая в беды развала и крушения, ужасает. Но художник не выходит «на баррикады с мольбертом» (хотя он был непосредственным участником событий 1993-го), он не пишет остросоциальные, политически злободневные картины и не бросается в «гламурный салонный заказ». Разрабатывать современ-

ную политическую тему он стал, прибегая к аллегории («Охота», «Битва», «Реквием» и другие произведения). Используя этот приём в живописи, художник создаёт композиции, построенные на диссонансе, и в этих нарушениях, странностях, изломах линий чувствуется надлом и болезненность. Пластически выразительные фигуры имеют противоречивые мотивы движения. Это связано с визуальными экспериментами в области геометрии живописи, где автор отказывается от закона математически правильной выстроенной перспективы с одной точкой схода и преобразует пропорции, формы тел и предметов внутри многоуровневой пространственной структуры, известной только ему самому. Такие преобразования позволили игнорировать шаблоны и создать свой неповторимый изобразительный язык, на котором художник может «говорить» свободно.

С юношеских и до нынешних лет Александр Москвитин постоянно путешествует по Сибири и Дальнему Востоку. Разнообразие ландшафтов и этнических типов, бытового уклада вдохновляют художника на создание больших композиций. Приступая к работе, он пытается вместить не только свои жизненные наблюдения, но и представить в целом картину мира кочевой цивилизации. Словно племенное божество восседает на самой вершине горы чукча-проводник («На пути в Аляткавааму». Из собрания Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачёва). Загадочная улыбка на северном лице. Проводник — обладатель знаний, и ему доверена самая значимая сакральная функция, которая является залогом гармоничного существования всего рода. Он, хозяин родовой земли, внимательно следит за всем происходящим, одновременно наблюдая и за зрителем, всматривающимся в широкую долину, окружённую горами, и пробегающую у подножия горы речку. В основе художественно-образной концепции выступает наложение современных реалий на культурно-историческую почву древнего народа. Автор полотна уверенно транслирует высокие родовые добродетели — любовь к природе, к предкам, жёсткие нравственные правила... — которые помогают представителям различных сибирских этносов (буряты, чукчи, тофы, юкагиры, нганасы) выживать в суровых условиях бескрайнего Севера.

Манера письма, построенная на тоновом воспроизведении реальности в соединении с упругой четкой линией, стала характерной особенностью творческого метода А. Москвитина. Особая пульсация живописной поверхности холста достигается различной степенью напряжённости и изменением силы цветового подхода. Примечательно, что мастер то смягчает переходы от цвета к цвету, то вновь сталкивает их. В этом сложном взаимодействии колористического строя энергия чеканной линии выявляет силу и мощь творческого тайнорождения. Виртуозно владея рисунком, художник в живописном пространстве картины посредством тонкой, изящной линии сообщает работе особую динамику, привнося в общий ритм картины ещё большую эмоциональность. Таким образом, вибрация красочного слоя достигается не пленэрным методом, а условно-академическим способом. Используя классические художественные приёмы, мастер предлагает свой вариант пластического воплощения самых тонких, психологических состояний в портретах: оттенок легкой грусти в «Воспоминаниях», сдержанные эмоции в «Портрете Бориса Дмитриева», са-

мопогружённость, граничащая с пристальным вниманием в «Автопортрете».

В 2000-е годы на разных выставочных площадках страны художник показывает профессиональной и широкой публике многоаспектные историко-философско-художественные проекты: «Острова», «Тайна Таюры», «Путь на Восток», «Предвечные смыслы», «Поток ветра», «Золотое течение реки»... В этих проектах мастер осмысляет содержательные элементы искусства, включающие в себя непостижимые основы мироздания. Художник виртуозно играет с пластами действительности.

Диапазон его творческих поисков неисчерпаем. Для Михаило-Архангельского Харлампиевского храма в Иркутске Александр Москвитин разрабатывает проект иконостаса, пишет иконописный триптих «Три святителя: Иннокентий Кульчицкий, Иннокентий Вениаминов, Софроний Кристалевский».

Александр Москвитин — художник универсального дарования. Его талант проявляется не только в живописных работах, иконописи, но и в графике, книжной иллюстрации. В разные периоды он пробует себя в гобелене, керамике, монументальном искусстве. В 2011 году в Москве был разработан проект оформления Музея космоса при НПО имени С.А. Лавочкина. В 2013 году Александр Москвитин предложил Иркутску грандиозный скульптурный проект «Памятник Славы морякам земли Иркутской — бывшим, настоящим и будущим», планировавшийся в Иркутске на бульваре Гагарина (*подробнее на сайте www.irkutskaya.morskaya.slava.rf*). В 2014 году участвовал в масштабном арт-фестивале «Табун ветров», организованном на озере Байкал.

Александр Москвитин — личность незаурядная: его острый ум, независимость, фантастическая трудоспособность, любовь и преданность родному делу предопределили успех в его ярком, оригинальном творчестве.

Послесловие к публикации

О творчестве Александра Москвитина, как поминалось выше, писали многие деятели русского искусства и науки; вот фрагменты их статей.

Виктор Ванслов,

академик Российской академии художеств,
доктор искусствоведения, профессор

Александр Москвитин принадлежит к художникам среднего поколения... которое выступило на арену общественной жизни в 1970-е годы и принесло в наше искусство свежие веяния. Так называемый «суровый стиль» в живописи, бывший новым словом предшествующего десятилетия, в эти годы уже во многом исчерпал себя. Художники обратились к поискам более глубоких смыслов жизни, часто прибегая к символике и метафоричности, к декоративности и воспеванию прекрасного. <...> А. Москвитин — яркий представитель реалистической академической школы. Это сказывается в его виртуозных рисунках, в ясном композиционном построении картин, в продуманности коло-

ристической системы живописи, никогда не содержащей случайных цветовых элементов. Он мастер психологического портрета, этот жанр приобрёл в его творчестве определяющее значения. У него много работ, посвящённых жизни различных народов Сибири. Они выполнены в реалистической манере, но при этом в них видно стремление художника передать не сиюминутное состояние или изобразить преходящий эпизод, а поднять жанровую сцену до выражения глубинных основ народного бытия, проясняющего смысл человеческой жизни. Значительную роль в творчестве А. Москвитина имеют пейзажи. <...> Пейзажи А. Москвитина на первый взгляд вполне реалистичны, в них как будто нет никакой фантастики, никаких нарочитых деформаций, но живопись здесь словно мерцает и пульсирует, и кажется, что в этих пейзажах заключена некая тайна. Даже спокойное состояние природы таит в себе внутреннее напряжение. А когда художник изображает излюбленные им штормовые состояния, то цвета и линии закручиваются в некоем вихре, словно всколыхнувшем все стихии. Нечеловеческая энергия этих стихий передаётся зрителям, вселяя в них тревогу за состояние вселенной. Цветовая насыщенность, напряжённая экспрессия и динамика, мерцающая фактура пейзажей А. Москвитина придают им космическое начало. Это не просто картины природы, а космос в его конкретном, индивидуальном проявлении.

Драматург Михаил Ворфоломеев

Александр Москвитин <...> явление уникальное, собирательное. Так происходит в природе, что сотни художников разных стран и национальностей что-то ищут, создают стили, направления. После приходит один, и один всё вбирает в себя. Причём он берёт не стесняясь. Он знает, что надо не подражать, а развивать, обобщать всё прожитое человечеством за много веков. Ну, а кому это под силу, как не русскому художнику? Таким художником и стал Москвитин. <...> Москвитин — гений. В этом промысел Божий. Он русский художник, и как всякому русскому ему понятно явление Космичности. Он — такое же явление в живописи, как Достоевский в литературе. Ему не пришлось специально выдумывать стиль, манеру, всё это родилось вместе с ним. Сибирь подарила ему такие горизонты, которые не приснятся ни одному французу или немцу. У русского нет дома. Его дом — Вселенная, его мир — весь Земной шар. Русский — это не национальность, это цивилизация. Атлантида не затонула, а переехала на Дунай, после на Волгу и уже с Волги ушла в Сибирь. Мне кажется, что мистическая память Москвитина помнит всё, даже начало исхода предков славян из Индии. Жизнь древнего человека-охотника жива в нём и поныне. Под седым пеплом времени живёт огонь. Когда я впервые увидел его картину «На нерест», я был восхищён! Точность красок и необъятность фантазии....

Писатель Анатолий Байборodin

...Лишь избранные мыслители и художники поколения смуты и прозрения поймут, как Запад, выигравший у России «холодную войну», обвёл вокруг

пальца творческую интеллигенцию: диссидентов соблазнил «вседозволенной волей» и модерном, «почвенников» искушил ностальгией по деревенской и старгородской Руси, по нетронутой дикой красе лесов, полей и озёр. Искусив и одолев Россию, вручил Запад русской колонии «вседозволенную волю» — пейте, пойте и пляшите, бесово отродье, на отеческих костях, в Московском Кремле, как на ведьмовском шабаше. От «вседозволенной воли» — заросшие дурно-пьяной травой житные пашни, отчаянно нищая деревня, кокетливые старокрестьянские избы в музее под открытым небом и родные земли, на корню скупленные вчерашними вольнолюбцами. Но осознают и запечатлеют русскую трагедию не военные и не послевоенные художники, а поколение смуты и прозрения, в коем созрел и живописец Александр Москвитин. <...> Слава Те Господи, избранные русской памятью, подобные певцу Игорю Талькову, хлебнув наркотической отравы, тут же очнулись и явились блудными сынами к отеческому очагу, и покаянно вспомнили о Боге... И осознали душой, где угнездился дух Божий, что живописец, не плетясь понуро за натурой, может образно и символично отображать мир человека и мир природы, но грех великий рушить Божественный мир. Отряхнув «ветхие лохмотья» формотворческого модернизма, избранные художники третьего поколения воплощали своё мировидение и мироощущение в традициях древнего и вечно юного реализма, от «формотворчества» обретя лишь некие формальные достижения, обратив их в композиционные и живописные приёмы. Москвитин Александр — уроженец городской золотой молодёжи, в молодые лета слыл кумиром творческой богемы; но, ведомый умыслом иль промыслом, распираемый живописной силой, потаенно и азартно трудолюбивый, неколебимо верящий в свою художническую звезду, не утопил талант в богемных шабашах, не сгинул в пучине модернизма, но, пройдя огни, воды и медные трубы, возродился к российскому имперскому искусству. А яростное блуждание в западном модерне, как ни странно, лишь обогатило и без того необозримо щедрую, порой и вселенски холодноватую, неотмирную, но и яростно земную москвитинскую живопись. Живопись Александра Москвитина в иных произведениях — имперская евразийская симфония, где слились мелодии сибирских народов, в других полотнах — музыка нечеловеческая, музыка Вселенская.

Владимир Бондаренко,

литературный критик, редактор всероссийской газеты «День литературы»
(из очерка «Русская палитра Александра Москвитина»)

Новый реализм Александра Москвитина, с одной стороны, предметен и зрелищен, как, к примеру, реализм его сибирского земляка Сурикова, с другой стороны, фантастичен, красочен до беспредметности, уже в духе Лентулова или Натальи Гончаровой. Видно, что он и хотел бы углубиться в живописный эксперимент, но его природная сибирская языческая натура не позволяет уходить в элитарные новации. <...> Сибирская размашистость, природный мудрый психологизм, цветастость. Нерест рыбы и схватки оленей, шаманские обряды и разбойничья удаль — яркие красочные сюжеты, исполненные к тому же в колдовском цветовом обрамлении. <...> Он — мистик, и потому

ему удаётся соединить город и море, лес и человека, старину и фантастическое будущее.

Поэтесса Надежда Мирошниченко

Москвитин словно бросает вызов любым нормам и школам, удерживаясь на какой-то последней грани во всём: в цвете, в композиции, в сюжете, в характере... Он на самом деле выламывается из любых приёмов и направлений. Он будет хорошо смотреться и на выставке академиков, и на выставке крайних авангардистов. Всё вбирает в себя его мифологичность. <...> Но такая мифологическая всемирность, надмирность ещё более подчёркивает москвитинскую русскость. <...> Для Москвитина нет дорожки сюжета, как погрузиться в вечные евразийские мотивы, и где там буряты, где нивхи, где казаки, где сосланные поляки — в русском имперском замысле нет таких противостояний. Значит, и вражда у нас нынче идёт — иными пришельцами затеянная, вне русского замысла. И потому русская палитра Александра Москвитина на удивление многоцветная. <...> Его земные ландшафты сливаются с древними видениями. Его природа сталкивается с его цивилизацией, с его русским имперским проектом. <...> Люди и звери, цветы и птицы, священные деревья и бушующий ветер встречаются на пространстве его полотен где-то вне времени: то ли миллион лет назад, то ли в XXI веке, но тут же какие-то технократические напластования, тут же цикл аристократически отделанных портретов, тут же исторические сюжеты. Художник в своём буйстве всё перемешивает — направления, стили, эпохи. Этакое торжество плодородия. Этакое сибирское первооткрывательство. Как бы звучит поэзия Заболоцкого и Хлебникова, музыка Свиридова и Мусоргского...

«...Добрым всходам начинать сначала...»

О БИБЛИОТЕКЕ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

Перелистать книги из домашней библиотеки Валентина Распутина может любой читатель, перешагнувший порог Гуманитарного центра-библиотеки имени семьи Полевых в Иркутске. Это муниципальное учреждение культуры оказалось одним из немногих в Прибайкалье, куда наш земляк ещё при жизни передал свои книги из личной библиотеки. Многие из этих изданий являются раритетными, в Иркутске таких книг нет. Прежде всего, три тома «Путешествия Государя Императора Николая Второго на Восток», вышедшие в свет в издательской фирме «Брокгауз» в 1897 году — «Великий океан», «Наша Азия» и «По Сибири». Редкое издание Гуманитарный центр предоставлял в 2013 году Музею истории Иркутска им. А. Сибирякова для демонстрации на выставке «400 лет династии Романовых». Ещё В. Распутин передал нам 60-страничное издание «Открытие Императорского Томского Университета 22 июля 1888 года», в том же году отпечатанные в Томске типо-литографией Михайлова и Макушина. Есть в коллекции «Записки Красноярского Подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества» (под редакцией Г. Потанина), вышедшие в 1906 году в Томске в Паровой типографии Н.И. Орловой. Передана ГЦ и книга «Записки старой смолянки 1858–1878 гг.: Жизнь в Сибири — Иркутске» Варвары Быковой, воспитательницы и учительницы Смольного, а затем Девичьего института Восточной Сибири (Иркутск), вышедшая в свет в 1899 году в Санкт-Петербурге. Украсил нашу библиотеку, изданный в 1915 году в Петрограде отдельной книгой, историко-географический очерк М. Писарева «Сибирь» и «Заговоры, обереги, спасательные молитвы и прочие» Н. Виноградова, изданные в Санкт-Петербурге в 1907 году.

Большая часть книг «распутинской» библиотеки в Гуманитарном центре посвящена литературоведению и языкознанию, в том числе вышедший в середине XIX века «Опыт Областного великорусского словаря, изданный вторым отделением Императорской Академии Наук». Есть художественная литература, в том числе авторское издание М.Е. Салтыкова-Щедрина в 9 томах (1889), первый том Собрания сочинений Н.В. Гоголя (1912), «Борис Пастернак, стихотворения в одном томе» (1933), а также изданные уже в наши дни И. Тургенев, А. Ахматова, В. Маяковский, Ю. Трифонов, Р. Роллан, М. Пруст, А. Рембо, У. Уитмен. Полновесные разделы составили подаренные нам писателем книги по фольклору, истории, религии, философии, искусству, психологии, географии. Долгий путь на берега Ангары проделали изданные «за железным занавесом» в 1955 году парижским издательством YMCA-PRESS «Истоки и

смысл русского коммунизма» Н. Бердяева и в Нью-Йорке «Русский язык при Советах» А. Фесенко. Валентин Распутин подарил книги из домашней библиотеки, автором которых являлся сам: «Сибирь, Сибирь...», «Дочь Ивана, мать Ивана»: повесть. Рассказы», «Избранные произведения» в 2 томах, изданные в Братске в 1997 году. Всего из домашней библиотеки Распутиных в Гуманитарный центр поступило 415 экземпляров книг.

«Первые 240 книг из домашней библиотеки Распутина поступили к нам в 2006 году, в 2008-м дар был дополнен ещё 175 книгами, — рассказывает директор Гуманитарного центра Людмила Пронина. — Почему Валентин Григорьевич выбрал нас? Я тоже над этим задумывалась. Наверное, следует вернуться в 1997–1999 годы, когда формировались наши фонды, когда в наших стенах проходили первые встречи читателей с гостями «Сияния России», с ними приезжал и Валентин Григорьевич. Ещё в 1999 году, перед тем как мне предстояло впервые вести встречу с читателями, я подошла к нему и сказала:

— Валентин Григорьевич, я в первый раз буду вести встречу, Вы можете мне?

— Да, да, помогу!

И помогал, когда приезжал к нам в дни «Сияния», в 1999–2000 годах. И после наших приветственных слов от имени коллектива Гуманитарного центра говорил: «Меня коробит «гуманитарный»! Людмила Александровна, ну почему вы так называли библиотеку. Я отвечала, что это идея Марка Сергеева: гуманитарный — для человека. С другой стороны, нас первое время принимали за благотворительную организацию. Но мы всё-таки помощь тоже оказываем — духовную, интеллектуальную! И потом, беседуя о наших планах на будущее, мы, библиотекари, поделились с Валентином Распутиным мечтой создать Музей книжных коллекций (он был открыт в 2011 году) при Гуманитарном центре, ведь мы — народная библиотека, у нас больше 95 процентов фонда — дары. Уже тогда появились первые книги из домашней библиотеки Леонида Полевого, Елены Жилкиной, ученого-байкаловеда Константина Вотинцева, дарили свои произведения российские и зарубежные авторы, писатели-сибиряки. И он обещал тоже подарить книги из личного собрания. И вот однажды раздался звонок по телефону, и Валентин Григорьевич сказал: «Людмила Александровна, я вам подготовил для передачи книги, вы можете отобрать из них, что захотите. И я сказала: «Мы возьмём все!» Мы приехали, он нас доброжелательно встретил, предложил чай, мы отказались, а сейчас жалею, ведь за чаем можно долго разговаривать!»

Возможно, что решение передать свои книги иркутянам у всемирно известного писателя зрело давно, ещё задолго до того, как в городе появился Гуманитарный центр, а сама мысль о его создании витала в воздухе, как и намерение гражданина США Леонида Полевого (1919–2018) подарить свою богатейшую современную книжную коллекцию, насчитывающую 15 тысяч книг и около 50 тысяч периодических изданий библиотеке любого города России, которую назовут именем Полевых. Леонид Сергеевич Полевой (правнук Евсевия Алексеевича — родного брата основателя «Московского телеграфа» писателя Николая Полевого) хоть и появился на свет в Китае, прекрасно говорил на русском языке, знал и любил русскую литературу.

Вот что рассказала Любовь Педранова, заведующая фондом редких книг, где находится и Музей книжных коллекций: «Вместе с книгами и периодикой у нас находится архив семьи Полевых, в том числе переписка Леонида Сергеевича за много десятилетий. Когда мы разбирали письма Полевого, из его переписки с В. Лупачем следовало, что Леонид Сергеевич прочёл полученную из Иркутска книгу В. Распутина и попросил его адрес, чтобы написать письмо. На это письмо Валентин Григорьевич ответил, подлинник письма хранится у нас».

Письмо В. Распутина Л. Полевому от 27 января 1992 года, Иркутск:

«Уважаемый, дорогой Леонид Сергеевич! Ваше письмо дошло до меня благополучно, и я благодарен Вам за искренность и за добрые слова в адрес моей книги. Сейчас дух России уже иной, чем в этой книге («Последний срок»; «Деньги для Марши»), но только дух, участвовавший до сих пор в событиях, взыскательный и нетерпеливый, и горячий, сердце же ее, страдавшееся и доброе, остается тем же самым. По крайней мере, хотелось, бы, чтобы оно таковым и оставалось. Можно взнудать ум, но нельзя так скоро изменить характер и принятую им на себя служилую обязанность народа. Это и дает уверенность в том, что, в конце концов, Россия себя отстоит и опять перемелет заготовленное для ее перемалывания.

То, что происходит у нас, лучше видеть. Если Вы давно не были у нас, у вас невольно создан свой образ России, под который подгоняются теперешние события. С действительным образом он может не совпадать, теперешняя Россия вас способна испугать скверной запустения. Но это по большей части внешнее, а внутри она знает себе и цену, и достоинство, и святость. К несчастью, многие из нас растеряли свои корни, и я позавидовал Вам, помнящим глубины своего рода за тысячу с лишним лет. Вот что нам надо восстанавливать, где еще поддается восстановлению. А не поддается — добрым родам и добрым всходам начинать сначала, и тут эмиграция с ее памятью и болью за Россию может быть нам великой поддержкой, поддержкой не материальной, а духовной. В России, как это теперь водилось, ищут пророков на стороне — так пусть же ими будут русские из вас.

Простите, письмо мое получилось каким-то холодным и назидательным. Это видимо, из боязни взогреть себя и напугать вас рассказом о сегодняшней России. Но это и правда. Верю, что главное событие и лучшее еще впереди.

С поклоном, В. Распутин»

Как бы то ни было, книги домашней библиотеки могут многое поведать о своём владельце:

*«...душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком...»*

В Гуманитарный центр попали издания, которые были необходимы Валентину Григорьевичу для работы, — художественные произведения, спра-

вочники, познавательная литература, книжные памятники, — собранные им самим, прозаиком и публицистом, а также подаренные издателями, авторами, составителями. Чтобы читателям было легче ориентироваться в книжной коллекции В. Распутина, в 2016 году в Иркутске в издательстве «Оттиск» вышел в свет каталог «Книжная коллекция В.Г. Распутина в фондах Гуманитарного центра-библиотеки имени семьи Полевых». Издание тиражом 100 экземпляров, предназначенное для книголюбов, читателей, исследователей творчества В. Распутина, поступило в библиотеки областного центра.

ЭДУАРД АНАШКИН

Живая глубь времён...

О двухтомнике В. Скифа «Древо с листьями имён»

Даже самая художественная книга, где автор имеет полное законное право не только на авторский замысел, но и на вымысел, если это книга талантливая, является документом эпохи. Причём, в неменьшей степени, чем изыскания учёных. Художественно осмысленная реальность представляет собой не просто анализ фактов и событий, но некое более глубокое обобщение. И это качество в полной мере относится к новому художественно-документальному двухтомнику поэзии, что недавно выпустил именитый сибирский поэт Владимир Петрович Скиф. Его «Древо с листьями имён» представляет собой некое литературное родовое древо России, где сквозь призму Слова прослеживается русская история от времен незапамятных и до наших дней. А прослеживается она через образы-портреты творцов этой истории — святых, подвижников, писателей...

«Бросил зерна в пору сева //Я в живую глубь времен, //И возшло, созрело древо — //Древо с листьями имен» — признается автор книги, после прочтения которой яснее ясного понимаешь, что эпоху создают не просто люди, но люди, ставшие именами, в которых запечатлелась пульсация истории. Двухтомник Владимира Скифа не мог бы быть написан, если бы в его основании не лежал золотой запас судьбы автора. Автора, которому жизнь подарила самое непосредственное знакомство со многими из тех, кому посвящена его книга — книга судеб творцов истории России.

«В ярких зарисовках стихов-портретов известный сибирский поэт создал подлинную галерею, где в одном ряду находятся и известные исторические личности, и малоизвестные... но оттого не менее интересные люди... — говорится в аннотации. — Владимир Скиф не только отлично и знает, и помнит историю, не просто глубоко и тонко чувствует течение жизни, дар его — погрузить человека в свой мир. Увлечь так, чтобы читателю захотелось познакомиться ближе с ожившими образами в представленных стихотворных полотнах — ушедшими и здравствующими...»

Двухтомник Скифа — своего рода большая картинная галерея, сделанная «поэтом-портретистом», осознающим, что он является современником всех, чьи поэтические портреты составляют книгу. Что ни фамилия — то Имя. А я тем более с тёплым чувством читал эту книгу, что Господь и мне подарил счастье знать некоторых из тех, чьи «портреты пером» с такой любовью и тщанием выведены Владимиром Скифом. И потому могу сказать, что автор ни единым словом, ни единой строкой не погрешил против истины. Читаешь и словно встречаешься вновь с этими людьми из разных градов-весей и эпох России. И всех их ты (спасибо автору книги!) ощущаешь почти родными.

«Где, откуда берешь свои силы //Чтоб отточенным словом сиять, //И оплакать родные могилы, //И российскую честь отстаять?..» Любой, знакомый с

выдающимся критиком Владимиром Бондаренко, несомненно сразу поймёт, что речь именно о нём. Как несомненно, узнает в другом портрете выдающегося прозаика и философа Александра Проханова — «достойного сына Империи и доблестного солдата». Судьба не подарила мне личного знакомства с великим русским философом Вадимом Кожиновым. Но я, как и многие наши современники, считаю Кожинова родным. А вот Владимиру Скифу посчастливилось Вадима Кожинова знать лично:

«Кричат, что Россия низложена, //Скатилась ее голова. //Вадим Валерьянович Кожинов //Твердил, что Россия жива!»

Не менее родной русский гениальный человек — Владимир Гуркин, близкий каждому жителю России, кто хоть один раз посмотрен фильм «Любовь и голуби», снятый по сценарию Гуркина:

«Слышал ты — да имеющий уши, //Видел ты — да имеющий глаз, //Неподдельную русскую душу //И сибирскую жизнь без прикрас».

Радостно мне, урождённому сибиряку, что благодаря таланту Гуркина сибирская жизнь стала родной всем нашим соотечественникам, иначе бы они не разобрали сценарий Гуркина на цитаты. Это и есть, по сути, главное предназначение писателя — объединять в единый народ разных людей. Спасибо Владимиру Скифу, что он напоминает нам об этом единении:

«Мы разные. Мы все шальные. //Мы гордые, аж нету сил. //А здесь мы встали, как родные. //Вампилов нас объединил».

Есть в этой книге поэтические портреты людей, которые узнаваемы нами, даже когда они не названы, а лишь означены инициалами:

«С ним рядом быть — не торопить //Себя, других... Молчаньем быть! //С ним рядом быть — печаль избыть, //Святой водою окропить //Свой век, свой дух, Сибирь свою... //Вот так и выстоим в бою!»

Это про него, про гениального «молчуна» Валентина Распутина, в своих произведениях говорившего России горькую целительную правду. А вот в этих строках узнаётся портрет поэта, который стал одновременно болью и гордостью России:

«В полях, над росстанью нетленной, //Скакал свободный, дикий конь. //А он один во всей Вселенной //И пел, и плакал под гармонь».

И хотя не имел я счастья быть даже немного знакомым с гениальным Николаем Рубцовым, но прочитав стихотворение Владимира Скифа, ярко вижу Николая Михайловича Рубцова с его гармошкой, в пении которой звучали космические ноты. Поэты России, собраты Владимира Скифа по перу и любви к России, могут быть выделены в отдельный почётный блок книги:

«Вся твоя поэзия, Юрий Поликарпович, //Русская, исконная, от родных корней //Над тобой взвизывает злобный Ворон Каркович. //Юрий Поликарпович, выстоять сумеи...»

Выпавший на долю великого поэта Юрия Кузнецова апокалиптический век России — было то испытание, с которым Поэт справился, словно Пересвет в битве с вражьей тьмой:

«Полумертвые падают птицы //Над пустым, обгоревшим жнивьем. //Ты выходишь с антихристом биться — //Русский ангел с последним копьём...»

В этой книге, как и в этой нескончаемой битве за Россию, равны все — ка-

нонизированные святые и мятежные поэты, гениальные драматурги и непревзойдённые прозаики. Всех их можно с полным правом назвать подвижниками русского духа. Святые Борис и Глеб, Кирилл и Мефодий, святая равноапостольная княгиня Ольга, Сергей Радонежский, Димитрий Донской, Пересвет, в котором угадываются черты Юрия Кузнецова:

«Нанизало копье Пересвета // На себя Золотую Орду...»

Эти воители духа и света осознают своё служение отечественной словесности лишь как форму служения русскому духу. Потому их стихи обретают крылья, становясь афоризмами, как это случилось, к примеру, со Станиславом Куняевым, строка которого «Добро должно быть с кулаками» повторяют многие поколения читателей, считая эти слова народными. А вот посвящение Скифа Куняеву:

«Во многом мы виновны сами... // Добро должно быть с кулаками! // А если мы найдем добро // И штык, и саблю, и перо? // Поднимем в небо русский флаг // И сдвинем нацию в кулак?»

Воскликая «Друзья, прекрасен наш союз!», Пушкин имел в виду, конечно, своих единомышленников. А единомышленники могут жить в разные эпохи — как в эпохи, «набирающие соколиную высоту», так и в апокалиптические смутные времена, когда поэты призваны напоминать Родине о её соколином высоком предназначении.

«И ты, поднимаясь, как сокол, // Над русским простором царишь. // И в небе библейском высоком // С Великим творцом говоришь». (Посвящение Евгению Семичеву)

...В одном ряду с нашими поэтами-современниками стоят у Владимира Скифа — плечом к плечу, как в бою — вечно живые наши классики. Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет, Дельвиг, практически весь Серебряный век русской поэзии от Блока и Есенина до Заболоцкого... А ещё те, без которых наша литература не приросла бы гениальными шедеврами. Женщины-вдохновительницы писателей — Наталья Гончарова, Анна Керн, Мария Волконская...

И сияют эти портреты талантом, доблестью и красотой. Такое получается «Сияние России» — замечательный всероссийский литературный праздник. Мне посчастливилось быть участником этого праздника, что проводится на Иркутской земле под пение осенних байкальских ветров. Немалую роль в организации этого праздника играет поэт Владимир Скиф.

Новый двухтомник Скифа — своего рода творческая летопись праздника «Сияние России». Постоим у каждого портрета и подумаем, сколь непростым было служение России каждого из тех, кто вошёл в «скифскую» эпическую галерею образов и характеров России.

Ода русской народности

АЛЕКСАНДР НИКИФОРОВ. «Путевой лист».

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ (Иркутск, 2017)

Поэтическая книга Александра Никифорова — в нынешней российской поэзии явление предельно оригинальное, ибо ныне поэты уже не сочиняют оды рабочим, созидающим державное могущество, и вообще редко пишут о простолудье, на коем держится Отечество.

В России жаркие споры о *народности* литературы разгорались меж славянофилами ...суть, русофилами... и западниками, и можно догадаться, в чём крылись их расхождения: славянофилы видели благо народа в развитии его русской национальной самобытности, западники же, не веря в самобытность русского народа, настоятельно советовали учиться у Европы, которая якобы во всех отраслях человеческого бытия далеко обошла Россию.

Сурово отсекая западничество — воспевание павшего буржуазного мира, критикуя славянофильство — упование на православно-патриархальный крестьянский лад, советская идеология утверждала обновлённое понятие *народности* в литературе — *рабоче-крестьянское*. Благодаря чему в прошлом веке в русскую литературу явились писатели от серпа и молота, которые выдвинули из своей среды талантливых поэтов и прозаиков, чьи избранные произведения вошли в русскую литературную классику. С полноправным вхождением в русское искусство простолудья крестьянско-ремесленного корня, *народность* обрела долгожданный, взлелеянный славянофилами, *простолудный* образ, патриархальный — *деревенщики*, индустриально-аграрный — *рабочая* проза и поэзия.

Увы, на закате века рухнула Красная Народная Империя, и буржуазные властители-растлители дум поменяли идеалы — высокие на низкие, и вместо романтизированных рабочих и крестьян ворвались в искусство продажные артисты и коварные аферисты, обратив искусство в жестокое и похабное псевдоискусство. Беда постсоветского российского «искусства» ...грешно величать *русским*, глупо писать «искусство» без кавычек... в том, что на его престоле четверть века властвует либо *продвинутая халтура* — дурят нашего брата-книгодея, либо *розовый реализм* — опять дурят, либо *многоликая, искусительная дьявольщина* — ко греху и пороку влекут; но истинная трагедия российского «искусства» в том, что было выброшено с корабля подлой современности понятие *народности*, согласно которой двадцать веков оценивалось народное творчество, и три века — светское искусство, в том числе и поэтическое.

Но слава Богу, невзирая на буржуазных растлителей дум, презирающих простонародье, а заодно и *народность* в искусстве, жили и поныне живут пусть и редкие, маловедомые, но истинно народные писатели, художники, что создают талантливые произведения, где герои — не артисты и аферисты, что заполонили «культуру», а простые люди от серпа и молота. Среди

произведений *истинно народных* и стихи Александра Никифорова из книги «Путевой лист».

Несмотря на бесчисленные поэтические, прозаические рукописи, кои я, будучи главным редактором журнала «Сибирь», вынужден читать, стихи Александра Никифорова прочёл без насилия над своим духом, прочёл легко и отрадно. Читал его добротные и добрые стихи, где с пережитым, выстраданным, обдуманым знанием, с восхитительной и сострадательной любовью, с художественным мастерством описывается простонародная трудовая жизнь, воспринимал его мужественную лирику как образец истинной *народности* в литературе.

Иные художники вышли из простолюдыя, но так далеко от народа убрели в мир творческой богемы, что и забыли, чем портянки пахнут; а иные, подобные Александру Никифорову, из народа не вышли: бились, колотились, а так в народе и осели — и духом, и судьбой, и творчеством. И в сем народная сила их произведений...

Русские поэты вдохновенно и азартно воспевали природу и слитые с окрестной природой старгородские предместья и деревеньки, но столь трудно было писателям поэтически освоить индустриальный мир. В прозе вдохновенно поэтизировал, одушевлял и одухотворял технику и труд техников Андрей Платонов, талантливый изобретатель в художественной прозе и в технике: в лирике это удавалось избранному народным поэтам прошлого века; а теперь вот и Александр Никифоров в книге «Путевой лист» столь же искренно и мастерски воспел и машины, и шофёрские будни на Крайнем Севере.

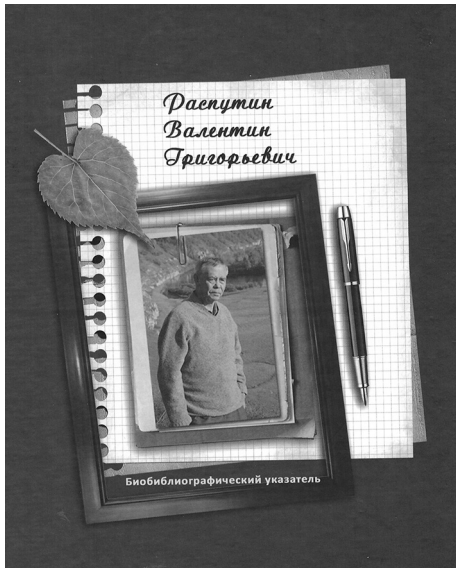
*Март. Тайга. Зимовьё.
Остывшая печь.
В квадрат окна
лёт синева луна.
В эфире морзянка
глушит диктора речь.
Сквозь неплотные двери
сквозит ледяная весна.
Змеёй заползает ко мне
в спальный мешок.
На соседних нарах,
закуржавев от мороза,
храпит напарник Иван.
За стеной —
отдохнувших машин басок.
А на листе путевом штамп:
«ОСТОРОЖНО! ТУМАН!»*

*Приоткроет водитель дверь,
рявкнет дизель, как дикий зверь.
Под протектором — всё в порошок.
И БелАЗ, словно мамонт, вошёл
в нескончаемый поворот...*

Коль постсоветское «искусство» захлестнули помой «поп-культуры» с её воспетыми грехами и пороками, то и обыватель стал превращаться в порочно-го и лукавого биоробота; и столь отрадно было читать стихи Александра Никифорова, где воспет честный труженик, тоскующий в праздности, азартный до труда, выносливый, не терпящий лукавства, мужественный, а на Крайнем Севере и героический, под внешней грубоватостью заповедно оберегающий любовь к Вышнему и ближнему.

Книга Александра Никифорова «Путевой лист» тонка и внешне тиха, но мал золотник, а дорог; и посему уверен, книга поэта удостоится премии Губернатора Иркутской области.

Книжная полка

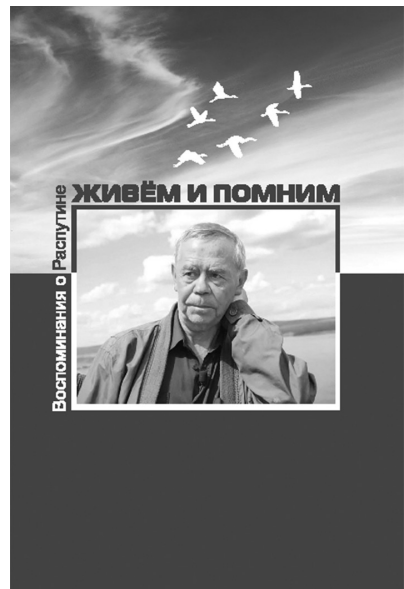
Распутин Валентин Григорьевич: биобиблиогр. указ. / Мин-во культуры и архивов Иркут. обл. ; Иркут. обл. гос. универс. науч. б-ка им. И.И. Молчанова-Сибирского. — Иркутск : ИОГУНБ, 2017. — 712 с. : ил.

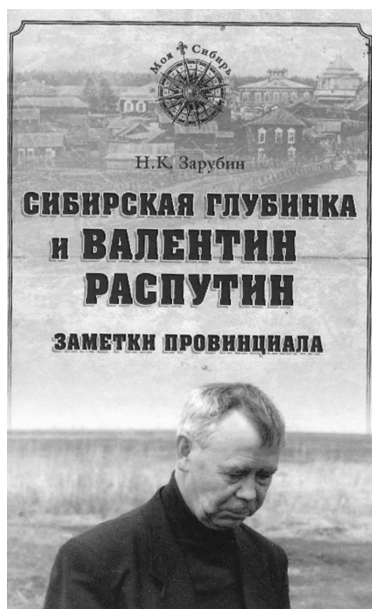
Научно-вспомогательный биобиблиографический указатель включает перечень произведений писателя, вышедших как отдельными изданиями, так и опубликованных в периодической печати, коллективных сборниках, книгах других авторов, а также сведения о его жизни и творчестве.

В указателе отражены все виды и типы материалов на русском и иностранных языках, за исключением архивных и неопубликованных документов. Хронологический охват материалов — 60 лет, с 1957 г., момента первой публикации писателя, по 2017 г. Издание адресовано литературоведам, филологам, преподавателям, учащимся средних и высших учебных заведений, специалистам библиотек, музеев, всем, кто интересуется творчеством В.Г. Распутина.

Живём и помним. Воспоминания о Валентине Распутине ; предисл. В. Скифа. Иркутск : [б.и.], 2017 (Тип. «Репроцентр А1»). — 448 с.

Книга воспоминаний, стихов, интервью, очерков многих писателей, журналистов, филологов, артистов — всех тех, кто был лично знаком с Валентином Григорьевичем Распутиным. Великий русский писатель предстаёт живым человеком, с кем можно поговорить и поспорить, посмеяться и помолчать. Встречи с ним никого и никогда не оставляли равнодушными. А осмысление нравственности и жизненной подлинности распутинской прозы длится уже много лет, удивляя читателей поразительной проникновенностью в суть русских характеров и людских помыслов. «Деньги для Марии», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой» будоражат душу человеческой правдой, пониманием неизбежных потерь и обретений, осознанием необходимости тех духовных ценностей, что нужны сейчас, как и всегда, как в веке минувшем, спегоднешнем и будущем.

Зарубин, Н.К.
Сибирская глубинка и Валентин Распутин. Заметки провинциала /Н.К. Зарубин. — М. : Вече, 2018. — 377 с. — (Моя Сибирь)

Приезд Валентина Распутина в мае 2003 г. на Тулунскую землю стал памятным событием для всех тулунчан. Оно послужило поводом для написания прозаиком и журналистом Николаем Зарубиным этой книги. Через творчество великого земляка (прозу, публицистику) автор старается осмыслить исторические, бытовые, человеческие аспекты происшедших событий конца XX и начала XXI века на примере сибирской глубинки. В настоящее издание включены и другие очерки Николая Зарубина, посвящённые истории и выдающимся людям Тулунской земли.

Козлов, И.И.
Мастера старого Иркутска. Кн. 1 / И.И. Козлов. — Иркутск : Отгиск, 2017. — 251 с. : ил.

Эта книга о мастерах Сибири — об иконописцах и серебряниках, о литейщиках колоколов и пушек, о знатоках «рудных земель» и «цветного камня», которые первыми искали и находили сокровища земли Сибирской. Эта книга о часовых и мельничных делах мастеров, о мастерах ктрпичного и изразцового дела, о сибирском фарфоре и резчиках по камню.

Автор — известный краевед, поэт и публицист И.И. Козлов, считает необходимым показать роль художественной культуры в деле освоения Сибири и призвать современного человека научиться жить в гармонии с окружающим миром.

Марина Яковенко

*Молодое
вино листопада*

Яковенко, М.И.

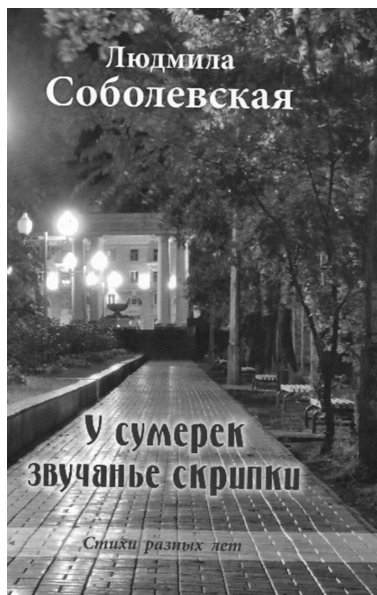
Молодое вино листопада : стихи / М.И. Яковенко. — Иркутск: [б.и.], 2018 (Тип. «Форвард»). — 80 с. : ил.

В своём творчестве Марина Яковенко глубоко задумывается о нравственных и духовных проблемах современной России, о смысле жизни человека вообще. Стрелка её биокомпасна нацелена строго на солнце, на доброту. Знакомство с её светоносной поэзией всегда праздник.

Соболевская, Л.В.

У сумерек звучанье скрипки : стихи разных лет. Иркутск : [б.и.], 2017 (Тип. «Форвард»). — 207 с : ил.

Очередная книга ангарчанки Людмилы Соболевской шестая по счёту, но не итоговая... Автор остаётся верной своему принципу: быть не только интересным лириком, но и психологом. Нет сомнения, что пытливый, вдумчивый читатель в очередной раз найдёт для себя интересного собеседника, открыв эту замечательно изданную книгу стихов.

Михеева, С.

Открытое море : повесть и рассказы / С. Михеева. — Иркутск : [б.и.], 2018 (Тип. «Репроцентр А1»). — 222 с. — (Издат. серия «Переплёт»)

Иркутским региональным представительством Союза российских писателей в издательской серии «Переплёт» выпущена новая книга прозы известного иркутского поэта, писателя, журналиста Светланы Михеевой. По определению автора — это современные «истории о любви». Это «портреты» наших современниц, которые живут рядом с нами. В центре внимания — их женские судьбы со своей неустроенностью, мечтами, заботами и конечно, сложными путями обретения любви.

Светлана Михеева

**Открытое
море**

ПЕРЕПЛЁТ

Сумочка к ребру

«Я парень с вертолётom в голове...»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

СТЕПАН ПРАВОДОРУБСКИЙ

*Возьмите Ницу или Милуоки
Любую из религий и систем —
Живут повсюду люди — ничевоки,
И топчут землю, в общем, низачем.*

Андрей Филатов, г. Ульяновск

Ничевоки

Живут повсюду люди — ничевоки.
И с ними каждый хорошо знаком.
Они идут никак и в никудаки
И существуют в мире никакoм.

Я выпил бы рюмаху с ничевоком
И никакую песню промышал.
И тут меня ударило как током,
И никакую мысль я прочитал.

Ведь я такой же дядька — ничевока.
Я знаю, где начало всех начал.
И много нас и близко, и далёко,
И славу ничевокам прокричал.

*Я парень с вертолётom в голове.
Таких на трезвый ум не понимают.
Ругают, поучают и шпыняют.
А я люблю портвейн и оливье.*

Андрей Пятак, г. Кемерово

Солидарность

А я хожу с турбиной в голове
И вертолётчиков не понимаю.
Хоть я и не разборчивый в жратве,
Налейте вместо водки просто чаю.

Я выпью ароматного чайку,
Полезут мысли, полюблю салаты.
А в чашку с чаем капну портвешку
Из солидарности с пролетарьятом.

Бабье лето

*Бабье лето красилось три дня.
Примеряло из рябин браслеты.
А потом сбежало от меня
Соблазнять прыщавые рассветы.*

Андрей Пятак г. Кемерово

Оно или она

Бабье лето красилось три дня,
Позабыв про гендерные споры.
Наплевать, оно или она,
Лишь бы не сбежало очень скоро.

*Как обычно, не свеж, не брит.
Пусть не брит, но зато не лыс.
Я наутро ввалился в лифт,
Чтобы ехать привычно вниз.*

Пётр Матюков, г. Бердск

Как обычно

Как обычно, бухой и не брит.
Что же делать, такой каприз.
Хоть не принц, но ни разу не бит.
Виртуальщик я, программист.

Я на лифте лечу в никуда.
Догадайся: в рай или ад.
Для меня это все лабуда,
Важно, чтобы не плагиат.

Стихи — шедевр

*Тёплыми стихами
По холодным душам.
Словно бы дыханьем
В мёрзлое стекло...
Я стихи читаю
(Хоть слегка простужен).
Чтобы стало в душах
От стихов тепло.*

Максим Сафиулин
г. Усть-Илимск

Новый шедевр

С тёплыми стихами, хоть и без метафор,
Я стою, упершись головой в стекло.
С рифмой напряжёнка, но ведь и жирафы
Знают: при простуде главное — тепло.

Я стихами горло на ночь забинтую.
Жаль, что не поймёте этот мой маневр.
Трещины и дыры мёдом зашпакую
И спою, на диво, я для вас шедевр.

Светлячок

*Тёмной ночью горит светлячок.
Только он темноты не боится.
Греет светом его маячок
Пусть он мал, но к успеху стремится.*

Максим Сафиулин г. Усть-Илимск

Кто-то греет воду в самоваре.	Ни к чему учёные советы —
Кто-то чай готовит на плите.	Мы согреем светом темноту.
А поэт картошку светом варит	Светом будем греть себе котлеты,
При литературной слепоте.	Отрицая физику в быту.

В мире теней

*Ты хоть запойся птахой славной,
Ты хоть всю душу изорви.
Не станешь для него желанной.
Ему милее смерч вдали.*

Ольга Фокина, г. Усть-Илимск

Хоть запейся

Ты хоть запейся, хоть залейся,	Ну, любит парень ураганы —
Ночнушку на себе порви.	Разбей тарелки невзначай,
Пойди побрейся и напейся.	Себя зачисли в хулиганы,
Ему милее смерч вдали.	Стихи ему свои читай.

ВИКТОР КИСИЛЁВ

На льду поэзии

*Кто там тянет руку бессердечно —
С помощью прошу я погодить.
Не мешайте падать человечку —
Человечек учится ходить.*

Анатолий Преловский

Этот путь тернист и бесконечен
На виду у тысячи стихий.

Там стихов не писал.
Под таёжною крышею
Жизнь мила и тепла.
Сосняки и осинники
Очень счастлив, что Мишею

Меня мать нарекла.
Вы ответьте, ребяташки,
Что бы случилось при том,
Если б родная матушка
Нарекла меня Львом?

Я — спаситель!

*Христиане! Вы меня спросите.
Вы спросите некрещёного меня,
Кто же на земле теперь спаситель?
Я отвечу скромно — это я!
А вдруг не так? А может, эдак?
А как же всё-таки? Аминь!*

Ростислав Филиппов

Ничего, что в целом я — безбожник.
Ничего, что нет на мне креста.
Я теперь прославленный помощник
Самого Спасителя Христа.
Если вас смущает искуситель,
Если без вина вам нет утех,
Кликните меня, ведь я — спаситель
Тех, кого смущает смертный грех.
Прихожане! Гложет вас обида,
Вам прочту рассудку вопреки
Псалм благочестивого Давида,
Притчи от Матфея и Луки.
Если вас попутал бес лукавый,
Пристрастил к разврату и вину,
Отпущу грехи, спасу, пока вы
Злом не усугубили вину.
Вам я не прощаю святотатства.
Библию, отступник, не отринь!
Бога нет, а есть святое братство.
Вдруг не так?

А может, так?

Аминь!

В поисках сибирского характера

ОБЗОР ЖУРНАЛА «СИБИРЬ» № 2. 2018 г.

В Иркутске вышел второй номер журнала «Сибирь». Журнал публикует рассказ писателя-фронтовика Алексея Зверева об исполнительнице народных песен, цикл рассказов прозаика Надежды Калиниченко о поэтичном человеке Марте Амвросиевне. Примечательно, что героини произведений и того и другого прозаика — женщины преклонных лет.

«Галерею» литературных портретов пожилых сибирячек много лет назад начал писатель Валентин Распутин. Создаётся впечатление, что, покинув «Матёру» в связи с затоплением, местные крестьянки, героини его книг, разъехались по всей Сибири и начали новую жизнь в рассказах и повестях о городской и сельской жизни наших дней. Писатели Приангарья поняли, какой это благодатный и неиссякаемый материал.

В начале 90-х годов многим моим землякам показалось, что и в Сибири можно жить прагматично, по-рыночному. Но забыли свою душу спросить, у мудрых стариков узнать, а достаточно ли нам для полного счастья бизнеса и полного набора развлекательных услуг? Не затоскует ли душа от некой метафизической тоски по высшим духовным переживаниям? Например, как это случилось с главной героиней рассказов Надежды Калиниченко.

Бабушка приезжает на Байкал по туристической путёвке.

«Разочарованная, Марта Амвросиевна застыла на берегу, наблюдая, как прозрачная вода набегает на её туфли и тут же откатывается прочь. Она стояла, опустив плечи, и плакала, потому что душа отказывалась петь. Не трепетала душа, не ныло в груди, и счастье не душило её в своих объятиях. Вокруг была Красота, а ей хотелось Чуда.

Крик чайки, пронзительный и словно чем-то недовольный, вывел Марту Амвросиевну из тоскливого забытья. Этот в общем-то неприятный звук заставил её резко вскинуть голову. Чайка летела к берегу, похожая на летучую мышь, приближалась стремительно и неотвратимо. В нескольких сантиметрах от испуганного лица старушки, она вдруг свернула, миг — и их глаза соединились взглядом... и Марта Амвросиевна, разрезая широкими крыльями воздух, полетела от берега. Она летела всё дальше и выше, иногда вскрикивая (не восторг ли исторгал из её горла эти странные, скрипуче-звонкие звуки?), иногда пикируя вниз, чтобы затем мощным рывком вновь подняться ближе к небу!»

Мировая индустрия развлечений не знает сибирского феномена — жажды чуда. Не знакомы с ним и нынешние российские туроператоры. Написавший

книгу «Турист» Дин Макканелл, изучив опыт многих стран, рассмотрел проблему со всех сторон. Его выводы неутешительны: «в общественных и гуманитарных науках, попавших под влияние постмодернистской теории, вопросы о «человеческом состоянии» — табу!»¹ Очень важное замечание. А почему «табу»? А нечего копать в себе. Искать в душе другие, более высокие «смыслы существования». Хозяева всемирного общества потребления сделали всё, чтобы отучить новые поколения европейцев и американцев от прежних духовных ценностей: просто так — жить, мыслить, чувствовать, любить — открыто и естественно!

Вместо этого большинству предложен суррогат общественных отношений: *толерантность* — то есть способность понимать относительность как своих, так и чужих культурных привычек и стереотипов². Мультикультурализм, который предполагает нам занять позицию благожелательной терпимости к таким культурным образцам, которые сами по себе исключают всякую симметричную терпимость³.

Если вдуматься в суть предложенных моделей поведения, ничего другого не приходит на ум, как назвать это «инструкцией для роботов»! Потребляй всё, что продают, живи автономно, запрограммированный на терпимость. Эту самую... симметричную. То есть держи в своём автомобиле дубину такой же длины и веса, как и у ближнего своего — автолюбителя. На выстрел газового пистолета отвечай только газовым залпом!

Почему до сих пор так интересны российские сельские бабушки? Потому что в них — Царство Божие, наша многовековая духовная жизнь. Рыночные времена не дали нам ярких новых героев. Да они ему были и не нужны! Потребителям материальных благ достаточно научиться «симметричной терпимости», чтобы не перебить друг друга.

И тянет писателей к людям, если можно так сказать, прежней, «не рыночной» формации. Они по-прежнему, согласно завету Максима Горького, инженеры человеческих душ, а не желудков! Удивительно может чувствовать музыку пожилая женщина — героиня рассказа писателя Алексея Зверева «Как по синему морю». Она признаёт только живую песню. При прослушивании слышит малейшую фальшь и поэтому безжалостно стирает магнитофонную запись, где родственники записали её пение. Кстати, творчество Алексея Зверева высоко ценил Валентин Распутин, и подтверждением тому статья Валентина Григорьевича о прозе иркутского писателя-фронтовика, опубликованная в этом же номере.

В журнале есть подборка стихов поэта Александра Раевского; в одном стихотворении есть две пожилые женщины, которые:

*Русские стихи с душой читают...
Все их сумасшедшими считают.*

Журнал «Сибирь» верен православной теме. В первом номере был потрясающий рассказ о церковном стороже, во втором — о пожилой женщине, по-

¹Турист. Новая теория праздного класса. Изд-во Ад Маргинем Пресс, 2016. С.16.

²Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города?: сб. статей. М., STRELKA PRESS, 2017. С. 24.

³Там же.

сещающей храм и жаждущей чуда, уже знакомой нам Марте Амвросиевне. Кажется, так давно это было: христианский писатель Иван Шмелёв и его рассказы о верующих, которые проделали долгий путь к храму! Он писал это до 17-го года, до революции! И вот постепенно, с помощью журнала «Сибирь» духовная литература возвращается к нам!

«Марта Амвросиевна давно заметила, что состояние её после молитвы напрямую зависело от того, пришлось ли ей сегодня каяться. Если грешна была и со слезами несла покаяние — то светлело на душе, как светлеет небо на заре. Однажды после такого просветления Марта Амвросиевна даже попросила прощения у Нинки — горластой дворничихи, которая ругалась со всеми без исключения».

Это рассказ о внутренней работе человека, который хочет стать другим — обновлённым! В этой непрестанной борьбе с самим собой — смысл и суть Православия! Здесь не нужна «симметричная терпимость», как предлагают земные слуги дьявола в качестве норм поведения.

Здесь нужна только нетерпимость к своим грехам и любовь к Ближнему! Пока человек так борется, он ещё жив! Нечто глубоко в сердце сибиряка страдает, мучается, мечется... Как в Пашиной душе из одноимённого рассказа прозаика Владимира Шавёлкина. «У каждого мужика на Руси есть своя философия» — утверждает в рассказе. Но так и хочется добавить: а надо, чтобы была ещё и общая для всех.

Когда было у сибиряка большое дело, некогда было «умничать» и вольными мыслями баловаться. Как героям романа Олега Слободчикова «Первопроходцы». Цельный был народ, занятой. Тут и наша природная отзывчивость к местным сибирским племенам пригодилась, и стойкость упёртая. Развивался бы этот тип человека естественным путём, в общении с природой и непогодой, не было бы такой как нынче мешанины мыслей в голове и смятения чувств в сердце. Да кто же даст развиваться! Что ни столетие, то с юга — Чингисхан, то с запада — немец, то с юго-востока — хазарин! Наши предки мастерски научились воевать, а научиться жить в тихом миру, в труде и семье враги не давали.

Сибирская порода! Истинно русский характер, где сильна любовь к родной земле! Всё это проявляется здесь. Губернатор Сибири и Дальнего Востока Николай Николаевич Муравёв-Амурский был настоящим патриотом и истинно русским государственным деятелем. Как решительно, по-русски, губернатор на свой страх и риск боролся за русские границы, как решительно освобождал крестьян. А причина этого феномена, вероятно, одна: до Сибири не дошли вирусы европеизма и гедонизма, чтобы окончательно заразить чиновничество. Здесь было возможно то, что казалось невозможным в европейской части России, где высшие сословия у нас «не уродились», и своя национальная интеллигенция так до конца и не образовалась, «не обрусела», не стала православной.

Эта мысль невольно приходит в голову при чтении статьи Льва Анисова под названием «История картины «Иван Грозный и его сын Иван. 16 ноября 1581 года». В статье приводятся такие высказывания автора картины, художника И.Е. Репина в адрес Ф.М. Достоевского: «...Отдавая полную справедливость его таланту, изобретательности, глубине мысли, я ненавижу его убеждения! Что за архиерейская премудрость! Какое-то застрачивание и суживание и без

того нашей не широкой и полной предрассудков скучной жизни. И что это за симпатия к монастырям («Братья Карамазовы»)! «От них-де выйдет спасение русской земли!!? И за что это грязное обвинение интеллигенции? И эта грубая ненависть к полякам, доморощенное мнение об отживших якобы тлетворностях Запада и это поповское прославление православия».

Слышите, как бесы разыгрались? Репин, оказывается, верит только в свежие влияния Запада (да не Востока же в самом деле). Верит в эту жизнь, «трепещущую добром, правдой и красотой. Которая вся наполнена свободой и борьбой против неправды, насилия, эксплуатации и всех предрассудков...»

Что вы хотите иметь с такой творческой элитой, с эдакими «лидерами нации»? В их сознании все основные жизненные ценности перевернуты, имеют другой смысл и значение. Там, где у Достоевского — страх Божий, там у прозападного российского интеллектуала — «запугивание»; там, где у нашего христианина — жизнь по заповедям Божиим, там у репиных — предрассудки и скука!

Был такой любимчик царицы Екатерины Второй — педагог Иван Иванович Бецкий. Царица ему поручила ответственное задание: воспитание «новой породы людей» в закрытых учебных заведениях сословного характера. Из выпускниц Смольного института благородных девиц он мечтал создать людей самых благопристойных, но не на основе старых традиций, а исходя из педагогической целесообразности. В общем, воспитать из русских детей маленьких славянских немцев. И все методы обучения были позаимствованы у Запада.

Но Запад всегда жил расчётом! Наше славянское дитя — ещё и с горячим сердцем! То есть в воспитании такого ребёнка с его неповторимым набором генов памяти должна была участвовать и вся православная российская среда, с её нравственными правилами и обычаями, во всей её совокупности благотворного влияния на детское сознание. Царь Иван Грозный понимал, что делал, когда вводил в российское общество «Домострой». А господин Бецкий «замуровал» своих воспитанниц в Смольном.

В результате заучивания чужих отвлечённых правил, вместо новой породы людей вышли довольно капризные, горделивые дамы, которым в силу строптивости их характера и мещанских привычек с большим трудом удалось найти место при дворе и богатых женихов. Вряд ли они могли вести себя по-другому: когда нет сердечности, в ход идут интриги и подлости! Побеждает самый коварный и безжалостный!

Нет, господа! Так единые нации не создаются! Даже высекая из гранита скульптуру человека, надо знать свойство камня. А для воспитания русского человека в духе общечеловеческих идеалов надо знать основные «свойства» воспитуемого.

В статье Льва Анисова я впервые нашёл правдивые факты и мнения о царствовании многострадальных царей — Ивана Грозного и Павла Первого. Читатель журнала многое откроет для себя в этом материале. По сути, сейчас время выбора главных жизненных ценностей. Что взять за основу, а чем придётся жертвовать? На своём витке истории этот путь выбора проходили царь Иоанн Грозный и Павел Первый. Для нас их опыт бесценен.

«С малых лет он (Иоанн. — В.С.) возненавидел боярско-олигархическое своеволие, и когда пришёл в полномочие, принялся беспощадно карать за

все явные проступки и измену Богу, особенно «первых слуг государя» — самых родовитых и именитых. Царь, если говорить образно, принялся отсекал греховное от плоти России... Это напоминает историю царствования другого русского государя — Павла Первого, оклеветанного современниками. Её писали его ненавистники, те, кого он после кончины матери удалил из дворца за казнокрадство, аферы, интриги, предательство государственных интересов. Почти вся высшая аристократия потом многие десятилетия лгала по адресу убиенного, изображая его «злодеем», «тираном» и даже «душевнобольным». <...>

Откуда и почему же такая не остывающая ненависть к Иоанну Грозному и к Павлу Первому? Ответ прост, но он редок на страницах научных изданий: «высшие» ненавидели их за то, что он хотел обуздать своеволие чиновников и аристократии, этих новых бояр, уверенных, что Россия — для них, а не они — для России!»

Повторяется всё. Во все века одно и то же: сначала российская высшая знать ведёт себя по-людоедски, из-за проклятой жадности забывает всякую справедливость и разумность в общественных отношениях, а потом, для защиты себя от возмездия, требует европейских прав и свобод личности, осуждает «тиранов» и «миллионы жертв». Россию-матушку каждый раз при смене экономических укладов и политических элит приходится «пересоздавать» чуть ли не заново.

В журнале «Сибирь» любой раздел отмечен какой-то тематической новизной. В той же «Публицистике» Василий Козлов начал интересный разговор о происхождении слов и их значении на примере местного сибирского материала.

Без такого якоря, как родной язык с сибирским колоритом, мы все здесь временщики, пришельцы без роду и племени, которых унесёт ветром времени. В языке для нас зашифрована информация о том, как жить и чем жить. Василий Козлов прав в главном: словам надо возвращать первоначальный смысл, стряхивать с них «литературную пыль» посторонних наслоений, как пыль с театральных декораций перед новым спектаклем. Слово должно предстать «помолодевшим», в новом контексте. Очень много надо знать, чтобы пользоваться им правильно и ставить в нужное место для создания нового смысла.

«Эрос, филия, сторге, агапэ, латрейя...» — греческие слова, обозначающие различные оттенки любви, а в интересной подборке стихов поэта Анатолия Аврутина есть строки о самом главном русском слове:

*Языки мелеют, словно реки,
Но теченью лет — не прекословь...
Много знают чувственные греки
Слов, обозначающих любовь.
Научились жить раскрепощённо
И, расцветив жизненную нить,
О любви светло и утонченно,
О любви — с любовью говорить...
А наш круг житейский, словно Дантов, —
Как ни хлещут чувства через край,
Но по-русски нету вариантов,
И любовь любовью называй.*

В стихах, опубликованных в журнале, как всегда, много природных красот. Но это не этюды с натуры. В своё время писатель Леонид Бородин, главный редактор журнала «Москва», сокрушался о том, что читает массу стихотворных рукописей: и везде — одни берёзки, осинки... осинки, берёзки. («От этого Терека — в поэтах истерика», — писал когда-то Маяковский.) Но берёзка берёзке — рознь, вспомним берёзки и осинки Сергея Есенина... Поэтам бы поучиться у Есенина, поскольку у поэта ни одно дерево не стоит без дела. Старый клён — охраняет Русь, другой клён (помоложе) — обнимает берёзку, луна — пляшет по воде золотой лягушкой! Всё живёт и ликует оттого, что живёт!

Поэт Александр Щербаков в своей подборке стихов продолжает традицию рязанского гения. Его дух «повенчался с ангарской сосной». Проникновенно он пишет о наших бабушках, называя их святыми.

*И нынче на них уповаю.
Восстанет страна, как трава,
Основа её корневая
Ещё, слава Богу, жива.*

*Я верую в эту основу
И мысли заветной держусь,
Что будет по вещему слову:
«Спасётся платочками Русь».*

Стихи в «Сибири» написаны мастерами, которые знают, что в стихах и прозе бывает природа, словно нарисованная на холсте декорация в глубине сцены любительского театра; а бывает природа — активный герой спектакля или стиха. Если «чеховское» ружьё по правилам драматургии в третьем акте должно выстрелить, то дерево — в нужный момент расцвести богатством зелёной кроны или сгореть, смотря по требованиям сценария или замысла стихотворения. Судя по стихотворению Анатолия Змиевского о кемеровской трагедии в «развлекательном центре», должны гореть даже камни... от стыда за наш рыночный бедлам...

Подборка стихов поэта Молчанова—Сибирского ещё раз убеждает: «замусоренность» нашего сознания литературщиной, готовыми лирическими «блоками» полезно иногда «промывать» русской поэзией 20-х годов. Тогда *..хороши, свежи были розы....и образы стихов и прозы.*

Именем поэта названа Иркутская областная библиотека. И культурная общественность Восточной Сибири отмечает 115-ю годовщину со дня его рождения. Читая во втором номере журнала «Сибирь» прекрасную статью Владимира Скифа, посвящённую поэту, снова возвращаешься к мыслям о сибирской породе, о сибирском характере. Возвращаешься и ликуешь: ведь есть порода, есть! И характер есть! Не оттого ли «...в Иркутске на долгие годы создан особый микроклимат в литературной среде — начало его идёт от «дяди Вани» Молчанова-Сибирского»?

В статье Владимира Скифа воспоминания современников поэта напоминают мастерски смонтированные слайды, прокручивая которые, видишь Ивана Ивановича ещё молодым, современником Есенина, видишь его во всей красе и в разные годы. Стоит он — высокий, белокурый, голубоглазый, в гимнастёрке

после военных сборов, — спортсмен и поэт-лирик, он же — организатор литературной жизни Восточной Сибири. В статье приводится мнение «человека со стороны», московского поэта Эдуарда Багрицкого: «Сибирская экзотика для Молчанова не только эстетическое украшение, она также быт, она страна, которую нужно освоить. Он знает прошлое этой страны, он с ней в настоящем, он явственно видит её будущее» (*Москва. 1930 год*).

Господи! О чём это? Где сибиряк и где экзотика? Родной дом — не может быть «экзотикой». Это — продолжение души и тела поэта! Не может быть «эстетическим украшением» родное предместье, река Ангара! Доказательством тому — строки из ранних стихов поэта Молчанова-Сибирского:

*Гора, за ней опять гора
Сплотили тесно плечи,
И мчится, стонет Ангара
Совсем по-человечьи.*

У поэта была большая семья, которая через потомков стала продолжением литературной Сибири: старшая дочь Светлана Ивановна стала женой великого русского писателя Валентина Распутина; младшая дочь Евгения Ивановна — женой известного поэта Владимира Скифа.

Как продолжение рассказа о Иване Молчанове-Сибирском в журнале опубликованы интересные воспоминания Натальи Дуловой «Молчановы и Распутины в моей жизни».

Алла Большакова в своей статье о прозе Валентина Распутина вновь возвращает нас к многолетним спорам о «деревенской прозе» как культурном явлении. Большакова много лет изучала эту тему и написала книгу «Деревня как архетип: от Пушкина до Солженицына» (*М., 1999*). Читатель имеет возможность из небольшой по объёму статьи узнать всю историю вопроса (или спора), понять глубинный смысл идейного противостояния писателей «деревенщиков» и «космополитов». В статье очень верно сказано о самой сути творчества Валентина Григорьевича.

«...Главная особенность прозы Распутина состоит в том, что его слово является поэтическим в подлинном смысле. А поэтическое слово в первую очередь обращено не к зрению, а к слуху.Это качество проявляется в соответствии с той эмпирической данностью, в которой жил Распутин — человек, не заставший ни коллективизации, ни царских времён, а мог услышать лишь их эхо. И сам стал эхом русского народа, эхом трагедии русского крестьянства. Отсюда жёсткий распутинский императив: «живи и помни». Без памяти нет жизни, а без жизни нет памяти: нет того духовного мира, который составляет смысл нашей жизни».

И... оживает растревоженная память, в своих бесконечных анналах хранящая культурно-генетический код нации. Свою ответственность перед Богом за налаживания связи с этим кодом писатель Распутин знал и вполне осознавал, что для этого был дан ему особый талант слышать и понимать всё, что зашифровано в народной речи.

Много в нас, грешных, как и в герое одной его повести Иване: «немого и глухого, забитого в неведомые углы, что нуждается в пробуждении». Продол-

жать дело, начатое Распутиным, предстоит нынешним писателям, влюблённым в свой народ. Но чтобы будить, им не надо ехать в Лондон, как Герцену, и создавать «Колокол». У нас уже есть для этих целей журнал «Сибирь».

Журнал знакомит нас с новой подборкой стихов поэта Александра Сокольникова. Его белый нерифмованный стих уносит нас в сложный мир поэтических откровений. Почему-то вспоминаются картины художников-импрессионистов. Как из множества цветных мазков вдруг складывается лицо и фигура танцовщицы или каштаны «Бульвара капуцинок», так из отдельных строк-образов Сокольникова складывается общее настроение. А уж настроение рождает множество мыслей, которые каждый читатель волен упорядочить сам в зависимости от своего жизненного опыта и чувства прекрасного. Надо только вначале сделать над собой небольшое усилие, чтобы вчитаться, а дальше понесут строки в удивительный мир, где

*На листьвяке,
Который устал по-японски
Кланяться ветру
Проживает ворона
В уютном гнезде
И она
Помнившая моего деда
и прадеда
лучше знает древо жизни моей*

Разгадывать ассоциации и озарения этого поэта — увлекательное занятие. Сам бы Басё, наверно, по достоинству оценил поклоны по-японски сибирского листьвяка. А сколько ещё откроет для себя красот читатель его стихов!

Лучший способ отдохнуть от литературных текстов — это живопись! В России почти нет периодических журналов, полностью посвящённых нынешним художникам. Раздел «Вернисаж» журнала «Сибирь» приоткрывает нам вход в почти неизвестный сейчас большинству художественный мир. На этот раз обзор Григория Лазарева посвящён иркутскому живописцу Сергею Казанцеву.

В журнале много свежей информации, в том числе о театральных конкурсах, литературном автопробеге «Великая Россия». Вас ждут рецензии и обзоры, где рукою пишущих их авторов управляет вдохновение. Толстые (как их называют) журналы — душеполезное для всех изобретение. Здесь проза переходит в стихи, а стихи — в яркие репродукции картин о родном крае. Многоголосье, многоцветье окружают читателя, и этот праздник всегда с тобой... рядом на книжной полке.

АНДРЕЙ САЛЬНИКОВ

Послушайте Белова...

ВСЕРОССИЙСКИЕ БЕЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ВОЛОГДЕ

После Белова

«Всё уже живёт без Белова», — горько вздохнул современный русский классик Виктор Лихоносов в своих заметках, которые опубликованы в номере «Вологодского литератора» перед Беловскими чтениями. Ну, да, но ведь земная жизнь каждого из нас не бесконечна. «Оседают на горизонте годы любого человека», как выразился Виктор Иванович. И хотя нет с нами ни Распутина, ни Абрамова, ни Казакова, нет Солоухина и ещё десятков знаменитых и не очень соратников Виктора Лихоносова и Василия Белова в многолетней борьбе за Россию, ни дня не живём мы без их творений, раскрывающих перед читателями русскую жизнь, душу русского человека.

Может быть, Виктор Иванович тоскует о другом? Ему горько не только без близкого друга, без долгих разговоров с ним, «старомодных и домашних». Горько, что уйдёт Белов из русской нашей жизни. Из литературы ничем беловскую прозу не вытравить, а вот из жизни...

Вряд ли вернётся то время, когда вся страна говорила о новых книгах Василия Ивановича, о его огненной публицистике; что же, теперь беловские творения останутся только экспонатами музеев и библиотек?

Традиции и новшества

Ответ на этот вопрос дают Всероссийские Беловские чтения «Белов. Вологда. Россия». Вот уже четырежды прошли чтения, приуроченные к дню рождения великого русского писателя. Проводят чтения администрация Вологды, Вологодский госуниверситет, областной департамент культуры и туризма.

Чтения включили в себя научные конференции и литературный марафон, встречи с писателями и семинар начинающих прозаиков и поэтов, презентации различных выставок — фотографий, архивных документов, книг и журналов... На филологическом факультете местного университета был представлен номер журнала «Литература в школе», посвящённый Василию Белову. Ученики двадцати школ областного центра обсуждали беловскую прозу. Тысячи учащихся самого разного возраста, от младшеклассников до выпускников университетов, читали вслух фрагменты своих любимых произведений Василия Ивановича, участвовали в дискуссиях, конкурсах рисунков. Малые Беловские чтения состоялись в вологодской средней школе № 21, она носит имя Василия Белова. Для школьников и молодёжи проводился традиционный творческий конкурс работ «Душа хранит». Участники писали сочинения о творчестве Василия Белова, снимали видеоролики об истории

забытых деревень. Показали своё умение юные художники и мастера декоративно-изобразительного искусства.

Новшеством Беловских чтений в нынешнем году стала интернет-дискуссия «Среда» для размышления», подготовил её городской молодёжный центр Гор.сm35. Руководитель центра Ирина Зайцева считает, что дискуссия прошла успешно, о чём говорят больше 6 000 просмотров.

На фото справа налево стоят: В. Лихоносов, В. Крутин, В. Камаров, Л. Вересов, С. Куняев, В. Бараков, Н. Иванов, М. Карачёв, О. Белова, зав. отделом культуры Харовского района Н. Рябкова, Н. Дорошенко, Н. Толстиков, Ю. Павлов, И. Никитина (Чурбанова), Г. Иванов. Сидят справа налево: Д. Коржов, В. Борисов, Г. Сазонов.

Диалог с Беловым о сельской жизни

С первых чтений, состоявшихся ещё в 2013 году, писатель и постановщик документальных фильмов Анатолий Ехалов бьётся за то, чтобы на Беловских чтениях шёл профессиональный и обстоятельный разговор о сельской жизни. «Василий Иванович говорил, — горячо утверждает Анатолий Константинович, — что в литературу он пошёл, чтобы деревне жилось лучше!»

В посёлке Молочное в рамках Беловских чтений уже второй год работала конференция по направлениям социально-экономического развития села. Ректор Вологодской молочнохозяйственной академии Николай Малков представил на обсуждение «Диалог с писателем В.И. Беловым об укладе сельской жизни и техническом прогрессе». Николай Гурьевич, прекрасно знающий взгляды современной молодёжи, убеждён: «Беловское слово, проникающее в молодые души, способно разбудить в русском человеке истинно русские качества, и тогда мир северной деревни вновь станет близок молодому поколению».

О селе и сельских людях шёл разговор на круглом столе «Русская деревня глазами современников», состоявшемся в Вологодском научном центре РАН.

Среди участников — член-корреспондент РАН, главный редактор московского журнала «Социс» Жан Терещенко и руководители вологодских хозяйств, представители сельской власти и писатели, фермеры и библиотекари, учёные и политики.

— Это для нас новый формат, — считает один из организаторов Беловских чтений, старший референт главы Вологды Иван Поздняков. — Разговор на круглом столе шёл живой, заинтересованный, так что будем продолжать.

Всё впереди!

В рамках Беловских чтений, в день рождения писателя, были объявлены победители Всероссийского конкурса современной прозы имени В.И. Белова «Всё впереди». Его учредители — Правительство Вологодской области и Союз писателей России — конкурс намерены проводить раз в два года. К участию принимались ранее не публиковавшиеся прозаические произведения профессиональных писателей и начинающих авторов. Обязательное условие конкурса — отражение в творческих произведениях любви к Родине и русской деревне, сохранения семейных традиций и традиций народной жизни. В 2017 году на конкурс поступило порядка 500 работ от 297 авторов из 52 регионов России и 6 зарубежных государств.

Решением жюри конкурса первое место не присуждено ни одному из участников. Второе место разделили Николай Иванов (Москва) и Юрий Лунин (Московская область). Третье место досталось вологжанину Сергею Багрову и Владимиру Воробьеву из Измаила (Украина). По итогам конкурса издан сборник лучших работ, в который вошли произведения шести авторов.

Музыканты в Вологде любят литературу

По традиции на Беловские чтения приезжают известные писатели и актеры. Полный зал областной «бабушкинской» библиотеки собрало выступление знаменитого актёра и режиссёра Сергея Никоненко. А он ещё и фильм показал по Белову «Целуются зори».

Встречались приезжие с вологодскими читателями не только в библиотеке.

— Меня поразили ребята в училище искусств, — говорил профессор Кубанского государственного университета Юрий Павлов. — Они с пониманием нас слушали, много задавали вопросов, и не вообще о литературе, а о тех проблемах, которые затрагивали в разговоре.

По мнению профессора Павлова, такого интереса к книгам и знания литературы он среди краснодарских музыкантов не встречал.

Профессор из Вологды Виктор Бараков познакомил студентов с выступлением Василия Белова о значении музыки в культуре на пленуме Союза писателей России в 1999 году. «Чтобы выжить нашему Отечеству, главное сейчас, может быть, не слово, не публицистика, а — музыка, песня. Разрушение народной эстетики идёт больше по этой линии», — говорил писатель с болью.

По этой линии мы прошли уже значительно дальше, чем видел и слышал Василий Иванович, однако надежды остаются те же: встрепенётся душа народная, стряхнёт эстрадный мусор — и запоёт...

Это про нас с вами!

— Беловские чтения в Вологде — это прежде всего чтения о нас с вами, — утверждала на пленарном заседании Чтений кандидат искусствоведения, доктор филологических наук Капитолина Кокшенёва, член Экспертного совета Министерства культуры РФ. — Мы помним голос Белова, который в девяностые годы звучал как колокол. В 2000-е годы «деревенщики» на долгие годы были отодвинуты на литературную обочину. Это, конечно, не говорит о том, что они стали хуже, они как были классиками, так и остались ими. Надеюсь, что деревенская литература еще станет мейнстримом!

На пяти секциях речь шла не только о Белове, не только о других представителях знаменитой «вологодской школы» — от Александра Яшина до Натальи Мелёхиной. Об Ольге Фокиной, которую считают своей и Вологодчина, и Поморье, было несколько докладов, у неё был юбилей. Самые интересные, пожалуй, выступления Инги Никитиной, дочери Ольги Александровны, и архангельского доктора наук Андрея Петрова. Говорили о самых разных сторонах русской современной литературы, её языке, о взаимосвязи произведений разных писателей, их культурно-историческом контексте.

На встрече с читателями в областной библиотеке Виктор Лихоносов обратился к вологжанам с проникновенной просьбой:

— Берегите величие Севера! Страна не чувствует высоты духовности Русского Севера. Здесь в одном ряду Василий Белов и Иоанн Кронштадтский, и надо постоянно об этом говорить.

Писать и говорить на русском — это здорово!

В Центре писателя В.И. Белова прошёл двухдневный литературный семинар молодых поэтов и прозаиков. Рукописи обсуждали вологодские писатели Роберт Балакшин, Дмитрий Ермаков, Артём Кулябин из Сокола, Леонид Вересов из Череповца, Татьяна Бычкова, Наталья Мелёхина, а также москвичи — секретарь Союза писателей России Алексей Шорохов и сопредседатель совета молодых литераторов при Союзе писателей России Андрей Тимофеев.

Авторов разделили на две группы по возрасту участников: в одной занималась молодёжь, не достигшая 18 лет, в другой — те, кто постарше. Рукописи были, как и полагается, самые разные; некоторые вызвали самый живой интерес у членов жюри. Что называется, зацепили.

— Мы вместе с Дмитрием Ермаковым побывали на вечере Сергея Никоненко, — говорила Наталья Мелёхина. — Всё было прекрасно, и фильм о Вологде 70-х годов смотрели с удовольствием. Но после вечера мы с Дмитрием не о Никоненко говорили, а о работах наших «семинаристов».

Обсуждение, которое шло на семинаре, удивило Алексея Шорохова:

— Не знаю, как на Вологодчине пробиваются таланты в такой суровой дружеской атмосфере...

Пробиваются, однако же, значит, обсуждение было не столько суровым, сколько дружеским. В «Вологодском ЛАДЕ» был опубликован рассказ вологжанина Александра Зачёсова, который он нынче представил на обсуждение (и получил довольно высокую оценку от жюри). Возможно, в следующем номере нашего журнала будут опубликованы и другие работы «семинаристов».

После окончания семинара несколько его участников побывали в Московском Литературном институте, встретились с ректором Алексеем Варламовым и преподавателями. Кстати, в нынешнем году в Литинститут поступил Александр Сараев, рукописи которого вызвали интерес на вологодском семинаре 2016 года. Кто следующий?

Впрочем, подготовка студентов-литераторов не входит в задачу семинара. Да и подготовка публикаций, собственно говоря, тоже не главное. Зачем же тогда огород городить?

На вопросы, зачем она пишет стихи, Даша Лебедева из Череповца удивилась:

— Это же очень здорово — писать и говорить на русском!

Если больше станет ребят, которые думают, как Даша, значит, не зря проводятся и Беловские чтения, и литературный семинар.

Бюст на родине Т. Белова

Каждый год участники Чтений посещают родину славного русского писателя. В прошлом году на пути в Тимонику остановились в районном центре Харовске, открыли бюст Василия Белова, поставленный в сквере у библиотеки, которая носит имя великого земляка. Бюст отлил череповецкий скульптор Александр Шебунин. На обратной стороне памятника — слова земляков: «Васю-то Белова у нас хорошо знают, да плохо слушают». Владимир Крупин считает, что это «горькое, честное признание» — доказательство главного урока Беловских чтений: «Василий Белов никуда из нашей жизни не ушёл».

Конечно, не ушёл, и это подтверждает рассказ о поездке в Тимонику русского поэта, первого секретаря правления Союза писателей России Геннадия Иванова.

— Это было удивительно, — рассказывал Геннадий Викторович. — Снег уже лежит и не тает, холодно, а над родной избой Василия Ивановича Белова низко и быстро летит клин лебедей, двенадцать крупных, красивых и мощных белых птиц. Мы посчитали, что этот знак нам посылает Василий Иванович. В этот день мы побывали на его могиле, поставили свечи в храме, который он воссоздал. С нами были его жена Ольга Сергеевна и дочь Аня... Одним словом, мы поклонились Василию Ивановичу, а он в ответ таким образом нас поприветствовал.

Сибирь литературная

ОБЗОР ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ОГНИ» ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ 2018 ГОДА

Среди произведений художественной прозы, опубликованных в «Сибирских огнях» за прошедшее полугодие, хотелось бы обратить внимание заинтересованного читателя на следующие. В номере 1-м — на повесть «Белая буква» Василия Козлова, главного редактора «Роман-газеты», в которой главный герой, русский писатель Василий Объёмов, приезжает в Белоруссию на конференцию, посвящённую «судьбам русского языка», по ходу дела с иронией и горечью рассуждая не только и не столько о родном языке, сколько о собственной судьбе «лишнего» человека и «лишнего» писателя. В этом же номере — с продолжением на следующий — публикуется повесть «Что скажет солнышко?» красноярца Михаила Тарковского. Повествование в ней ведётся от лица охотничьей собаки, размышляющей о своей тесной бытийной связи с промысловиком-таёжником, создающей теорию «собачьей личности», из которой вырастает целый словарь «операторов нюховой погони» («подсобка» — небольшая молодая собака, «соблюдение» — облюдение собак, то есть приобретение ими человеческих качеств, «подсобник» — коврик, междоусобица — пространство меж собачьих усов), и даже пишущей стихи. В февральском номере особенно хотелось бы выделить рассказы москвича Антона Мухачёва, продолжающие традицию русской лагерной прозы (автор в настоящее время — обитатель мест не столь отдалённых).

В мартовском номере публикуются рассказы известного новосибирского поэта Александра Денисенко, которые скорее следовало бы назвать стихотворениями в прозе, поскольку в них присутствуют все характерные для поэтического письма Денисенко особенности: вольная метафорика, трогательная, как бы странно это ни звучало, ирония и даже в некотором смысле юродивость, идущая из самой глубины русского бытия. Здесь же — более приземлённая, фактографическая, однако не менее интересная повесть «Бараба» Валерия Хайрюзова, недавнего лауреата премии им. В. Г. Распутина, написанная в жанре мемуарной прозы, погружающая читателя в советский быт сибирской провинции середины века — в быт работяг, уголовников и пионеров.

В апрельском номере раздел прозы открывает «роман с одушевленными предметами» забайкальца Геннадия Башкуева «Чемодан из Хайлара» — очень искреннее произведение нашего постоянного автора, продолжающееся в следующих двух номерах журнала. Чемодан из Хайлара на проверку оказывается наполнен не только в некотором роде «ожившими» предметами (как то: нефритовые шарики, шапочка куклы-нингё, полкопейки СССР 1925 года, номер газеты «Заря коммунизма» и пр.), но и доброй памятью, самоиронией и здоровым цинизмом, столь характерными для стиля писателя. В 4-м же номере вниманию читателей представлен и новый рассказ новосибирца Владимира Злобина — чрезвычайно одарённого молодого мастера, лауреата премии «Сибирских огней» 2017 года за роман «Гул».

Прозаический блок майского номера почти полностью посвящён молодым писателям — лауреатам премии имени Николая Яковлевича Самохина, вручавшейся в Новосибирске в феврале текущего года.

Стихотворения свои «Сибирским огням» в первой половине года доверили: Анна Павловская из Москвы и Серафима Сапрыкина из Санкт-Петербурга, Мария Теплякова — поэтесса и мастер звонарного дела из Суздаля и тверичанин Святослав Михня, молодой, но уже широко известный поэт из Ставрополя Станислав Ливинский, замечательный поэт и наш постоянный автор Александр Радашкевич — один из лучших стихотворцев русского зарубежья, не нуждающаяся в представлении саратовская поэтесса Светлана Кекова, омич Дмитрий Румянцев и многие другие.

«Литературный архив» — рубрика в журнале не постоянная, но в февральском номере она заслуживает особого внимания: впервые печатается последнее произведение Владимира Зазубрина — пьеса «Подкоп», написанная в расстрельном не только для писателя 1937-м. Комментарий и предисловие к тексту автора «Двух миров» и «Щепки», отца-основателя «Сибирских огней» написал новосибирский критик и единственный в России специалист по Зазубрину Владимир Яранцев.

В нехудожественной части журнала рекомендуем читателю заметки Владимира Алексеева «Слово о книгах, нарицаемых “редкие”, и о судьбе их в стольном граде Новосибирске», посвящённые 50-летию Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, одним из основателей и руководителей которого и является Владимир Николаевич Алексеев (январь), литературоведческую работу Марии Китаевой «Опередивший время», посвящённую новому прочтению произведений А.Ф. Писемского (март), воспоминания о Виле Липатове томича Сергея Заплавного (апрель), главы из нового издания «Русского беркута» Сергея Куняева (май, июнь).

На протяжении почти всех шести номеров рубрику «Картинная галерея “Сибирских огней”» ведёт талантливейший иркутский искусствовед Тамара Драница. В майской же книжке журнала слово отдано самим живописцам: новосибирский художник Сергей Мосиенко вспоминает о «блондинках и ангелах» другого новосибирского художника — Александра Шурица.

Редакция журнала «Сибирские огни»

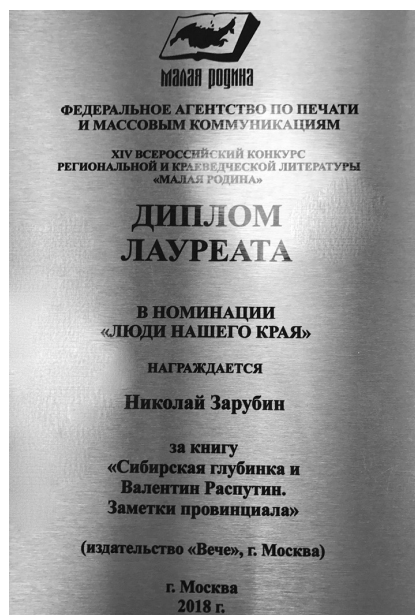
Владимир Скиф избран академиком Академии поэзии

В нынешнем году единодушным решением Художественного совета за многие заслуги в области отечественной культуры Скиф Владимир Петрович был избран Академиком Российской Академии поэзии. С 17 по 20 мая в Санкт-Петербурге состоялся Международный книжный салон, приуроченный к 20-летию Российской Академии поэзии, где было торжественно объявлено о вручении Владимиру Скифу «Диплома Академика Академии поэзии». Напомним, что дипломы академиков в своё время получили известные на весь мир российские поэты Расул Гамзатов, Глеб Горбовской, Юрий Кузнецов и другие знаменитые поэты. В связи с 20-летием Российская Академия поэзии ныне выпустила альманах «Академия поэзии», где подборка стихов Академика поэзии В. Скифа.

***Редколлегия журнала «Сибирь» поздравляет поэта
с высоким писательским званием***

Победа тулунского писателя Николая Зарубина

Конкурс региональной и краеведческой литературы «Малая Родина» проводится с 2005 года под эгидой Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. За это время он завоевал признание российских издателей.

На конкурс 2018 года поступило около 250 изданий от более чем 60 издательств и издающих организаций, выпускающих литературу региональной и краеведческой тематики. В этом году в конкурсе приняли участие издательства из Москвы, Санкт-Петербурга, Астрахани, Воронежа, Ижевска, Казани, Курска, Нижнего Новгорода, Рыбинска, Рязани, Якутска и других городов.

В 2018 году конкурс проводился по пяти номинациям. По итогам XIV Всероссий-

ского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина» – 2018 в номинации «Люди нашего края» первое место и Диплом лауреата получил Николай Зарубин (г. Тулун) (Зарубин Н.К. Сибирская глубинка и Валентин Распутин. Заметки провинциала. — М.: Вече, 2018).

***Редколлегия журнала «Сибирь» поздравляет писателя
Николая Капитоновича ЗАРУБИНА с наградой!***